

*Труды теоретико-лингвистической школы
в области общего и русского языкознания*

Воронежский государственный университет
Центр коммуникативных исследований
Центрально-Черноземное региональное отделение
НМС по иностранным языкам

**Язык
и национальное сознание**

Вып. 14

Продолжающееся научное издание



**Воронеж
2010**

Очередной, четырнадцатый выпуск межвузовского научного сборника «Язык и национальное сознание» посвящен теоретическим и прикладным проблемам изучения соотношения языка и различных форм сознания.

Для филологов, преподавателей русского языка, иностранных языков, преподавателей русского языка как иностранного, специалистов в области когнитивных исследований и межкультурной коммуникации.

Редакционная коллегия:

д.ф.н. Попова З.Д., к.ф.н. Саломатина М.С. - зам. научного редактора, д.ф.н. Стернин И.А. – научный редактор, д.ф.н. Стернина М.А., д.ф.н. Чарыкова О.Н.

Компьютерная верстка и оригинал-макет –
М.С. Саломатина, И.А. Стернин

Сборник подготовлен при поддержке гранта по проекту 2.1.3 № 556 «Русское языковое сознание в лингвокогнитивном аспекте (понятие языкового сознания, методы исследования, описание русского языкового сознания, национальная специфика)» аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 годы)»

© Коллектив авторов, 2010

Язык и национальное сознание. Вып. 14 / Научный ред. И.А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2010. – 173 с. 200 экз.

От редакции

Предлагаемый вниманию читателей сборник продолжает тематическую серию публикаций «Язык и национальное сознание», выпускаемую совместно кафедрой общего языкознания и стилистики ВГУ, Центром коммуникативных исследований ВГУ, кафедрой русского языка и методики его преподавания Борисоглебского ГПИ и Центрально-Черноземным региональным отделением НМС по иностранным языкам Федерального агентства по образованию РФ. Данный выпуск является четырнадцатым в серии продолжающихся изданий. Предыдущие выпуски (1-13) вышли в Воронеже в период с 1998 по 2009 гг.

Сборник отражает результаты совместных исследований коллективов-учредителей в области теории и практики описания языкового, коммуникативного и когнитивного сознания носителей языка.

Редакция приглашает к сотрудничеству всех исследователей, занимающихся проблемами соотношения языка и сознания.

Электронный адрес редакции: sternin@phil.vsu.ru.

Вопросы теории

А.П. Бабушкин

Методика выявления концептов разных типов¹

Концепт – это ментальная репрезентация, отвечающая представлению о смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание его опыта в познании мира в виде неких «квантов знания» (КСКТ 1996, с. 90; The Blackwell Dictionary 1994, р. 77). В истории когнитивной науки существовали разные точки зрения на форму и содержание ментальных репрезентаций, и даже сегодня ведутся споры об их природе. Имеются некоторые ученые, скептически относящиеся к репрезентации реалий окружающей действительности в сознании *homo sapiens* в виде образов, они предпочитают говорить не об образах, а именно о концептах, противопоставляя тем самым два этих понятия. Размышления противников образного характера репрезентаций сводятся к следующему. Ментальные репрезентации осуществляют связь между словом и миром (*words and the world*). Слово обозначает предметы и явления, потому что оно ассоциируется с чем-то в голове говорящего или слушающего. Если следовать простой и старой идее о том, что ментальные репрезентации являются образами (*images*), то необходимо признать отношение сходства между ними и объектами реальной действительности. Однако за существительными типа «дом» или «машина» в головах разных людей возникают и разные образы в зависимости от их личного житейского опыта. Под словом «треугольник», например, один человек мыслит равносторонний треугольник, второй – равнобедренный, а третий – какую-то иную разновидность данной геометрической фигуры. Следовательно, трудно представить образ, который бы разделял признаки, свойственные всем треугольникам, домам и машинам. Эта проблема во много раз усложняется, если задуматься об образах реализации таких слов, как «животные», «пища», не говоря уже о «любви», «справедливости» и «демократии».

Необходимо модернизировать теорию образа, продолжают эти авторы, признав, что предмет, находящийся «вне нас» репрезентируется нашему сознанию в качестве абстрактной, а не визуально-образной сущности, и именно эта абстракция именуется концептом.

Концепт не имеет визуально-образного начала, но позволяет осознать, что «собака» - это собака, а «демократия» - демократия (Saeed 2006, р. 32-33). Сторонники данной теории безусловно правы в признании заместительной функции концепта (на эту функцию еще в 20-ые годы прошлого столетия указал

¹ Работа выполнена при поддержке гранта по проекту № 556 «Русское языковое сознание в лингвокогнитивном аспекте (понятие языкового сознания, методы исследования, описание русского языкового сознания, национальная специфика)» аналитической ведомственной целевой программы “Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 годы)”

наш соотечественник С.А. Аскольдов), однако лишать образной составляющей исключительно все концепты, с нашей точки зрения, неправильно. Ученые, на идеи которых мы ссылаемся, возводят в абсолют пропозициональноподобную природу репрезентаций: «Мы со всей уверенностью можем дать пропозициональное определение треугольнику – трехсторонний многоугольник, классифицируемый по многообразию своих углов и сторон» (там же). Однако в случае гипертрофирования роли пропозиций не учитывается известная теория двойного кодирования (образного и языкового), связанная с именем А. Пейвио, и не принимается во внимание концепция универсального предметного кода (УПК), разработанная российскими психологами и лингвистами Н.И. Жинкиным, И.Н. Гореловым, А.А. Залевской и другими учеными. Единицы универсального предметного кода являются предметно-чувственными образами, свойственными индивидуальному сознанию любого человека, они включаются в состав концептов наряду с «прикрепленным» к ним рациональным знанием (Попова, Стернин 2007, с. 39-40).

Наконец, противоречия между образами и концептами, стоящими за словами «дом», «машина», «треугольник», «животные», «любовь», «справедливость» и «демократия», можно было бы снять, признав неоднородный характер концептов. Эта неоднородность объясняется, прежде всего, великим многообразием мира, в котором человек существует и которое он осмысливает.

Нами была разработана типология концептов, включающая их следующие разновидности: мыслительные картинки, схемы, фреймы и сценарии, а так же так называемые «калейдоскопические концепты», соотносимые с репрезентациями абстрактных имен и слов морально этической сферы (Бабушкин 1996).

Если понимать под концептом «квант» структурированного знания, говорить о возможности извлечь из концепта разные признаки, выделять его разные слои и описывать его именно как структуру (см. работы З.Д. Поповой и И.А. Стернина), то идея дифференциации концептов по их содержанию представляется важным соображением, и тогда термин «концепт» будет выступать как родовое обозначение на фоне его видовых ветвлений, – пишет Е.С. Кубрякова (Кубрякова 2004, с. 317).

Однако мало назвать типы концептов – необходимо объяснить, почему лингвист имеет право рассуждать о них.

Как уже отмечалось, концепт – это ментальное образование, скрытое от непосредственного наблюдения. Каким же образом концепт перестает быть «вещью в себе», какова методика выявления этого мыслительного конструкта и его видовых ветвлений?

Ответ – через семантику языковых средств. Существуют традиционные методики лингвистического анализа концептов, концепт может быть также определен с помощью психолингвистического эксперимента. Экспериментальная методика описания когнитивных структур подробно представлена в книге «Когнитивная лингвистика» З.Д. Поповой и И.А. Стерниным.

В настоящей статье мы подходим к проблеме выявления концептов с семантико-когнитивных позиций и ставим перед собой задачу обозначить способы выявления концептов разных типов, хотя и в нашей работе последует

ссылка на чрезвычайно простой, но – хочется верить – показательный эксперимент.

Итак, для того, чтобы концепт стал объектом лингвистического исследования, он должен быть «оязыковлен», то есть «схвачен» языковым знаком. Не менее важным представляется определение характера информации, подводимой под этот знак. Именно последний фактор будет определяющим в процессе выявления концептов, не совпадающих по своей «фактуре».

Информация, которую несет в себе языковая единица, выражается в ее значении. Вслед за М.М. Копыленко и З.Д. Поповой для именования идеальной, содержательной стороны слова (иначе – его значения) мы будем использовать термин «семема», а для материальной субстанции слова, его звучания – термин «лексема». Кардинально важным для нас является тот факт, что семема, в свою очередь, подразделяется на семы – минимальные единицы плана содержания, то есть имеет свою структуру (Копыленко, Попова 1972, с. 40).

Информацию, несомую значением слова («битами» его сем), нельзя полностью приравнять к содержанию концепта (значение является частью концепта), но и значение, и концепт, стоящий за словом, представляют собой когнитивные сущности. Семема своими семами передает определенные когнитивные признаки и компоненты, образующие концепт (Попова, Стернин, указ. соч., с. 92-93).

Еще раз остановимся на технике выявления типов концептов, изложенной нами в книге (Бабушкин 1996). Это вынужденная мера, так как без обращения к данному материалу не возможен ход наших дальнейших рассуждений.

Признавая отношение инверсии, существующее между словом и его лексикографическим толкованием (идеальное в слове декодируется в его определении, «упаковано» в нем), можно с уверенностью сказать, что по дефинициям лексем, представляемым толковыми словарями, можно судить о характере концептов, их своеобразии и – следовательно – дифференцировать их по типам.

Проиллюстрируем заявленный нами метод определения типов концептов на конкретных примерах, обратившись к одному из толковых словарей (Черных 1994).

1. Концепты – мыслительные картинки (близкие к традиционно трактуемым представлениям) объективируются в так называемых образных семах:

Петух – самец курицы с мясистым красным гребнем на голове, со шпорами на ногах, имеющий способность время от времени производить однообразные короткие выкрики, отдаленно похожие на пение.

2. Концепты-схемы воплощаются в пространственных (объемных и контурных) схемах:

Столб – вертикально поставленное и укрепленное (вкопанное) бревно, толстый брус.

3. Фрейм – представляемый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт; за фреймом стоит архисема, оформленная рядом лексико-семантических групп.

Двор – отгороженный (от соседей) участок земли вместе с домом и другими постройками или прилегающий к дому.

4. Семы движения, динамики развития ответственны за формирование концепта-сценария.

Эстафета – род спортивного соревнования команд в беге, плавании и т.п., когда в начале каждого нового отрезка дистанции победитель передает условный предмет спортсмену своей команды.

(В скобках заметим, что термины «схема», «фрейм» и «сценарий», широко известные в когнитивной науке, в нашей интерпретации служат для выражения специфического содержания семем, хотя они и сориентированы на одноименные формы организации памяти в голове человека)

Конечно, для более объективного выявления концептуальной сущности слова необходимы данные не одного, а нескольких дополняющих друг друга словарей. Мы также отдаем себе отчет в том, что люди, как правило, не сверяют значения слов по лексикографическим источникам, но резонно заметить, что и не все они ставят перед собой цель определить тип того или иного концепта.

Особое место в типологии концептов занимают когнитивные структуры, которые мы называем «калейдоскопическими концептами». Как уже отмечалось, калейдоскопические концепты стоят за абстрактными словами и именами морально-этической сущности. В обычных толковых словарях передаются лишь самые общие представления о данных категориях. Калейдоскопическими эти концепты называются нами потому, что они в одних ситуациях проявляются в виде мыслительных картинок, в других – в виде схем, фреймов или сценариев. Калейдоскопические концепты обычно вербализуются в выразительных изречениях известных мыслителей прошлого: «*Что слава? Яркая заплата на ветхом рубище певца!*» (А.С. Пушкин); «*Пороки входят в состав добродетелей, как яды в состав лекарств*» (Ф. Ларошфуко); «*Чистая совесть – это постоянное Рождество*» (Б. Фрэнклин); «*История – неизменная пьеса, которую играют все новые и новые актеры*» (А. Монтерлан) (Бабушкин 1997).

Понятия (приближенные к их традиционной интерпретации) также объявляются нами концептами, но когнитивными моделями, лишенными всякой образности, это логически-конструируемые концепты, содержание которых равно смыслу лексикографических толкований тех или иных слов. Например, «*Право* – совокупность устанавливаемых и охраняемых государственной властью норм и правил, регулирующих отношения людей, а также наука, изучающая эти нормы.

С платформы вышесказанного перейдем к дальнейшим размышлениям о типах концептов и способах их объективации.

Остановимся на той идее, что выявление типов концептов по словарным определениям не является единственным доступным методом. В свое время мы пытались проиллюстрировать типы концептов примерами из художественных произведений (Бабушкин 1996), хотя тем самым лишь дублировали известные приемы. Как нам представляется, к способу выявления концептов по фрагментам прозаических или поэтических текстов следует присмотреться более внимательно. Дело в том, что некоторые словарные дефиниции не приводят исследователя к искомому результату.

Возьмем, например, лексему «волк» и проследим ее толкование по нескольким словарям:

- 1) Волк – хищное животное семейства псовых (Ожегов, Шведова 1996).
- 2) Волк – хищное животное, родственное собаке (Черных 1994).
- 3) Волк – дикое хищное животное семейства псовых, обычно серой окраски (ССРЛЯ 1948-1964).

Попытка выявить по трем словарям концепт-картинку «волк» не увенчается успехом, лишь в последнем случае находим указание на серую окраску шкуры волка.

Для сравнения см. зарисовку «с натуры», компенсирующую то, что по мнению составителей словарей, должно быть понятно «по умолчанию»:

1) *Нас разделяет шагов пятнадцать... Несколько сильных прыжков и волк будет возле меня. Но он стоит неподвижно. Увидев человека, он согнул и приподнял переднюю лапу. Точно так же на охоте, почуя дичь, делает стойку собака <...>.*

В объектив (фотоаппарата) я хорошо вижу два чуть прищуренных коричневых глаза, два небольших твердых уха под скуластой, почти округлой мордой, темной вверху и дымчато-серой снизу. Ни страха, ни злобы в глазах. Темная шерсть на крутом лбу слегка шевелится. Не сомневаюсь, что вижу в кадре мыслящее существо (В. Песков. В гостях и дома).

Другие авторы вносят в описание волка что-то свое, но близкое к уже сказанному:

2) *Иван Тимофеевич оглянулся – и обомлел: два тощих волка, поджав хвосты, прыгнули в сторону. Они остановились и, сонно щуря холодные бессмысленные глаза, трепетно шевеля ноздрями, вытянули морды. Иван Тимофеевич увидел даже седину на нижней челюсти волка (В. Белов. Весна).*

3) *Волки серыми комками податливо катились с горы, наперерез подводам... Впереди отмахивал крупный, грудастый с паленой мордой.*

Ивана поразило сходство волка с овчаркой. Раньше он волков так близко не видел и считал, что это что-то вроде овчарки. Сейчас он понял, что волк – это волк, зверь (В. Шукшин. Волки).

Приведенные здесь описания волка в границах каждого текста формируют самостоятельный блок с четко очерченными границами. Точно также, как в словарном определении образные семы несут дескриптивную информацию о концепте «мыслительной картинке», в рамках приведенных выше текстовых отрывков объективируется набор признаков, реализуемых в плане содержания лексемы «волк», которая выступает в качестве слова-мишени, то есть тематически главной для данного отрывка лексической единицы.

Важно и другое. Если сравнить мыслительную картинку, презентированную универбом «*петух*», то следует признать, что набор сем, ответственных за формирование семы «*петух*» несет в себе констатирующую информацию (которой в принципе владеет любой носитель языка), а признаки, раскрывающие в тексте когнитивный образ лексемы «*волк*» - познавательную, когнитивно-релевантную информацию, считываемую посредством «*our mind's eye*» («оком нашего разума») (Mind and Cognition 2007, p. 400-402).

С другой стороны, даже самое подробное описание объекта, «диковинного», скажем, для русского национального сознания не приведет к формированию

концепта как когнитивной структуры, способной храниться в долговременной памяти носителя языка: набор мыслительных картинок ограничен картиной мира, сложившейся в сознании национального коллектива и его отдельных членов.

Волк знаком для людей, говорящих по-русски, с самого раннего детства как герой народных сказок. Изображения этого животного встречаются в книгах, волка можно увидеть в зоопарке. Однако визуальные характеристики, присущие этому зверю, будучи описанными мастерами художественного слова, обогащают содержание одноименного концепта и компенсируют скучность лексикографических дефиниций соответствующей лексемы.

К сказанному следует добавить, что не все концептуальные признаки объекта хранятся в долговременной памяти – фиксируются лишь наиболее существенные. В этой связи уместен пример американского философа Я. Вестерхорфа: В презентации нашему сознанию образа тигра не важно точное число полос по его бокам (Westerhoff, p. 605).

Вслед за концептом – мыслительной картинкой, извлекаемой из текста, перейдем к размышлениям о способах выявления концепта-схемы, дополняющих уже известную методику определения модели этого типа.

Схемы включаются в совокупность перечисленных А. Пейвио картиноподобных презентаций (КСКТ 1996, с. 157), но особенность схем в этом списке заключается в генерализации и симплификации «картиночности».

Каким образом можно наглядно продемонстрировать характер плана содержания слов типа «дерево», «цветы» или «птица», представляющих собой рубрики соответствующих категорий? Как же определить специфику концептов «дом» и «гора»? На помощь приходит элементарный эксперимент, позволяющий доказать пространственно-графическую природу этих ментальных презентаций. Сорока пяти студентам первого курса филологического факультета, составляющим три учебные подгруппы, было предложено в предельно сжатый отрезок времени нарисовать дорогу. Было получено сорок пять изображений дороги в виде двух параллельных, горизонтально расположенных прямых.

Опыт общения с детьми свидетельствует о том, как они рисуют человека – в единстве его головы, туловища, рук и ног. Детское творчество часто сопровождается рифмовкой: «Точка, точка, запятая, минус, рожица кривая, палка, палка, огуречик – вот и вышел человечек» (Попова, Стернин 1999, с. 18). «Застывшую» метафору можно увидеть в словах «птичка» (или «галочка») – знака, которым отмечается что-то важное на полях книги или рукописи.

В связи с термином «метафора» вернемся опять к слову «дорога». Интересно, что в целом ряде поэтических произведений она (внимание!) также сравнивается с полосой или лентой.

- 1) *Тоскуя – полосою длинной,
В туманной утренней росе,
Вверяет эху сон пустынный
Осиротелое шоссе*
(Ф. Глинка)
- 2) *Иду один. Передо мною
Дороги пыльной полоса*

<...> *И также лентою широкой
Дорога длинная лежит*
(И. Никитин)

3) *Вьется лента дорог
Серпантином вчераших надежд...*
(А. Булатова)

Совершенно интуитивно возникает предположение, что за словом «полоса» мыслится прямая дорога, а за «лентой» - извилистая.

«Схему» в голове человека нельзя понимать натуралистически. Просто она «угадывается» в словах «гора», «пропасть», «река», «дерево», «дорога», поэтому стоящие за этими словами реалии легче представить как схему, а не как картинку.

Признаки концепта-фрейма также вербализуются в отрывках из художественных произведений. Составители словарей надеются на предварительные знания пользователей, когда толкуют, например, значение слова «базар», и мы мысленно соглашаемся с писателями, которые предлагают нам свое (развернутое) видение этого места торговли, узнаем образные картины, хранящиеся в нашей памяти:

1) *Базар был буен, пахуч, ряды конкурировали свежей рыбой, мандаринами и цветами (А. Веллер. А вот те шиши).*

2) *Да... базары моего детства... И самый главный, легендарный и грандиозный – Алтайский! <...>*

Издалека душино благоухали прессованные кубы из желтых сушеных дынь...

Россыпью полудрагоценных камней сверкали ряды сухофруктов: черный, янтарный, красноватый изюм, тусклое золото урючин, антрацитовые слитки чернослива...

А оранжево-глянцевые кулаки первой хурмы, а горы багровых, с маленькой сухой короной, гранатов, и один обязательно расколот на погляд: из-под молочной пленки капельками крови выглядывают плотно притертые друг к другу зерна ... А бледно-желтые плешиевые, с островками замии на каменных боках, плоды айвы! А тяжелые влажные кирпичи халвы – золотистой кунжутной, охристой маковой, урючной ... да и Бог еще знает какой!

(Д. Рубина. *На солнечной стороне улицы*)

Разница между мыслительной картинкой и фреймом в текстовых презентациях заключается в том, что в первом случае «око разума» (*mind's eye*) направлено на один объект, а во втором случае – на их множество, заключенное в единую «голографическую картинку».

По фрагменту художественного текста выявляется и концепт-сценарий. Этот тип концепта убедительно раскрывает известный фрагмент из романа М. Шолохова «Тихий Дон», описывающий драку между казаками.

«Через высокий плетень Григорий махнул птицей. С разбегу сзади хлобыстнул Степана. Тот качнулся и, обернувшись, пошел на Гришку медведем.

Братья Мелеховы дрались отчаянно. Клевали Степана, как стервятники падаль. Несколько раз Гришка катился наземь, сбитый Степановой кулачной свинчаткой. Жидковат был против заматеревшего Степана. Но низенький выюн Петро гнулся под ударами, как камыш под ветром, а на ногах стоял твердо.

Степан, сверкая одним глазом (другой затек опухолью цвета недоспелой сливы) отступал к крыльцу.

Разнял их Христоня, пришедший к Петру за уздечкой.

- Разойдись! – махал он клаешнятыми руками. – Разойдись, а то к атаману!»

Свой вариант сценария драки дает М. Зощенко в рассказе «Нервные люди». Драка в коммунальной квартире вырастает из ссоры на кухне – Марья Васильевна Щипцова взяла чужой ежик, которым моют бутылки:

«Все жильцы, конечно, поднаперли на кухню. Хлопочут. Инвалид Гаврилыч тоже является.

- Что это, говорит, - за шум, а драки нету?

Тут сразу после этих слов и подтвердилась драка. Началась.

А кухонька, знаете, узкая. Драться неспособно. Кругом кастрюли и примуса. <...> А инвалид, чертова перечница, несмотря на это в самую гущу вперся. Иван Степанович, чей ежик, кричит ему:

- Уходи, Гаврилыч, от греха! <...> Тут в это время кто-то и ударяет инвалида кастрюлей по голове.

Инвалид – брык на пол и лежит. Скучет.

Тут какой-то паразит за милицией кинулся.

Является мильтон. Кричит:

- Запасайтесь, дьяволы, гробами, сейчас стрелять буду!

Только после этих роковых слов народ маленько очухался. Бросился по своим комнатам».

Два эпизода, один – трагический, другой – грубовато-комический, структурно повторяют друг друга. В них есть завязка событий, динамика их развития, апогей и следующая за ним кульминация; между участниками действия распределяются роли, как это положено в любом сценарии.

Впрочем, рубрика сценария (в данном случае – «Драка») не обязательно должна быть представлена унивебром. Классическими примерами сценария являются сценарии «Поход в театр» или «Посещение ресторана», когда некая целостность ситуации обозначается не однозначно. В этой связи, завершая разговор о концептах-ситуациях, рассмотрим когнитивную модель, обозначенную сочетанием слов «Встреча Нового года».

См. нижеследующую иллюстрацию, которая возвращает нас в недавнее прошлое и одновременно сохраняет череду эпизодов, перманентно удерживаемых в сознании носителя русского языка:

Старый год проводили чинно – выпили шампанского.

- А телевизор? Телевизор-то включить! – заволновалась Фаина Ивановна и поискала глазами телевизор. Телевизора не было.

- Как это? В наше время и без телевизора! – изумилась Фаина Ивановна.

Пришлось ей обойтись без Брежнева, без «Голубого огонька», без «Карнавальной ночи». В двенадцать бомкнули бабушкины настенные часы, - чокнулись. Пошла в ход большая Файнинна еда.

(Л. Улицкая. Искренне ваши Шурик)

Сочетание слов «Встреча Нового года» репрезентирует атмосферу праздничного застолья, события состоящего из ряда стереотипных действий.

Отсутствие одного из них (здесь – невозможность посмотреть программу новогодних телепередач) воспринимается как непорядок, как сбой в надлежащей церемонии.

Проверка устойчивости данного концепта-сценария происходит в процессе интроспекции, когда в памяти активизируются знания, основанные на личном опыте каждого.

Перейдем к анализу способа объективации калейдоскопических концептов на материале абстрактных существительных. Авторы коллективной монографии «Логический анализ языка. Языки этики» (2008) отмечают особую сложность определения когнитивной сущности этических номинаций. В работах А.Д. Кошелева, Л.Г. Пановой, В.О. Максимова, Н.Д. Арутюновой, Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелева, А. Зализняк и других ученых изучаются языковые выражения таких концептов, как «долг», «добро», «стыд», «совесть», «позор» и им подобных мыслительных формул.

Показано, что чаще всего смысл лексем типа «добро» и «зло» раскрывается в многочисленных контекстах их употреблений. Однако рациональное содержание этических концептов можно также познать с помощью когнитивных метафор. Метафора понимается как средство видения одного объекта через другой. «Метафора обычно относится не к отдельным изолированным объектам, а к сложным мыслительным пространствам (областям чувственного или социального опыта)», - пишет Л.Г. Лузина, - «В процессе познания эти сложные непосредственно наблюдаемые мыслительные пространства соотносятся через метафору с более простыми или с конкретно наблюдаемыми мыслительными пространствами (например, человеческие эмоции сравниваются с огнем, сферы экономики и политики – с играми, спортивными соревнованиями и т.д.). В подобных метафорических представлениях происходит перенос концептуализации наблюдаемого мыслительного пространства на непосредственно наблюдаемое, которое в этом процессе концептуализируется и включается в общую концептуальную систему данной языковой общности» (КСКТ 1996, с. 55).

Прекрасно описанный Л.Г. Лузиной механизм образования когнитивных метафор годится и для анализа слов абстрактной семантики. Но они бывают порой настолько сложными и многогранными, что необходима не одна, а целый ряд метафор, для того, чтобы проявилась какая-то новая грань одного и того же «трудного» слова – в этом и заключается суть «калейдоскопичности» его плана содержания.

Мы уже говорили о важности афоризмов и сентенций, представляющих значение интересующих нас лексических единиц. Вот как в них, по-разному, в виде чередующихся образов репрезентируется концепт «время»: «Время – корабль, никогда не бросающий якоря» (мыслительная картинка); «Время – это ткань, из которой сделана жизнь» (схема); «Время неподвижно как берег» (фрейм); «Время скребет, роет нас, как землекоп почву, и обозначает нашу геологию» (сценарий).

«Вернисаж» образов, заданных темой «время», формирует семантическое поле, позволяющее взглянуть на концепт «время», как бы в калейдоскоп, глубже проникая в его содержание, хотя и не раскрывая это содержание полностью.

Подведем итоги сказанному. Нельзя объявить какую-то одну методику достоверной и единственной в выявлении типов концептов. Их природу способен вскрыть психолингвистический эксперимент; тип концепта определяется по словарному толкованию лексической единицы; ту или иную когнитивную структуру может объективировать фрагмент художественного текста; содержание концепта презентируется набором метафор.

Следует заметить, что каждый из перечисленных здесь способов имеет свой недостаток: эксперимент требует подготовки, особой организации, а иногда и специального оборудования; обращение к словарным дефинициям порой не приносит успеха, так как изложенная в них информация оказывается недостаточной для когнитивного анализа; выявление типа концепта по фрагменту художественного произведения ущербно тем, что этот процесс сопровождается излишне детализированными личными впечатлениями писателя; метафоры требуют усилий по переводу «эмоционального» в «рациональное» и для полного познания концепта их число должно быть невообразимо большим.

Тем не менее, описанные нами методы в их совокупности позволяют выявить вербально природу концепта и дают возможность продемонстрировать «схваченные» языковыми знаками по-разному организованные образные составляющие концептуальных единиц в зависимости от особенностей тех «кусочков действительности», которые они замещают.

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической синтаксике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1996.

КСКТ – Кубрякова Е.С., Демьянов В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянов, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Моск. ун-т, 1996.

Кубрякова Е.С. Язык и знание / Е.С. Кубрякова. – М.: «Языки славянской культуры», 2004.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: «Восток-Запад», 2007.

Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Каф. общего языкознания и стилистики, 1999.

Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии / М.М. Копыленко, З.Д. Попова. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1972.

Логический анализ языка. Языки этики / Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко, Н.К. Рябцева. – М.: «Языки славянской культуры», 2000.

Вечные истины в образных ассоциациях. Словарь – пособие для шк. сочинений / Сост. А.П. Бабушкин. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1997.

The Blackwell Dictionary of Cognitive Psychology / Ed. by M.W. Eysenck. – Cambridge, Massachussets: Blackwell Publishers, 1994.

Saeed J.I. Semantics / J.I. Saeed. - Cambridge, Massachussets: Blackwell Publishing, 2006.

Westerhoff Y. Logical Relations Between Pictures / Y. Westerhoff // The Journal of Philosophy. V. C II, No 12. – P.P. 603-627.

Mind and Cognition. An Anthology / Ed. by W.G. Lycan, 2007.

Словари

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: «Азъ», 1996.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литер. Языка: В 17-и т. М.-Л.: АН СССР, 1948-1964.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – В 2-х т. / П.Я. Черных. – М.: «Русский язык», 1994.

М.В. Влавацкая (Новосибирск)

Типы контекста и понятие сочетаемости

Термин «контекст» имеет множество значений и принадлежит к разным областям знаний. В лингвистике «контекст» соотносится с такими понятиями, как «сочетаемость», «дистрибуция», «окружение» и «позиция». Его концептуальными основаниями являются 1) системно заданные свойства языковых единиц в речемыслительном процессе, реализующие себя в связях с другими языковыми единицами, детерминируя их и детерминируясь ими; 2) языковые единицы, сохраняющие тождественность себе и в своих инвариантных свойствах, видоизменяют другие свои свойства под воздействием окружения. Из этого следует, что контекст проявляет сущностные свойства языковых знаков и, следовательно, всё время находится в языковом сознании (Энциклопедия «Русский язык» 1997, с.198).

Широкое распространение в российской лингвистике получило определение контекста, данное Г.В. Колшанским, под которым понимается «совокупность формально фиксированных условий, при которых однозначно выявляется содержание какой-либо языковой единицы» (Колшанский 1959, с.46). Лингвистический энциклопедический словарь «Языкоznание» даёт следующее определение: контекст – фрагмент текста, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы, являющегося непротиворечивым по отношению к общему смыслу данного текста. Другими словами, контекст – это фрагмент текста минус определяемая единица (2000, с.238). С точки зрения речевого аспекта, контекстом называется лингвистическое окружение данной языковой единицы; условия, особенности употребления данного элемента в речи (Ахманова 2004, с. 206).

В зависимости от конкретных целей исследования выделяют: 1) микроконтекст – минимальное окружение единицы, в котором она, включаясь в общий смысл фрагмента, реализует своё значение плюс дополнительное кодирование в виде ассоциаций, коннотаций и т.д. 2) макроконтекст – окружение исследуемой единицы, позволяющее установить её функцию в тексте в целом (ЛЭС 2000, с.238). Следовательно, микро- и макроконтекст различны по своим функциям, их границы не могут быть определены заранее, т.к. они зависят как от единицы анализа, так и от целей исследования. В подобных случаях можно говорить о дистантной сочетаемости.

В настоящее время существует несколько определений контекста как в узком, так и в широком смысле. Под лингвистическим контекстом понимается языковое окружение, в котором употребляется та или иная единица языка в тексте. Контекстом слова является совокупность слов, грамматических форм и конструкций, в окружении которых использовано данное слово.

С другой стороны, слова в тексте или в речи соединяются не только с языковым контекстом, представленным непосредственно окружающими словами, но и с широким контекстом, способным «выступать в виде непосредственной языковой обстановки, в которой происходит речевой акт, и в виде описания этой обстановки» (Амосова 1958, с.23).

Контекст может рассматриваться в разных аспектах в зависимости от цели анализа. В коммуникативном рассмотрении различают собственно лингвистический и экстралингвистический контексты. В представление о коммуникативном контексте входят сами участники речевого акта, область тематического дискурса, условия общения, цели и задачи участников, характер их взаимоотношений, правила речевого поведения и т.д. В данном значении контекст тесно соотносится с «контекстом ситуации» Дж.Р. Фёrsa, т.е. условиями, в которых осуществляется данный речевой акт с точки зрения их воздействия на него, его детерминированности особенностями данной культурной общностью (1962). Главная идея «контекста ситуации» заключается в том, что высказывание получает смысл в ситуативном и социальном контексте и является функцией такого контекста. В данной концепции учитывается влияние на языковую семантику коммуникативной ситуации, ролевой структуры общения, социальных факторов и условий функционирования языка, т.е. всего многообразия познаваемого человеком мира, образующего информационную основу коммуникации.

Контекст является инструментом определения инвариантных и зависимых свойств языка. Минимальные контексты лежат в основе лексических функций в теории модели «Смысл↔Текст» А.К. Жолковского и И.А. Мельчука (1968; 1974). Они способствуют выделению разных типов сочетаемости и разных оснований контекстных ограничений: если в словосочетании *карие глаза* выбор прилагательного определяется реалией, то в словосочетании *круглый дурак* можно говорить о чисто лексической сочетаемости.

С течением времени понятие контекста претерпевает изменения. В середине 70-х годов XX в. он понимался только как семантический и понимался как средство обнаружения тонких смысловых различий (частиц, союзов, модальных слов). Постепенно понятие контекста расширяется до высказывания.

В российском языкоznании основы учения о контексте, о контекстологическом анализе слова были заложены Н.Н. Амосовой. Контекстом она называет «сочетание семантически реализуемого слова (т.е. слова, относительно реализации значения которого контекст вычленяется) с указательным минимумом (т.е. элементом речевой цепи, несущим требуемое семантическое указание)» (1963, 28). Иначе говоря, это соединение указательного минимума с семантически реализуемым словом. В таком понимании контекста лежит модель полисемии и

омонимии в языке. Эти языковые явления являются универсалиями, и в данной связи языковой знак проявляет асимметрию.

Все значения каждого языкового знака можно разделить на лексико-семантические варианты, которые могут определяться по лексической, грамматической и комбинированной сочетаемости. В речи слово актуализируется только в одном из возможных лексико-семантических вариантов. Говорящий и слушающий владеют одним языковым кодом и знакомы с условиями реализации слов в данном языке. Владея контекстуальными индикаторами, можно легко понять, в каком из возможных значений употребили слово и таким образом понять смысл текста. При всем при этом система языка остаётся неизменной.

Как утверждает Н.Н. Амосова, узкий контекст – сочетание семантически реализуемого слова (т.е. слова, относительно реализации значения которого контекст вычленяется) с указательными минимумом (т.е. элементом речевой цепи, несущим требуемое семантическое указание). Узкий контекст – это конструктивный фактор. Широкий контекст – соотносится с речевой ситуацией или текстом, это – ситуативный фактор (1963, с.28-30).

Главное внимание Н.Н. Амосовой занимало разграничение постоянного и переменного контекста при описании и характеристике фразеологических единиц. Переменный контекст – тот, в котором указательный минимум допускает большее или меньшее количество вариаций в пределах одного и того же семантического результата. В переменном контексте семантическая обусловленность слова называется контекстуальной связанностью (Амосова 1963, с.34).

В переменном контексте реализуются свободные значения слов, о чем свидетельствует вариативность указательного минимума «в пределах одного и того же семантического результата» (1963, с.34). Постоянному контексту свойственно то, что указательным минимумом в нём является «сама по себе синтаксическая конструкция, элементом которой является

семантически реализуемое слово, независимо от лексических значений входящих в эту конструкцию слов» (там же).

Н.Н. Амосова, ограничивая контекст рамками предложения, различает лексический, синтаксический и комбинированный (смешанный) контексты в зависимости от того, на каком уровне отмечена индикация. Важно подчеркнуть, что в данной теории контекст рассматривается как единство реализуемого слова и индикатора, другими словами, учитывается их взаимосвязь и взаимодействие. Следуя положениям Дж. Р. Фёрса, внеязыковые условия, влияющие на реализацию значения, Н.Н. Амосова называет ситуацией, которая в свою очередь подразделяется на внетекстовую, или жизненную, включающую экстралингвистические условия, и текстовую – общую тему текста или текстовое описание ситуации.

Роль контекста в языках достаточно велика, однако для английского языка она значительно выше из-за характера английского грамматического строя. Принципиально возможно аналитическое различие двух основных типов переменного контекста, отличавшихся друг от друга характером указательного минимума: лексического и синтаксического контекста.

Лексический контекст – контекст, содержащий такой указательный минимум, который способствует реализации значения слова посредством самой семантики составляющего этот указательный минимум слова или комплекса слов, независимо от характера их синтаксической связи с семантически реализуемым словом. Он представляет совокупность лексических единиц, слов и устойчивых словосочетаний, в окружении которых используется данная единица. Синтаксический контекст проявляет себя в определённой синтаксической конструкции, в которой употребляется данное слово или словосочетание (Амосова 1963, с.34).

Переменный характер контекстов определяется прежде всего подменяемостью слов, входящих в указательный минимум. Основным признаком переменного контекста является вариативность лексического состава указательного минимума.

Рассмотрим лексический контекст английского прилагательного *dark*. Первое его значение «тёмный по видимости» реализуется в нём при сочетании с существительными со значением «тёмное место или время суток», например, *a dark room / street / night*. Второе – «тёмный по цвету» в сочетании с любым материальным объектом, предметом, веществом, например, *He was tanned and had dark curly hair*. Третье – «смуглый», обычно реализуется в сочетании с существительными, обозначающими оттенок кожи или лица, например, *Henry was a tall dark man*. Четвёртое значение прилагательного «морально неблагонадёжный, опасный» реализуется только перед существительным, обозначающим «отрицательную особенность характера человека», например, *I always suspected there was a darker side to his character*. Пятое значение «смутный, тяжелый, мрачный» реализуется при сочетании с существительными, обозначающими «период времени», например, *This was the President's darkest hour*. Шестое значение, как и все предыдущие, является лексически связанным и означает «печальный», например, *He gave me a dark look*. Седьмое также имеет значение «печальный» и актуализируется при указательном минимуме с типовым значением «результат процесса мышления», например, *Before the war he had dark thoughts because he believed that something bad was going to happen*. Восьмое значение «загадочный» появляется в сочетаниях с существительными, обозначающими «нечто скрываемое от других, известное не всем», например, *She kept a dark secret till her death in 1987* и т.д.

Во всех этих примерах лексический указательный минимум является одночленным, т.к. состоит из одного ключевого слова, достаточного для реализации данного значения семантически реализуемого слова *dark*. Все представленные контексты реализуются в синтаксической модели *dark+сущ.*, т.е. синтаксическая связь слова *dark* с ключевым словом дана прямо, без помощи дополнительных уточнений, и может варьироваться.

С точки зрения контекстологического анализа в любом из выше приведённых случаев контекстуальный набор может быть определён в своём составе (или в виде контекстуальной формулы, или в виде перечня) и обнаруживать:

- 1) лексическую связность значения семантически реализуемого слова;
- 2) переменный характер лексического указательного минимума.

Вместе с тем прилагательное *dark* может и не являться определением по отношению к ключевому слову или объектным предикативным членом. Тогда их синтаксическое сцепление осложняется включением связующих элементов, например, *The sky was getting so dark*, где семантически реализуемое *dark* выступает в функции предикатива, ключевое слово *the sky* по отношению к *dark* подлежащим, а связь между ними осуществляется с помощью связочного глагола *was getting*. В предложении *It was getting dark with smoke*, указательный минимум представлен предложным дополнением.

Рассмотрим лексический контекст в ряде случаев употребления прилагательного *dead*. Его первое значение «мёртвый», реализуется при сочетании с существительными, принадлежащими к классу людей и животных ранее живших, например, *dead body / cat / people* и т.д. *Rescue workers are still pulling dead bodies out of the rubble*. Второе значение «утративший основное свойство, не работающий» также может реализоваться в сочетании с существительным, означающим какой-либо прибор или механизм, например, *dead batteries / engine / radio* или *The phone suddenly went dead*. Третье значение *dead* «неинтересный, скучный, не предвещающий оживления», также как и предыдущие значения является лексически связанным и актуализируется при указательном минимуме места, времени или ситуации, например, *Winter is traditionally a dead time of year in the fashion business*. Значение «вышедший из употребления, не использующийся, изживший» сочетается с существительными класса «социальные формы общения», «политические и общественные движения, строи», а также «мысли, намерения, планы», например, *Latin is a dead language. Feminism is not dead. The idea of self-government for the area is now effectively dead*. Синтаксические связи между указательным (ключевым) словом и семантически реализуемым словом в этих случаях контекстуально непринципиальны.

Ещё одним значением является «очень усталый, слабый, больной», где *dead* выступает всегда в предикативной функции, например, *By the time we had finished we were all dead*. В этом значении *dead* никогда не используется перед существительным. В такой же синтаксической модели может выступать слово *dead* в значении «имеющий серьёзные проблемы», например, *If Louise catches you going through her purse, you're dead!*

Итак, контекст, указательный минимум которого представлен одним ключевым словом (ведущим или зависимым членом словосочетания, в который входит данное семантически реализуемое слово, или подлежащее или сказуемое к нему, или однородный член), называется контекстом I степени (Амосова 1963, с.37).

В то же время указательный минимум может реализовывать сразу два или даже более значений, например, *The people I saw in the room seemed dead*. Из данного контекста, не зная реальной ситуации, трудно понять какое значение имеет слово *dead*: мёртвые или усталые (больные). Ситуация способна элиминировать ненужное значение, но в данном случае мы ей не владеем. Это предложение составляет «нейтральный контекст», т.е. взятый изолированно. Поэтому здесь нужна определённая контекстуальная поддержка со стороны какого-либо другого члена данного речевого целого.

Существуют различные случаи, когда одно ключевое слово выступает только в качестве элиминирующего или негативного указателя, но элиминирование недействительных для данного речевого акта значений не может быть доведено с его помощью до нужного предела, т.е. до реализации актуального значения. Тогда указательный минимум становится сложным и может расширяться до состава распространённого члена предложения или даже до целого предложения. Это может происходить, когда слово, непосредственно связанное синтаксически с семантически реализуемым словом, является полисемичным и способно сочетаться в разных своих значениях с одним и тем же семантически реализуемым словом, также в разных его значениях.

Так, контекст может не совпадать ни со словосочетанием, ни с предложением, и граница его способна рассекать синтаксическое построение, лишая его структурной законченности, например, *It was in this trying situation, exposed to a galling fire of blank cartridges, and harnessed by the operation of the military, a fresh body of whom had begun to fall in in the opposite side, that Mr. Pickwick displayed that perfect coolness* (цит. по Амосова 1963, с.39).

Согласно Н.Н. Амосовой, лексический контекст, содержащий многочленный указательный минимум, называется контекстом II степени (1963, с.39).

Различие контекстов I и II степени состоит в их количественной характеристистике. В контексте I степени имеется прямая синтаксическая связь между ключевым и семантически реализуемым словом. В контексте II степени основной, решающий лексический указательный элемент может не иметь непосредственной синтаксической связи с семантически реализуемым словом. В качестве примера Н.Н. Амосова приводит следующее предложение: *One had... the tail of a mule detachable from the body of a lion* [1963, 40], где значение слова *body* (туловище) зависит от ключевого слова *tail* (хвост), т.к. другие элементы для его реализации недостаточны. Прослеживается только косвенная связь слова *tail* со словом *body*: *body* – предложное дополнение к прилагательному *detachable*, которое имеет атрибутивное отношение к именному члену предложного определения *of a mule*, и лишь последнее имеет непосредственную синтаксическую связь с ключевым словом *tail*.

Анализ форм лексического указательного минимума играет большую роль в изучении функционирования слова в речи. Все приведённые выше примеры относятся к переменному контексту, т.к. указательный минимум в нём выступает в различных лексических и конструктивных формах. Таким образом, при лексическом типе важно лексическое значение слов-индикаторов, под влиянием которых и происходит выбор семантически связанной с ними части значения ядра.

Однако переменный контекст может быть не только лексическим, но и синтаксическим. Указательный минимум в этом типе контекста может выступать в форме: 1) синтаксической функции ключевого слова или словосочетания по отношению к семантически реализуемому слову; 2) синтаксической функции самого семантически реализуемого слова в предложении. Синтаксический контекст возникает тогда, когда в роли индикатора выступает какая-либо синтаксическая функция.

Образцовым примером первого типа можно считать сочетание глагола *to make* со сложным дополнением, где глагол приобретает лексическое значение «заставлять, вынуждать», при этом сохраняя грамматическое значение переходности, например, *They made us work for 12 hours a day. They made him tell the truth by depriving him of food.* Лексические вариации обоих членов сложного дополнения, так же как и подлежащего к глаголу *make*, можно считать бесконечными.

К подобным случаям воздействия сложного дополнения на лексическое значение переходного глагола следует отнести глаголы *to think, to consider, to judge* и другие.

Тем не менее чаще конструктивный указательный минимум не является чисто синтаксическим, а осложняется добавочными контекстуальными условиями, которые являются морфологическими или лексическими.

Рассмотрим морфологические добавочные условия. Например, для реализации в глаголе *to beg* лексического значения «просить разрешения», необходимо использовать прямое дополнение исключительно в форме любого в семантическом отношении инфинитива глагола: *I begged to be allowed to join them.* Использование существительного в качестве прямого дополнения после глагола *to beg*, например, *to beg money, to beg one's pardon, to beg one's love*, свидетельствует о значении «просить, выпрашивать». При наличии двух дополнений инфинитив утрачивает свою особенность, и глагол *to beg* реализует значение «просить», например, *She had written a letter where she begged him to come back.* Как видно, в этих примерах воздействие синтаксического контекста выступает в осложнённой форме, т.к. фактором реализации лексического значения глагола служит не только наличие определённого члена предложения, но и определённая морфологическая природа данного указательного члена предложения, при том что собственно лексическое его значение остаётся нейтральным элементом контекста. Следовательно, осложнение синтаксического контекста имеет здесь также грамматический, а не лексический характер. Так синтаксический указательный минимум может осложняться морфологическим ограничением.

Вместе с тем возможно и его лексическое ограничение в случае, если указательный минимум имеет строго определённое, предуказанные синтаксическое отношение к семантически реализуемому слову, а также строго определённое типовое лексическое значение.

Рассмотрим этот случай на глаголах, совмещающих в своей семантической структуре переходные и непереходные значения. Дело в том, что различие между переходными и непереходными глаголами идёт по двум линиям. Во-первых, синтаксической, т.е. по связи с беспредложным дополнением или невозможности такой связи, и во-вторых, семантической, т.е. по способности глаголов выражать различное конкретное содержание обозначаемых ими действий в зависимости от синтаксических свойств глаголов. По этой причине многие английские глаголы совмещают переходные и непереходные значения, морфологически не дифференцируемые, что обычно означает не только грамматическую омонимию, но и лексическую многозначность.

Например, необходимое уточнение лексического переходного глагола идёт от лексического значения дополнения: *I dropped my keys down the back of the sofa; He dropped his head into his hands and sighed; We had to drop the price of our house to sell it.* В первом предложении глагол *to drop* имеет значение «ронять», во втором – «наклонить», в третьем – «снизить, уменьшить». Так как все эти значения – переходные, синтаксические условия в них одинаковы. Однако реализация различных лексических значений глагола зависит от лексического наполнения дополнения. Его присутствие является элиминирующим позитивным контекстуальным фактором, а лексическое значение – фактором указательным.

С другой стороны, отсутствие дополнения у переходно-непереходного глагола является негативным элиминирующим фактором, устраниющим все переходные значения глагола. Указательным фактором тогда служит связанный с глаголом член предложения, обычно подлежащее, например, *By the end of the day she thought she would drop; The hurricane had dropped.* В первом предложении глагол *to drop* имеет значение «упасть», во втором – «стихать». Эти примеры демонстрируют широкую вариативность позитивных показателей, определяющих переменный характер контекста, а также наличие в них комбинированного лексико-синтаксического указательного минимума.

Таким образом, синтаксический контекст в большинстве случаев бывает комбинированным, т.к. осложняется необходимыми морфологическими или лексическими указаниями. Комбинированный (смешанный) контекст имеет место в тех случаях, когда одно и то же грамматическое значение семантически реализуемого слова может сопутствовать не одному, а двум его лексическим значениям. Смешанный указательный минимум, как правило, способен воздействовать одновременно и на лексическое и на грамматическое значение семантически реализуемого слова, выступая как комбинация элиминирующего и уточняющего показателей. Синтаксические контекстуальные показатели могут быть позитивными и негативными, т.е. выступать в виде наличия или отсутствия указательного члена предложения во включающем контексте. При этом возможно одновременное действие двух одинаково необходимых (составляющих указательный минимум) синтаксических уточнителей – позитивного и негативного.

Вторым подтипов синтаксического указательного минимума является синтаксическая функция самого семантически реализуемого слова. Синтаксическая функция слова – это некое его свойство в данном речевом целом, имеющее место и проявляющееся в нём самом.

Примером синтаксической функции семантически реализуемого слова, выступающей в роли его указательного минимума, можно считать изменение значения прилагательного *present* в зависимости от его атрибутивного или предикативного употребления. В атрибутивной функции *present* имеет два значения, которые в словаре имеют специальную помету [only before noun]. Первое – «настоящий, нынешний», например, *The present situation cannot be allowed to continue; In his present emotional state, he is capable of doing anything; The present owners purchased the farm in 1976.* Второе – «данный», например, *All necessary information you can find in the present book; In the present case you should*

address the editor-in-chief. Третье значение прилагательного *present* – «присутствующий» – реализуется только в предикативной функции, о чём свидетельствует словарная помета [never before noun], например, *I wasn't present when Dr Allott examined Clare. Were you present when the news was announced? The threat of war is still present.* В рассмотренных примерах ни один элемент контекста, кроме самой функции прилагательного *present*, не влияет на его значение.

Общеизвестны и другие случаи подобного рода. Например, прилагательное *certain* как предикатив имеет значение «уверенный», а как определение – «некий, некоторый» или прилагательное *late* как предикатив означает «поздний, запоздалый», а как определение – «покойный, умерший». Тем не менее можно наблюдать целый ряд ограничений, которые накладываются на синтаксическую функцию слова. Например, если определяемое – наименование лица, *late* значит «усопший», например, *My late aunt was very kind*, однако при неопределённом артикле обычно имеет значение «поздний» или «запоздалый», например, *The symphony is a late work; These pictures refer to a late Picasso.* Если определяемое – существительное, обозначающее меру или отрезок времени, *late* значит «поздний», например, *the late 18th century; These bulbs bloom in late spring; a girl in her late teens;* с нарицательными существительными других категорий *late* означает «запоздалый», например, *a late news development.*

Как показывают примеры, синтаксические условия оказываются не единственными и не достаточными контекстуальными факторами. При этом значительную роль играет лексическое значение определяемого или подлежащего. Вместе с тем только лексическое значение слова довольно-таки редко зависит от одной его синтаксической функции. Следовательно, синтаксический контекст обоих видов редко бывает чистым. В большей степени он фигурирует как смешанный (комбинированный) лексико-синтаксический контекст.

Постоянный контекст – фиксированные соединения слов, в которых вариации компонентов в пределах одного и того же семантического результата вообще исключены или, в определённых условиях, максимально лимитированы. Указательный минимум для данного значения семантически реализуемого слова всегда остаётся одним и тем же и, кроме семантики ключевого слова, в действие ещё вступает традиционная его избирательность.

Семантическая обусловленность слова в постоянном контексте называется фразеологической связанностью. Единицы постоянного контекста с фразеологически связанным значением одного из компонентов представляют собой фраземы, т.е. один из типов фразеологических единиц. Составляющая содержание фраземы – практическая неделимость семантемы – проявляется прежде всего в том, что фразема не имеет структурно-семантической модели или не представляет собой речевую конкретизацию языковой контекстуальной формулы, а выступает сама по себе как определённая конкретная языковая единица. Таким образом, в семантеме, выражаемой во фраземе, имеется тенденция к преобразованию их сложночленимой в сложнонечленимую (Амосова 1963, с.58-59).

Фраземы различаются по строению и морфологическому составу, формирующего их контекст: 1) атрибутивное сочетание с препозитивным определением в виде прилагательного (*small beer, white lie, blue funk*); 2) в виде существительного в общем падеже (*beef tea, bank holiday, pipe dream*); 3) в виде существительного в родительном падеже (*husband's tea, angel's visit, dog's life*); 4) в виде причастия (*broken tea, gilded youth, tied cottage*); 5) атрибутивное сочетание с постпозитивным предложным определением (*prick of conscience, frame of mind*); 6) объектное глагольно-именное сочетание (*to grit one's teeth; to beggar description; to square one's shoulders*) и т.д.

Фраземы различаются по распределению в них контекстуальных признаков: семантически реализуемое слово может выполнять синтаксическую роль как ведущего, так и зависимого члена словосочетания, например, *old salt* (старый моряк), *first night* (первое представление), *to crack a joke* (отпустить шутку); *common sense* (здравый смысл); *to lose one's temper* (терять терпение) и т.д.

Итак, компонент фраземы, служащий указательным минимумом, имеет обычно лексически связанное значение, если представлен неоднозначным словом, либо – свободное значение, если является однозначным словом. Степень сцепления компонентов фраземы может быть различной: возможна подмена одного из её компонентов местоимением или словом-заменителем, т.е. словами, выступающими как бы формальными представителями устранием компонента. Ситуативное переоформление фраземы не приводит к её разложению, или превращению её в единицу переменного контекста: подставляемые элементы не имеют самостоятельного значения и заменяют определённые конкретные компоненты. Следовательно, данное переоформление не является контекстуальным, а является чисто конструктивным.

Фраземы как единицы постоянного контекста не следует смешивать с фразеологическими сочетаниями (по В.В. Виноградову [1953]), в которых отсутствует признак постоянного контекста, т.к. указательный элемент в них допускает более или менее широкие вариации. У фразем как единиц постоянного контекста имеется ограничение указательного набора, идущее не по семантической линии, а по линии определённого стилистического узуса, т.е. налицо выступает элемент языковой традиции, регулирующей реальную сочетаемость семантически реализуемого слова. Фраземы составляют существенную часть фразеологического фонда английского языка как один из типов единиц постоянного контекста.

Другой тип единиц постоянного контекста – идиомы – единицы, в которых указательный и семантически реализуемый элемент нормально составляют тождество и оба представлены общим лексическим составом словосочетания и которые характеризуются целостным значением. В них нет семантически реализуемого и ключевого слова, и ни один из компонентов не обладает фразеологически связанным значением, зависящим от связи с другими компонентами. Весь лексический состав подобной единицы представляет собой одновременно и указательный минимум, и семантически реализуемый элемент контекста. Контекстуальная самодостаточность идиом представляется различной.

Идиомы являются неоднородными по характеру относительной значимости своих компонентов и с точки зрения степени изоляции сочетания своих компонентов. В них наблюдаются некротические элементы, неупотребительные формы слов, слова с застывшим лексическим значением, т.е. давно ими утраченное. К ним можно отнести такие идиомы, как *in the nick of time, in the howe of the night, to cudgel (one's) brains*. Само наличие неупотребительных слов говорит о постоянном контексте, содержащем идиоматический смысл.

Вместе с тем большая часть идиом состоит из слов, не отмеченных никаким формальным или семантическим своеобразием, например, *to put (one's) feet up* – «поднять ноги» и «отдохнуть», *to break the ice* – «расколоть лёд» и «сделать первый шаг, положить начало (знакомству)», *to put (one's) finger on* – «положить палец на что-либо» и «точно указать, определить» и т.п. В данном случае сочетание материально совпадает с составом единицы переменного контекста.

Итак, по Н.Н. Амосовой, контекст – соединение указательного минимума с семантически реализуемым словом, в основе которого имплицитно заложена модель полисемии и омонимии в языке, базирующаяся на следующих положениях:

1) Языковой знак асимметричен, полисемия и омонимия являются языковыми универсалиями, но все значения каждого языкового знака можно разделить на отдельные элементы, т.е. лексико-семантические варианты, которые определяются по лексической, синтаксической или комбинированной (смешанной) сочетаемости.

2) В речи слово актуализируется только в одном из имеющихся у него вариантов.

3) Отправитель и получатель сообщения знают условия реализации слов в данном языке. Следовательно, получатель при помощи контекстуальных индикаторов способен понять, в каком из возможных значений употребляется слово, и понять смысл текста.

4) Система языка остаётся неизменной.

Достоинством концепции Н.Н. Амосовой является рассмотрение контекста как единства реализуемого слова и индикатора, т.е. учитывая их взаимодействие.

На основе теории контекста Н.Н. Амосовой возник контекстуологический анализ, который нередко сочетается с компонентным анализом. Контекстуальный анализ начинается со сбора большого массива материала для анализа, что является обязательным требованием. Критерием для отбора служит наличие инвариантного элемента, или общего семантического компонента значения слова. Следующим этапом анализа является определение типичных лексических и синтаксических контекстов в собранном текстовом материале. Например, контекстологический анализ показал, что значение «физическая боль» реализуется в лексическом контексте первой степени в структуре $N+Prep+N_1$, где лексическим индикатором N_1 является слово, означающее часть тела, например, *боль в ноге*. Развитие контекстологического анализа Н.Н. Амосовой находит продолжение в ряде работ её последователей, в которые был внесен ряд корректиров.

По мнению И.В. Арнольд (1991), главный недостаток контекстологического метода заключается в зыбкости дифференциации значений. Это можно объяснить тем, что число лексико-семантических вариантов одного и того же слова значительно разнится, если учитывать метафорические или метонимические значения слова, а также экспрессивность и образность, которые зависят именно от сохранения на заднем плане первоначального прямого значения. Кроме того, коды отправителя и получателя информации могут не совпадать полностью, т.к. языковая система находится в постоянном развитии и код под действием сообщения постоянно меняется, чтобы удовлетворять условиям коммуникации. Это изменение происходит как семантическое осложнение.

Контекстологический анализ позволяет углубиться в семантическую структуру высказывания в соответствии с его актуальным содержанием, диктуемым контекстом речи, а также выявить смысловые и стилистические оттенки, которыми сопровождается общее содержание высказывания. Таким образом, контекст является не только объектом изучения в лингвистике, но и инструментом исследования языка.

Рассмотрев теорию контекста Н.Н. Амосовой, можно заметить значительное сходство понятий контекста и сочетаемости. В лингвистической литературе наблюдается некоторая идентичность этих понятий: лексический контекст можно назвать лексической сочетаемостью, синтаксический контекст – синтаксической сочетаемостью. Нельзя отрицать имеющиеся сходства этих понятий. Тем не менее, есть существенное различие между ними: сочетаемость есть свойство языковых единиц сочетаться друг с другом, образуя единицы более высокого уровня, в котором отражены синтагматические отношения между ними. Контекст же (в работе понимается в узком смысле) есть отрезок речи, включающий избранную для анализа единицу, необходимый и достаточный для определения значения этой единицы. Другими словами, контекст – это фрагмент текста, в котором реализуется соединение указательного минимума с семантически реализуемым словом для определения значения данной единицы. С типами контекста неразрывно связаны типы сочетаемости слов, различаемые на основании того, какие показания контекста (семантика или синтаксические функции ключевого слова, синтаксические функции семантически реализуемого слова) учитываются при семантическом анализе слова. По этому признаку выделяется синтаксическая и лексическая сочетаемость. Отсюда следует, что сочетаемость слова реализуется в контексте.

Теория стилистического контекста – ещё одно направление, которое учитывает категорию читателя, основывающего своё понимание на всех возможных сопоставлениях и противопоставлениях элементов в структуре целого. Следует различать семантическое и стилистическое функционирование контекста. Стилистический контекст есть понятие специфичное, нетождественное речевому контексту. Он не только указывает, который из уже существующих в языке вариантов слова имеется в виду, но и сообщает ему новые окказиональные коннотации. Стилистический контекст – это фон, на котором, преимущественно по контрасту, но иногда и по сходству, возникает экспрессивность стилистического приёма. Подобно тому как в семантическом контекстуальном

анализе семантически реализуемое слово составляет контекст в единстве с индикатором, так и в стилистическом анализе стилистический приём составляет стилистический контекст в единстве с тем окружением или текстовым фоном, которые придают ему релевантность и которые, благодаря своей упорядоченности в каком-либо отношении создают «усиленное ожидание», делая появление именно данного приёма неожиданным или, напротив, делая его заметным путём конвергенции приёмов (Арнольд 2009, с.361).

Вопрос о границах контекста в стилистике чрезвычайно сложен, т.к. сам стилистический приём может выходить за рамки предложения, поэтому целесообразно ограничивать стилистический микроконтекст границами единой стилистической функции.

Таким образом, стилистический контекст базируется на возможном максимуме индификации, позволяющем почувствовать в слове появление новых оттенков значения, коннотаций и новых связей с обозначаемой действительностью или вымыслом. Для выявления стилистического контекста необходим учёт дистантных связей в тексте в целом и возможные ассоциации в тезаурусе читателя.

В основе всей теории контекста лежит положение о том, что контекст не может быть простой линейной соположённостью слов. Любой текст – это структура с внутренней организацией, его элементы не только наполнены определённой значимостью, но и значимы в своих отношениях с другими элементами: внетекстовыми, экстралингвистическими, ситуативными.

К концу XX в. понятие контекста распространилось в когнитивную лингвистику и психолингвистику. В новой научной парадигме контекст изучается в тесной связи с языковым сознанием носителя языка и его картиной мира. Исследования в данном направлении позволяют проникнуть в область внутреннего мира людей.

Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. Л.: издательство Ленинградского университета, 1963.

Амосова Н.Н. Слово и контекст // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук, 1958, № 243, вып. 42. – С. 3-233.

Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике. М.: Высшая школа, 1991.

Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. М.: изд-во «Флинта», 2009.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС, 2004.

Виноградов В.В. Основные типы лексических значений // Вопросы языкознания, 1953. № 5. – С. 5-34.

Колшанский Г.В. О природе контекста // Вопросы языкознания. 1959, № 4.

Лингвистический энциклопедический словарь «Языкознание», 2000.

Мельчук И. А. Опыт лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». М.: изд-во «Наука», 1974.

Степанова Г.В., Шрамм А.Н. Введение в семасиологию русского языка. Калининград: изд-во КГУ, 1980.

Фёрс Дж.Р. Техника семантики. // Новое в лингвистике. М.: изд-во иностранной литературы, 1962. Вып 2. – С. 72-97.

Энциклопедия «Русский язык». М. 1997.

О содержании лингвистического термина «локализованное движение»

Движение принадлежит к числу фундаментальных отношений объективной действительности. Движение - в широком смысле - всякое изменение, в узком смысле - изменение положения тела в пространстве.

Процесс движения является цельным и непрерывным. Наукой доказано, что все объекты состоят из элементарных частиц, характер перемещения которых относительно друг друга определяет все разнообразие окружающего мира. Но действительное движение всегда относительно, оно есть движение в соотнесении с какой-либо точкой пространства, находящейся в (относительном) движении или в (относительном) покое. С точки зрения субъекта наука определяет две разновидности движения: собственно движение, каким мы его видим, и движение, восприятие которого находится за пределами возможности наших органов чувств. Часть движения, недоступная нашему восприятию, субъективно воспринимается как материя.

Движение имеет сложную категориально-логическую структуру, которая выражается в системе субкатегорий. Ближайшими к движению категориями являются пространство и время. Движение не может быть вне пространства и времени. С другой стороны, пространство и время действительны лишь в движении. Чем для материи являются качество и количество, тем для движения являются пространство и время.

В лингвистике прослеживаются два направления в понимании категории движения. Одни исследователи отождествляют движение с перемещением, другие рассматривают движение более широко, как кинетическое состояние агента, описывающее превращение потенции в акт. Сторонники широкого толкования движения подчеркивают, что перемещение есть частный случай движения и в то же время его прототипический представитель (Панкина 2002, Плунгян 2002, Булынина 2004, Додуева 2008). Мы придерживаемся точки зрения этих исследователей и трактуем движение как изменение положения тела в пространстве, а перемещение – как изменение месторасположения тела в пространстве.

Онтологическая связь движения с пространством находит выражение в категории локализации. «Локализация (от лат. *localis* – местный, *locus* – место), отнесение чего-либо к определенному месту; ограничение места действия, распространения какого-либо явления, процесса, например локализация пожара» (КРЭ 2003, с.356).

Лингвисты подчеркивают, что локализация является отражением реального физического пространства в сознании людей, которое возникло из их повседневного опыта как обобщение понятия места (локума), в пределах которого осуществляется биологическое и социальное бытие человека и «относительно которого определяется местоположение предмета (действия, признака) и характер

их взаимоотношений (статический, динамический)» (Всеволодова, Владимирский 1982, с.6).

Таким образом, важнейшей характеристикой локализации является характер взаимоотношений, который она представляет: статический или динамический. Эта точка зрения Всеволодовой М. В. и Владимирского Е.Ю. поддерживается практически во всех более поздних работах лингвистов, посвященных исследованию пространственных отношений.

Пространственные отношения, как подчеркивает В.Л. Ибрагимова, обобщаются в сознании людей в двух типах суждений: собственно-локативной и директивно-локативной семантики. «Для высказываний собственно-локативного типа характерно наличие в них актантных позиций с общим локативным значением 'где'; в высказываниях же директивно-локативной семантики находим актантные позиции общедирективного значения ('куда', 'откуда')» (Ибрагимова 1992, с.127-128). Высказывания собственно-локативной семантики представляют точечное пространство, высказывания директивно-локативной семантики – векторное пространство.

А.Т. Додуева развивает эту мысль и пишет: «все типы пространственных значений, выражающихся в языке с помощью лексико-грамматических средств, можно разбить на две основные группы: а) первая – с общим значением направления действия-движения в пространстве, б) вторая – с общим значением местоположения предмета или распространения действия-движения в определенной точке пространства» (Додуева 2008, с.17).

До этого традиционно полагалось, что векторное пространство связано с перемещением, а точечное лишь с местонахождением и выражает статичный характер взаимоотношений: «...локализация в пространстве может интерпретироваться как перемещение или как местонахождение предмета» (Гак 1996, с.13).

Мы поддерживаем мнение А. Т. Додуевой о том, что «динамический аспект пространственной локализации реализуется как изменение пространственного положения, а также как пространственное перемещение и «локализованное» движение» (Додуева 2008, с.152). Под локализованным движением исследователь понимает «движения объектов, находящихся в некотором фиксированном положении или совершающих какие-либо движения, находясь при этом на месте» (Додуева 2008, с.150). Таким образом, перемещение связано с векторным пространством, а локализованное движение, которое осуществляется на месте, представляет точечное пространство.

Рассмотрение глагольной лексики движения с точки зрения презентации в её семантике категории пространственной локализации позволило выделить класс глаголов локализованного движения, который делится на две лексико-семантические группы: ЛСГ глаголов колебательного движения: и ЛСГ глаголов беспорядочного движения. Глаголы ЛСГ колебательного движения актуализируют абстрактную семантическую категорию «характер движения» в конкретном семантическом признаке «колебательно: из стороны в сторону или

сверху вниз», а глаголы ЛСГ беспорядочного движения - в конкретном семантическом признаке «беспорядочно: в разных направлениях».

ЛСГ глаголов колебательного движения делится по категориальному признаку «характер колебательного движения», в свою очередь, на две подгруппы: глаголы собственно-колебательного движения: колебаться - колебнуться, качаться - качнуться, шататься - шатнуться, колыхаться - колыхнуться, болтаться - болтнуться, мотаться - мотнуться и глаголы колебательного движения вибрационного характера: дрожать - дрогнуть, трястись - тряхнуться, трепетать, вибрировать.

Глаголы собственно-колебательного движения называют движение, при котором тело поочередно смещается то в одну, то в другую сторону относительно положения равновесия: Он шатался, у него дрожали ноги...(М. Горький). У Митриева Трактира мотается с шарами парень, должно быть пьяный, а белые половые его пихают (И.Шмелев). Атаман с седла соскочил, качнулся на дуговатых ногах пьяно...(М. Шолохов).

Локализация такого движения ограничена пределами пространства, ограниченного амплитудой колебаний субъекта.

Глаголы колебательного движения вибрационного характера называют движение, которое локализуется в пределах пространства, занимаемого телом субъекта: А Григорий Евгеньевич, стоя у распахнутых парадных дверей, белее снега, весь трясся и повторял одно и то же...(В. Смирнов). Он трепетал от восторга (Ф. Достоевский).

Глаголы беспорядочного движения: шевелиться - шевельнуться, ворошиться, ворочаться - ворохнуться, возиться, копошиться, барахтаться, трепыхаться, трепыхнуться обозначают движение, которое заключается в произвольном, хаотичном отклонении положения тела субъекта или его частей в разных направлениях относительно положения равновесия. Беспорядочное движение осуществляется в пределах пространства, ограниченного амплитудой отклонений субъекта от положения равновесия: Он радовался так от души, так подпрыгивал на своем диване, так шевелился...(И. Гончаров)....Бейль ворочался на деревянной скамье (А. Виноградов). Потом залезли под брезент, копошились там и ежились, наконец, заснули...(А. Макаренко). Подпрапорщик барахтался в их руках...(А. Куприн).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что глаголы локализованного движения обозначают движение на месте, в пределах пространства, занимаемого субъектом или в пределах пространства, ограниченного амплитудой движения субъекта.

Булынина М. М. Глагольная каузация динамики синтаксического концепта: (на материале русской и английской лексико-синтаксических групп глаголов перемещения объекта) / М. М. Булынина. – Воронеж, 2004. – 209 с.

Всеволодова М. В. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. Изд. 2, дп./ М. В. Всеволодова, Е. Ю. Владимирский. – М.: 2008. – 236 с.

Гак В. Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации / В. Г. Гак // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Пossесивность. Обусловленность. – СПб.: Наука, 1996. – С. 6-26.

Додуева А. Т. Категория пространственности и ее репрезентация в карачаево-балкарском языке: автореф. дис. докт. филол. наук / А. Т. Додуева. - Нальчик, 2008. - 41 с.

Панкина М. Ф. Формирование семантических структур в лексической системе языка: на материале русского и немецкого лексико-семантических полей «кинетическое состояние агensa» / М. Ф. Панкина. - Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2002.- 192с.

Панов В. И. Непосредственно-чувственный уровень восприятия движения и стабильности объектов// Вопросы психологии.1998. №2. С.82-106.

Плунгян В. А. Категории глагольной ориентации / В. А. Плунгян // Исследования по теории грамматики. – Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. – М.: Русские словари, 2002. – С. 57-98.

Ибрагимова В. Л. Отношение пространственной локализации и его репрезентация в высказываниях собственно локативного типа: Глагол // Исследования по семантике. - Уфа, 1992. - С. 126-138.

Словари

КРЭ - Краткая Российская энциклопедия: В 3т. Т.1: А-К/ Сост. В. М. Кареев.- М.: Большая Российская энциклопедия: ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век». 2003.-1135 с.

С.А.Лысенко

Некоторые вопросы соотношения устной и письменной форм речи в современном обществе

Вопросы взаимодействия устной и письменной речи уже давно стали одними из центральных вопросов в современном языкоznании. В современном обществе постоянно обнаруживаются все новые и новые образования, которые качественным образом меняют соотношение устной и письменной речи в современном языке.

Устная и письменная речь – формы существования языка как средства общения, воплощения коммуникативной деятельности его системы в различные виды языковой материи, которые могут восприниматься на слух или при посредстве органов зрения (Кожин 1982, с. 19.).

Различные исследователи по-разному подходят к вопросу взаимодействия устной и письменной речи. Довольно широкое распространение получили исследования письменной и устной разговорной речи, в которых исследователи исходят из принципиального несоответствия параметра устности/письменности реальному выражению языка, противопоставляя устную речь кодифицированному литературному языку (Е.А. Земская, О.А. Лаптева, О.Б. Сиротинина и др.)

Рассматривая вопросы соотношения устной и письменной речи в языке, мы пришли к выводу, что параметр устности/письменности стоит считать основным в классификации форм существования языка, в то время как параметр книжности/разговорности будет являться частным случаем проявления данных форм.

Остаются недостаточно исследованными в первую очередь вопросы образования, функционирования и классификации новых форм устной и

письменной речи, а также их взаимодействие. С развитием технических средств в языке качественно меняется традиционное соотношение устной и письменной форм речи, а именно:

1) устная речь приобретает принципиально новые возможности записи, хранения и передачи на неограниченно дальние расстояния, образуя новые переходные формы устной речи, которые по своим свойствам сближаются с письменной речью,

2) письменная речь дает возможность синхронного общения в интернет-коммуникации, что сближает ее с устной речью.

Таким образом, в современном языке формируются новые переходные формы устной и письменной речи, которые с нашей точки зрения требуют дополнительных детальных исследований. Покажем возможности такого анализа в форме таблицы.

Таблица 1

Сравнительный анализ устной и письменной форм существования языка

Параметр сравнения		Устная традиционная	Устная электронно-опосредованная (синхронная)	Устная зафиксированная (асинхронная)	Письменная электронная	Письменная эпистолярная
материальная основа		акустические средства	акустические средства	акустические средства + материальный носитель	графические средства	графические средства + материальный носитель
Канал передачи информации		Акустический +визуальный)	акустический электронно-опосредованный	акустический электронно-опосредованный	визуальный + электронный	визуальный
Способы восприятия реципиентом		Акустический, визуальный	акустический, возможен визуальный (телефидение)	акустический, возможен визуальный (видео)	визуальный с возможностью аудиосопровождения	визуальный
временная последовательность возникновения	в ходе филогенеза	исторически первична	образуется намного позже, только с изобретением технических средств дистанционной передачи	образуется намного позже, только с изобретением технических средств	образуется позже всех	вторична по отношению к устной речи

ния	в ходе онтогенеза	формируется с первых дней непосредственно в процессе взаимодействия с языковым окружением	формируется посредством освоения технических средств	формируется посредством освоения технических средств	формируется после освоения устной и письменной речи, требуется дополнительное обучение	формируется после освоения устной речи на основе специального обучения
формы бытования	монолог, диалог и <u>полилог</u>	монолог, диалог и <u>полилог</u>	монолог, диалог и <u>полилог</u>	монолог, диалог и <u>полилог</u>	монолог и диалог	монолог и диалог
Преимущественная форма реализации	диалог	диалог	монолог, диалог	диалог	монолог	
доминирующая цель использования	передача информации	передача информации	фиксация информации	передача и фиксация информации	передача и фиксация информации	
основная функция	коммуникативная	коммуникативная	Коммуникативная	коммуникативная	коммуникативная	
Привязка к определенному месту и времени	обмен информацией здесь и сейчас	обмен информацией сейчас, вне привязки к конкретному месту	обмен информацией вне привязки к конкретному времени и месту	обмен информацией вне привязки к конкретному времени и месту	обмен информацией вне привязки к конкретному времени и месту	обмен информацией вне привязки к конкретному времени и месту
Вторичные функции	экспрессивная функция – реализуется чаще	экспрессивная функция – реализуется чаще	экспрессивная функция – реализуется чаще	экспрессивная функция – реализуется чаще	экспрессивная функция – реализуется чаще	экспрессивная функция – реализуется реже
	Фатическая функция – реализуется чаще	фатическая функция – реализуется чаще	фатическая функция – реализуется чаще	фатическая функция – реализуется чаще	фатическая функция – реализуется чаще	фатическая функция реализуется реже
	функция воздействия адресата на говорящего выражена ярче	функция воздействия адресата на говорящего выражена ярче	функция воздействия адресата на говорящего выражена слабее	функция воздействия адресата на говорящего выражена слабее	функция воздействия адресата на говорящего выражена ярче	функция воздействия адресата на говорящего выражена слабее

	-	-	функция материальной фиксации информации	функция материальной фиксации информации	функция материальной фиксации информации
	-	-	функция накопления информации	функция накопления информации	функция накопления информации
	функция передачи информации в пространстве	функция передачи информации в пространстве	функция передачи информации в пространстве	функция передачи информации в пространстве	функция передачи информации в пространстве
	-	-	функция передачи информации во времени	функция передачи информации во времени	функция передачи информации во времени
	метаязыковая функция	-	-	метаязыковая функция	метаязыковая функция
обратимость текста	необратимость речевого потока, возврат к сообщению может быть осуществлен только посредством повторения	необратимость речевого потока, возврат к сообщению может быть осуществлен только посредством повторения	Есть возможность возврата к сообщению для повторного восприятия или корректировки	В процессе создания и восприятия сообщения к нему можно не раз возвращаться и корректировать	В процессе создания и восприятия сообщения к нему можно не раз возвращаться и корректировать
Характер организации текста	линейность	линейность	линейность	линейность, гипертекстовость	линейность
Характер используемых единиц	Единицы разных уровней	Единицы разных уровней	Единицы разных уровней	Единицы разных уровней	Единицы разных уровней
степень близости коммуникантов в процессе осуществления коммуникации	непосредственное взаимодействие с пространственно близким	ориентация на пространственно отдаленного адресата	ориентация на пространственно отдаленного адресата	ориентация на пространственно отдаленного адресата	ориентация на пространственно отдаленного адресата

	адресатом				
Степень влияния фактора адресата на сообщение	высокий уровень влияния	высокий уровень влияния	низкий уровень влияния	высокий уровень влияния	низкий уровень влияния
Стилистическая парадигма	разговорный, публицистический, общественно-политический, книжный, официально-деловой, научный стиль				
Доминирующий стилистический регистр	Разговорный	разговорный	книжный, тенденция к разговорному	книжный, тенденция к разговорному	книжный
Степень экспрессивности	повышенная степень	повышенная степень	пониженная степень	повышенная степень	пониженная степень
особенности синтаксического строения	устный разговорный синтаксис	устный разговорный синтаксис	синтаксис письменной речи	Смешанный синтаксис	синтаксис письменной речи
Преобладающие синтаксические конструкции	преобладают неполные предложения, различного типа эллипсы и сокращения	преобладают неполные предложения, различного типа эллипсы и сокращения	преобладают полные предложения, развернутые конструкции, полные формы	преобладают неполные предложения, различного типа эллипсы и сокращения	преобладают полные предложения, развернутые конструкции, полные формы
Строгость/вариативность норм	допускается большая вариативность норм	допускается большая вариативность норм	более строгие нормы составления текста	допускается большая вариативность норм	более строгие нормы составления текста
Допустимость нелитературных элементов	допускаются нелитературные элементы, в том числе просторечия,	допускаются нелитературные элементы, в том числе просторечия,	не допускаются нелитературные элементы	допускаются нелитературные элементы, в том числе просторечия,	не допускаются нелитературные

		жаргон		жаргон	элементы
Стилистическая вариативность	большая вариативность и взаимозаменяемость элементов разных стилей	большая вариативность и взаимозаменяя мость элементов разных стилей	стилистическая нетождественность элементов, не взаимозаменяя мость	большая вариативность и взаимозаменяя мость элементов разных стилей	стилистическая нетождественность элементов, не взаимозаменямы
Тенденции построения текста	действуют две тенденции – избыточность средств и экономия средств	преобладает тенденция экономии средств	преобладает тенденция избыточности средств	преобладает тенденция экономии средств	преобладает тенденция избыточности средств
Типичные жанры	бытовой разговор устный официальный-деловой диалог публичное выступление	бытовой разговор устный официально-деловой диалог публичное выступление	бытовой разговор устный официально-деловой диалог публичное выступление	электронная почта, ісқ, чат, форум, блог, веб-сайт, персональная страница и др.	художественный текст, официальный-деловой текст, публицистический текст, научный текст
Размер аудитории	ограниченная аудитория	Неограниченная аудитория, обращенность к неограниченному числу адресатов	неограниченная аудитория, обращенность к неограниченному числу адресатов	Неограниченная аудитория, обращенность к неограниченному числу адресатов	неограниченная аудитория, обращено сть к неограниченному числу адресатов
быстрота развертывания коммуникации	скорость создания высокая	скорость создания высокая	скорость создания высокая	замедленная скорость создания	замедленная скорость создания
Наличие материального носителя	не требует отдельных материальных носителей	требует материальные средства передачи	требует материальные средства фиксации	требуются материальные средства фиксации	требуются материальные средства фиксации

Таковы основные соотношения различных форм современной общественной коммуникации. Проблема соотношения между ними требует дальнейшего исследования.

Андреева С.В. Речевые единицы устной русской речи. Система, зоны употребления, функции – Изд. 2-е – М.:КомКнига, 2006

Гельб И. Опыт изучения письма. Основы грамматологии. М.: Едиториал, 2004

Истрин В.А. Возникновение и развитие письма. М.: Наука., 1965.

Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979

Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. М.: Высшая школа, 1982.

Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.

Лаптева О.А. Русский разговорный синтаксис. М., 1976

З.Д. Попова

Вербализация смыслов как ономасиологический процесс²

«Язык и мышление» – одна из фундаментальных проблем теоретического языкоznания. От понимания взаимосвязей и взаимозависимости языка и мышления зависит решение множества других вопросов теории языка и практики изучения языков, межкультурной коммуникации и прагмалингвистики.

Фундаментальный вклад в осмысление этой проблемы внесла нейролингвистика, значительно продвинула её разработку психолингвистика. В настоящее время открылись новые аспекты в изучении связей языка и мышления, которые помогла увидеть когнитивная лингвистика.

Когнитивная лингвистика вводит новые методы анализа речемыслительной деятельности человека: она выясняет соотношение семантического пространства языка (совокупности значений, выражаемых языковыми знаками) и концептосферы народа (совокупности концептов, наполняющих сознание людей, говорящих на одном языке).

И семантическое пространство, и концептосфера находятся в мозгу человека, это ментальные сущности (ментефакты). Но, благодаря тому, что для многих концептов люди придумали языковые знаки, имеющие акустическую реальность, эти концепты стали денотатами (обозначенными). Но кроме денотатов, в концептосфере человека есть ещё и *смыслы*.

В рамках семантико-когнитивного анализа языка мы рассматриваем смыслы как один из видов концептов, стоящих в одном ряду с денотатами (Попова, Стернин 2006, с. 17). В этом ряду *денотаты* – это вербализованные, то есть обозначенные

² Работа выполнена при поддержке гранта по проекту № 556 «Русское языковое сознание в лингвокогнитивном аспекте (понятие языкового сознания, методы исследования, описание русского языкового сознания, национальная специфика)» аналитической ведомственной целевой программы “Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 годы)”

(от лат. *denotare* – обозначать), получившие языковой знак концепты, а *смыслы* – невербализованные концепты. Примерно так же понимает состав концептов и Н.Ф. Алефиренко: концепт отражает смыслы, не только облачённые в языковую плоть, но и так называемые невербализованные («молчаливые») (Алефиренко 2009, с. 57). За каждым мысленным образом стоят те или иные *референты*, то есть предметы и ситуации внешнего мира.

Итак, смысл – это вид концепта, не получившего вербализации. При необходимости этот смысл выразить и обсудить, люди подыскивают для него языковые знаки, стараются его вербализовать. Этот процесс идёт не просто, а нередко бывает безуспешным. Рассмотрим некоторые типовые ситуации.

Очень охотно и изобретательно вербализуют свои индивидуальные смыслы дети.

В книге «Дети о языке» (Дети о языке 2001) находим множество примеров такого словотворчества.

Создаются названия для смыслов, не имеющих в общенародном языке никакой вербализации.

Дети раскошенились – сели по партам, кто как хотел, при новой учительнице. *Мухарь* – тот, кто ловит мух. *Вмешательство* – шкаф очень большого объёма. *Недобатонили* – не доели батон.

Выдумываются имена для нарисованных очень странных существ.

Луштин – непонятная конфигурация. *Китик-бититик* – кто-то злой, красивый, ловкий. *Тикакуся* – похожа на обезьяну. *Тиграмура* – похожа на куклу, раскрашена в полосочку.

Дети стараются выразить свои смыслы, которые, по их мнению, неточно вербализованы взрослыми.

Пожарные должны делать пожар, а тушить пожар должны тушенники. Дрова не колют, а топорят. Это не синяк, а черняк, а потом он стал желтняк.

При незнании общеупотребительного слова для выражения конкретного концепта быстро создают своё.

Алёша назвал сигарету *курилка*. Никита увидел запеканку: *это печёнка?* Оля боится быка: *мама, он меня не рогнёт?* Размышляет Маша: *когда глиняную игрушку ставят в печь, это как называется? Её жарят? варят? пекут? Или глинят? Наверное, глинят.*

Есть много работ о неологизмах писателей и поэтов. Фактически все творческие люди стараются вербализовать свои индивидуально-авторские смыслы. Приведем только один пример.

Коврин вышел на балкон; была тихая тёплая погода, и пахло морем. Чудесная бухта отражала в себе луну и огни и имела цвет, которому трудно подобрать название. Это было нежное и мягкое сочетание синего с зелёным; местами вода походила цветом на синий купорос, а местами, казалось, лунный свет сгустился и вместо воды наполнял бухту. А в общем какое согласие цветов, какое мирное, покойное и высокое настроение! (А.П. Чехов. *Чёрный монах. Сочинения, т. VIII.М., 1947, с. 291).*

Исследователь, занимаясь классификацией изучаемых фактов, нередко обнаруживает существование смысла, которому нет названия. Например, собрав

слова с суффиксом *-тель*: *учитель, водитель, руководитель, попечитель, старатель, каратель, мучитель и другие*, лингвист подыскивает название для объединяющего эти слова смысла, допустим: *лицо, выполняющее действие, обозначенное основой слова*. Но есть и такие слова с тем же суффиксом, как: *выключатель, смеситель, распылитель, растворитель* и подобные. Эту группу объединяет уже другой смысл, он ощущается, но как его назвать? Наверно, есть и общий смысл у этих двух рядов слов, но какой?

Всё терминотворчество – это сложный процесс подыскания языковых знаков для выражения рождающихся в процессе научного исследования смыслов. А многие индивидуальные смыслы так и остаются невербализованными.

Приведём две небольшие иллюстрации к поиску вербализации смыслов.

Находим в Словаре синонимов такой ряд прилагательных: *невыразимый, неизъяснимый, неописуемый, неописанный, непередаваемый, несказанный, неизреченный*.

Для концепта, который эти прилагательные выражают, в русском языке мы не находим единой лексемы, которая могла бы служить ключевым словом данного синонимического ряда. Поэтому дадим этому концепту неоднословное описание: **смысл, не имеющий языковых средств выражения**.

Изучение семем каждого из синонимов позволяет выделить те признаки, из которых складывается интересующий нас концепт. Это такие признаки.

Смысл, о котором невозможно сказать (неказанный – народно-поэтическое, неизреченный – от древнерусского глагола *речи* – высокое, торжественное).

Смысл, который невозможно описать (неописуемый), **который ещё никто не описывал** (неописанный – народно-поэтическое).

Смысл, который невозможно объяснить собеседнику (неизъяснимый).

Смысл, для которого нет знаковых средств выражения (невыразимый).

Смысл, для которого нет никаких средств, чтобы передать его собеседнику (непередаваемый).

Несказанный свет, несказанная жалость, несказанное великолепие, несказанное очарование. Неизреченное торжество. Неописуемое наслаждение. Неописуемый беспорядок. Неописанная красота. Неизъяснимая нежность. Неизъясниная грусть. Неизъясниная любовь, Неизъясниная доброта. Невыразимый цвет. Невыразимая тоска. Невыразимое волнение. Невыразимое наслаждение. Непередаваемое впечатление. Непередаваемый отпечаток преданности и отчаяния.

Синонимический ряд в целом передает такой концепт: в сознании и ощущениях человека есть такой смысл, который нельзя выразить ни устно, ни письменно, который ещё и никто не выражал, который невозможно ни растолковать, ни передать другими средствами, – смысл, который нельзя передать **никакими средствами**.

Понятно, что наличие таких смыслов волновало людей в разные времена (ср. старинное *неизреченный*), в разных социальных слоях (ср. фольклорные: *неказанный, неописанный*) и в первую очередь людей творческих.

Ещё одна иллюстрация.

Рассмотрим смысл, который условно обозначим как **малое количество чего-либо**. В русском языке находим много вербальных знаков для его выражения: *мало, немного, всего ничего, раз-два и обчёлся, частица, крупица, капля, капелька, кроха, крошка, крошечка, малая толика, кот наплакал, с гулькин нос*.

Большое количество языковых средств, выражающих этот смысл (так называемая номинативная плотность – термин В.И. Карасика), свидетельствует о его коммуникативной востребованности и многоаспектности. Несомненно обширная эмоционально-оценочная составляющая этого концепта. Люди не только констатируют факт малого количества какого-либо вещества (*мало, немного*), но и нередко выражают явное сожаление по этому поводу, даже с долей шутки, а то и горькой иронии (*всего ничего, раз-два и обчёлся, кот наплакал*).

Малые размеры какого-либо предмета определяются по эталонам хорошо известных в быту мельчайших составляющих какого-либо вещества: пыли, ила (*частица*), крупы (*крупица, крупинка*), воды (*капля, капелька*), хлеба (*кроха, крошка, крошечка*), клювика голубя/гульки (*с гулькин нос*). Из далёкого прошлого дошла до нас лексема *толика* (от утраченного *толико* = *только*) в составе фразеологизма *малая толика*, вносящего в представление малого количества известную неопределенность и стилистическую окраску книжности (ср. *собрал малую толику денег на покупку дома*).

Образные компоненты в номинациях малого количества позволяют использовать эти слова и для обозначения абстрактных концептов, привнося в них некоторую конкретность. Из соответствующих словосочетаний можно узнать, что *правда и счастье* делятся на *частицы*; *истина и сведения* состоят из *крупц*; *жалость, надежда, привязанность* подобно воде капают *каплями, а время – капельками*; *знания, горе, радости* крошатся на *крохи и крошки, а приврать можно малую толику*.

Итак, в концепте **малое количество чего-либо** находим прямое указание (*мало, немного*) с некоторым туманным его определением (*малая толика*), косвенное указание через предметные образы (*капля, крошка, крупинка, клювик голубя*), сообщение о выделении малого количества из большой массы чего-либо (*частица, крупица, кроха*), а также выражение сожаления о малом количестве каких-либо материальных ценностей (*всего ничего, кот наплакал, раз-два и обчёлся*). Но единого слова для того, чтобы охватить все эти признаки данного концепта, мы не находим.

Очевидно, что необходимость в вербализации смыслов существует, а разработка соответствующих операций остаётся важной задачей ономасиологии.

Алефиренко Н.Ф. Культурно-дискурсивная интерпретация внутренней формы языкового знака // Теоретические и прикладные проблемы лингвокультурологии. Тула, Тульский полиграфист, 2009. – С.57-62.

Дети о языке. Составители: С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева, Т.В. Кузьмина. С-Пб., Союз, 2001. – 142 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Научное издание. Воронеж, Истоки, 2006. – 226 с.

Методика исследования концептуальных блоков³

В рамках общей проблематики когнитивного моделирования в лингвистике особую актуальность в настоящее время приобретает разработка методики исследования и алгоритма описания семантических композиций различной степени сложности, представленных и закрепленных в языковом сознании. Это семантические комплексы, хранимые в памяти, сложившиеся в результате взаимодействия лингвокогнитивных структур сознания и выполняющие функцию важных ментальных опор, выступая в качестве оперативных единиц речемыслительной деятельности. Эти комплексы воплощают результаты совокупной когнитивной деятельности различных уровней, в рамках которой язык является важным когнитивным механизмом.

На материале исследования лексической семантики в русском и немецком языках обнаруживается блочный характер структурирования ряда семантических объединений, которые мы предлагаем именовать концептуально-семантическими блоками. Термин «блок», по нашему мнению, соответствует структурным характеристикам рассмотренных семантических комплексов, по аналогии с механизмами, представляющими собой группу отдельных функционально объединенных элементов, частей (ср. блок цилиндов, блок электропитания). Это определение подтверждает правомерность использования термина «блок». С одной стороны, это автономная сложная целостность, с другой – это часть целого. В концептуальной системе это часть системы, сложносоставное объединение, блок интегрированных в единое семантическое целое концептуальных признаков или концептов. Названные характеристики определяют онтологическую сущность блоков, при всем разнообразии и многогранности их архитектоники, которую выявляют наблюдения над лексической семантикой.

Концептуально-семантические блоки выделяются на основе концептуального обобщения определенных семантических характеристик, обусловленных природой блока и его онтологическими свойствами. Соответственно, в качестве ономасиологической базы исследования могут, например, выступать ключевые лексемы, именующие отдельный концепт; обобщенные наименования сложносоставных концептов; система номинаций, принятых в той или иной предметно-смысlovой области или терминосистеме. Естественно, что и алгоритм анализа материала при наличии общих закономерностей, присущих блокам разного типа, будет иметь в каждом случае свои отличительные особенности.

³ Работа выполнена при поддержке гранта по проекту № 556 «Русское языковое сознание в лингвокогнитивном аспекте (понятие языкового сознания, методы исследования, описание русского языкового сознания, национальная специфика)» аналитической ведомственной целевой программы “Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 годы)”

Общими являются методологические установки и принципы самого концептуального обобщения, лежащие в основе лингвокогнитивного моделирования семантического пространства языка. Концептуальное обобщение единиц различного рода, выявленных в процессе анализа языкового материала, имеет целью поэтапное «восхождение» от лексико-семантического уровня к уровню категориальных семантико-когнитивных структур сознания.

В данной статье мы останавливаемся на некоторых видах объектов когнитивно ориентированного описания (ключевые номинации отдельных концептов, номинации сложносоставных концептов и терминосистемы). В качестве ономасиологической базы мы используем геометрические номинации в функции обозначения отдельных геометрических концептов (элементарных объектов геометрии Евклида) и в функции элементов терминосистемы. Объектом исследования являются также номинации категориального типа (пространство, время) и обобщенно-родовые наименования природных (времена года) и артефактных объектов (архитектура, строительство). Этот последний тип объединения или интеграции концептов можно обозначить как «тематизированная концептуальная область или концептосфера», в отличие от терминосистемы как терминологизированной концептуальной области.

Исходя из понимания блока как функционального объединения взаимодействующих в составе целостного образования автономных смысловых единиц, мы ставим целью выявить структуру и когнитивные основания семантики сложносоставных элементов блока, а также их связи и отношения внутри целостного блока.

На материале семантического анализа отдельных геометрических номинаций мы определяем семантическую программу соответствующих геометрических концептов и пути ее реализации в языке, а также пути (механизмы) «вхождения» концепта в семантическое пространство языка. Методика семантико-когнитивного анализа языкового материала (языковых единиц) включает несколько этапов: семно-семемный анализ соответствующих лексем, концептуальное обобщение полученных результатов, позволяющее выявить группировки семем по родовым признакам (семам), совокупность которых выстраивается в «логосхему», представляющую логический образ особой семантической структуры – «семантической матрицы», объединяющей ряд семем по данной логосхеме внутри семанты. Так, например, по логосхеме «элемент некоторой системы» в одну семантическую матрицу объединяются семемы лексемы «точка», реализующиеся в выражениях *радиоточка, торговые точки, огневые точки*.

Логосхема составляет, таким образом, внутреннюю концептуально-логическую структуру матрицы и, соответственно, входящих в нее семем. В то же время логосхема есть видовая структура по отношению к лежащей в ее основе родовой когнитивной связке категориального типа, включающей логическое объединение категории и классификационного признака (место-функция, предмет-форма, предмет-функция и т.д.). Такие когнитивные связки онтологически заданы и выводят в область эпистемических сущностей, структурирующих концептосферу в целом. Логосхема формируется путем

конкретизации классификационного признака («предмет-форма»+круг)= «предмет круглой формы». Семема тематизирует логосхему на лексическом уровне (*спасательный круг*). Таким образом, логосхема объединяет (синтезирует) два уровня презентации концепта в сознании: уровень семантической разработки и понятийно-логического развертывания с выходом в категориальную сферу.

Принцип когниции, учет типа знания, отличающий когнитивный подход в целом, позволяет включить на нашем материале в семантико-когнитивную модель геометрических объектов (денотатов геометрических номинаций) семантически значимый уровень концептуальных признаков, который можно обозначить как «концептуальная область (поле) денотата». В терминологии семантического анализа мы имеем здесь дело, по существу, с уровнем сем, которые представлены в составе семем данной лексемы и которые соотносимы с концептуальными элементами (единицами) поля.

Эти признаки, в зависимости от типа воплощаемого знания, могут быть разведены по различным областям: логические, обобщенно-родовые, эмпирические, символические, мифологические (мифопоэтические), соответствующие статусу логических, родовых, эмпирических, символических сем. Это означает, что мы также можем выделить в концептуальном поле лексемы ряд семных блоков, которые проецируются на семантическое пространство лексемы. Однако, хотя они в ряде случаях четко спроектированы на определенные семантические матрицы, их распределение в семантическом пространстве носит вероятностный характер, подтверждая возможность конвертируемости (прежде всего в обыденном восприятии мира и мифопоэтическом мышлении) понятий и представлений, отождествления нетождественного, а также синкетичности и динамичности семантических образов. Так, концептуальный признак *точки* как пространственного минимума семантизируется в языке в двух противоположных ипостасях: как «единица» («центр», «фокус»), в символическом смысле как образ, воплощающий потенцию развития, с одной стороны, а с другой, как символ предела, завершения, воплощение семантики «нуля или ничто».

В концептуальной области лексемы выделяются два основных уровня (две основные зоны) признаков: представляющие структурные характеристики денотата и оценочные, ассоциативные признаки, которые распределяются по блокам на основании различных критериев концептуального плана: особенностей (видов) содержательной трактовки (в том числе в научных концепциях), а также по параметру статичности/динамичности представляемого лексемой денотата (по структурным признакам образа, либо по признакам, выделяемым в операциональном определении).

Совокупность геометрических концептов (как абстрактных идеализированных объектов геометрии Эвклида) представляет собой терминологическую систему, организованную по соответствующим параметрам структурирования теоретического знания. Мы не касаемся подобного рода структурирования и отмечаем лишь наличие абстрактно-теоретических семем в составе семантических геометрических номинаций, представляющих теоретическое знание.

Предметом нашего рассмотрения является объединение геометрических концептов на уровне обыденного сознания, поскольку элементарные

геометрические объекты обладают особым онтологическим статусом и вплетены в сами наши представления об объектах реального мира. В целом они составляют основу пространственно-практической ориентации человека в трехмерном мире и образуют систему пространственных ориентиров и эталонов, на которые человек опирается при восприятии формы предметов. Эта система интересна еще и тем, что геометрические понятия (образы) обладают обширной ассоциативно-символической базой, восходящей к мифологическому сознанию. Следовательно, мы имеем дело с разноформатным знанием, воплощенным в семантике геометрических номинаций.

Система геометрических понятий в качестве концептуально-семантического блока, представленного в сознании, есть объединение концептов, концептуальное объединение, характеризующееся общими чертами, складывавшееся в течение длительного периода, прошедшее развитие от мифологического уровня восприятия элементарных геометрических правильных фигур к уровню концептуализации в качестве идеализированных объектов геометрии, от чисто эмпирического представления знаковости (*треугольник, ромб* как знаки пола) к абстрактно - образной символике (*круг* – макрокосм, микрокосм, мандала) и к выделению логической схемы на основе абстрагированного восприятия (три точки – *треугольник*), присутствующих в сознании современного человека. Этот путь развития хорошо просматривается на базе семантического анализа всех названий элементарных геометрических объектов.

В семемах геометрических номинаций может актуализироваться как эмпирический образ геометрической фигуры, так и логическая схема. И эмпирический образ, и логический могут составлять основу семантической производности лексемы. Этот вывод мы можем сделать, проводя концептуальный анализ (обобщение) содержания семем по критерию абстрактности/конкретности. Черты общности семантического развития геометрических номинаций концептов, объединенных в систему, проявляются прежде всего (и это закономерно) на уровне представленных в семантических матрицах логосхем, на уровне категориальном, на который выводят исследователя когнитивные связи. Так, общей являются категории «место» и «пространство» и их концептуально-семантические конкретизации по классификационному признаку (точка – «фиксированное место в пространстве», линия – «протяженный участок пространства, место, где что-либо происходит», круг – «пространство вокруг какого-н. центра», угол – «отдаленное место»).

Таким образом, концептуальный анализ объединения концептов предполагает выделение и обобщение наборов логосхем, соотносимых с отдельными лексемами, и соответствующее выделение и обобщение лежащих в основе логосхем когнитивных связок категориального уровня. Инструментом выделения логосхем являются наборы родовых признаков, а сами логосхемы входят в инструментарий выделения когнитивных связок на основе вывода логосхемы на собственно категориальный абстрактно-логический уровень, при отвлечении от конкретизирующего классификационного признака.

В системе пространственно-геометрических номинаций можно увидеть оппозитивные пары, представляющие бытовые оппозиции геометрических

образов, нерелевантные для теоретического знания, однако широко употребляемые в языке, прежде всего, при метафорической презентации «непространственных» смыслов.

В целом на материале анализа семантики геометрических номинаций выявляются четыре ключевые номинации, представляющие блоки семантически значимых бытовых пространственных конфигураций, структурирующих пространственную картину мира: *круг – овал, кривая, дуга, окружность, полукруг, спираль; линия – прямая, вектор; угол – треугольник, квадрат, прямоугольник и т.д.; точка – центр*). Распространенными в языковом употреблении являются такие оппозитивные пары, как *прямая-кривая* («прямой путь» противопоставляется в языковой семантике «кривой дорожке»), *точка-спираль* (точка как «свернутая спираль»), *точка-линия, точка-прямая* («точка всегда обозримей в конце прямой»), *угол-круг* (при этом в оппозицию могут вовлекаться лексемы, соотносимые по структурным признакам геометрического образа с ключевыми номинациями: «я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал»).

Семантическую релевантность может приобретать признак, по которому выделяется группа объектов. Это приводит к отождествлению нетождественных в полном смысле слова фигур (квадрат – прямоугольник: по наличию прямого угла; круг – овал: по отсутствию угла) и свидетельствует о нежесткости восприятия и представления формы в языке. С другой стороны, это свидетельствует о ментальном выделении на уровне обыденного сознания группировок конфигураций по признаку наличия угла или его отсутствия.

Семантическая релевантность нерелевантного в концептуально-теоретическом смысле признака обуславливает возникновение явления так называемой семантической дополнительности, имеющей, впрочем, различные формы проявления. К явлению семантической дополнительности можно отнести оппозицию признаков «верх-низ», присваиваемую в бытовом сознании геометрическому образу в качестве онтологической (в рамках геометрии пространственное расположение фигур не меняет их свойств). Особенно ярко это проявляется в художественной семантике.

Таким образом, мы можем выделить наряду с явлением семантического противопоставления объектов семантическое отождествление нетождественных в полном смысле объектов и явление семантической дополнительности.

На основе концептуального анализа семантически релевантной в языке связи концептов можно различать разные способы их взаимодействия: интеграцию и объединение, отождествление, оппозицию, сопоставление. И оппозиция, и отождествление строятся на сопоставлении с использованием таких приемов логического анализа, как абстрагирование, сравнение, аналогия. Объединение по признаку в один класс основывается на общности признаков на уровне логического образа денотата, отражаемого в логосхеме номинаций. Интеграция предполагает конструктивное поглощение одного другим с появлением нового качества. Форму интеграции, по-видимому, представляют и случаи встраивания геометрических образов друг в друга, семантические дополнения, перетекание образов, динамические переходы одного в другой. В художественной семантике

мы имеем дело с творческим конструированием, сопровождающимся слиянием, деформацией, трансформацией, перекатегоризацией и т.д. объекта мысли.

Особый интерес представляет явление символической концептуализации геометрических образов. Символические семы, выделяемые в семемах геометрических номинаций, могут также образовывать устойчивые ряды (или блоки), надстраиваясь над структурными пространственно коннотированными характеристиками в виде вторичной знаковой системы (таковы два блока символических признаков «угла»: *отдаленный, незаметный, потайной и острый, колющий, резкий, нелицеприятный, неуклюжий*), а также образовывать оппозитивные пары: «единица-нуль» (точка), «возникновение-исчезновение» (точка), «отсутствие начала и конца – совпадение начала и конца» (круг в статике и динамике).

Таким образом, анализируя объединения концептов в виде **терминологизированной концептуальной области**, представленной в языковом сознании, мы ставим целью выяснение характера логических связей между концептами, виды отношений, способы и уровни взаимодействия. Методика исследования таких концептуальных блоков предполагает следующие шаги:

1. Установление ономасиологической базы исследования (в виде ключевых номинаций, входящих в терминологизированную концептуальную область).
2. Семантический анализ лексем; выявление родовых сем.
3. Установление на основании родовых сем группировок семем,
4. Выявление концептуально-логического образа (логосхемы) семантической матрицы, объединяющей ту или иную группу семем.
5. Выявление на базе логосхем когнитивных связок категориального уровня.
6. Выявление набора логосхем и когнитивных связок, характеризующих терминологизированную концептуальную область в целом.
7. Выявление семантически релевантных оппозитивных пар концептов.
8. Определение характера взаимодействия концептов в составе образуемого ими блока.

Особую концептуальную область (концептуально-семантический блок) представляют номинации **концептуальных гиперструктур**, типа «пространство», «время», имеющих фундаментальное значение в системе категорий человеческого сознания. Концептуальная область такого рода формируется большим количеством взаимосвязанных концептов, воплощающих разнорядковые знания. Так, в науке принято различать концептуальное, перцептуальное и реальное пространство и время. Существуют также различные тенденции в трактовке категории пространства и времени. Это означает, прежде всего, что с лексемами «пространство» и «время» связаны различные концепты: научный и обыденный, что, безусловно, нельзя не учитывать в рамках когнитивного анализа в лингвистике. Использование понятия концептуально-семантического блока включает их в общую концептуальную область лексемы. Понятие концептуально-семантического блока позволяет также объединить в рамках целостного концептуального образования любые, по существу, единицы, связанные со всеми уровнями языковой и ментальной разработки категории пространства на всех уровнях его восприятия и таким образом расширить

проективную референтную зону концептуальных параметров описания семантической абстракции.

Концептуальная область «пространство» охватывает большую часть концептосферы, а, по сути, все ее фрагменты в силу универсальности самой категории. Концептуальная структура лексемы «пространство» представляет собой объединение (взаимодействие) целого ряда концептуально-семантических блоков, охватывающих все уровни универсального проявления данной категории, а также частные конкретизированные формы ее семантической актуализации.

Таким образом, методика анализа концептуальных блоков, обладающих сложной структурой и разветвленной формой лексико-семантической объективации, предполагает следующие шаги:

1. Описание структуры денотата на основании существующих научно-теоретических концепций.
2. Определение параметров описания, исходя из формата воплощаемого в структуре блока знания.
3. Выявление области референции и средств языковой репрезентации ее элементов.
4. Выявление интегральных и дифференциальных признаков концептуально-семантических комплексов, входящих в структуру высшего категориального статуса.

Тематизированные концептуальные области (концептосферы) обладают большим разнообразием. Можно отметить в качестве примера концептосферу «строительство», объединяющую множество разнорядковых по содержанию и семантической представленности (разработке) концептов.

Можно выделить тематизированные концептуальные области в социальной сфере, экономической, политической, эстетической и т.д. Специфика их структурирования и когнитивного моделирования обусловлена онтологическими характеристиками. При наличии универсальных общих закономерностей их строения и концептуализации, есть различия по специфическим семантически релевантным логосхемам и когнитивным связкам (в отношении структуры, объема связываемых элементов, оснований формирования). Важной задачей когнитивно ориентированного исследования является установление особенностей языковой концептуализации мира на базе логосхем и когнитивных связок, сформировавшихся в рамках тематизированных областей.

Когнитивные связи понятий могут базироваться на воспроизведении логики отношений, структуры действий, логического процесса, на обобщении этих параметров и переносе их в качестве концептуальной схемы на другие сферы действительности. Они могут выражать ментальные установки, оценочные пропозиции сознания, стандартизованные мнения, часто базирующиеся на эмпирическом опыте, на логике здравого смысла, актуализируясь в единицах народной мудрости. Эмпирические выводы черпаются часто из сфер ближайшего окружения человека, сферы бытового опыта, получая значительное концептуально-семантическое развитие в современном употреблении языка.

Отметим некоторые когнитивные связи:

дом-семья;

работа-дом-семья:	характеризуется среда общения человека, поведенческие установки, образ жизни;
стирка-уборка-готовка: Kinder-Küche-Kirche:	характеризуется круг занятий домохозяйки; характеризуется предназначенный женщине ограниченный круг бытия;
цена-плата-расплата:	выражается логическая схема финансового расчета, переносимая метафорически на внеэкономические сферы

Известную знаковую нагрузку несут архитектурные элементы, структурные детали дома и т.д. Так, такие элементы дома, как «окно» и «дверь» могут совмещать семантику когнитивной связки «вход-выход» (*прорубить окно в Европу; выгонишь в дверь – влетит в окно*).

Сложно-структурные тематические области включают множественные объекты, типа *времена года, семья, единицы времени, страны света*.

В концептуально-семантическом блоке «семья» одной из семантически релевантных когнитивных связок понятий является «мать-дочь», актуализируемая при языковой концептуализации иных сфер социальных отношений, в частности, экономической, технологической. Так, эта концептуально-семантическая оппозиция на уровне концептуального фона представлена в понятиях «дочернее предприятие», «материнская плата».

Когнитивные связки, формируемые в тематических областях, есть результат концептуального обобщения каких-либо элементов опыта.

Специфическую тематическую сферу представляют «времена года». В качестве автономного концептуального блока «времена года» выступают как объединение, например, двух оппозитивных подблоков «лето-зима» и «весна-осень», в которых названия природных времен года **когнитивно связаны на основе концептуализации, образуют когнитивную схему**, обусловленную абстрагируемыми признаками, по которым они вступают в оппозицию. Зима-лето: по эмпирическим признакам – холод-тепло (температурные характеристики), снег-дождь (атмосферные осадки), цветущие кроны растений, богатство красок – отсутствие листвы, однообразие красок (состояние флоры), сопутствующие сезонные признаки одежды.

Эти оппозиции строятся как бы с «нарушением» очередности фаз природного цикла, в результате ментальной, обобщающей деятельности сознания, иначе говоря, на концептуальной основе, они концептуальны уже по одному этому факту. Члены оппозиции именуют своеобразные точки референции, между которыми возникает концептуальное напряжение, дуга концептуального напряжения, связывающая два природных цикла для порождения нового ассоциативного смысла, выражаемого в связке оппозитивных номинаций (весна-осень: пробуждение-засыпание, зарождение новой жизни-увядание, молодость-старость). Этот смысл реализуется в метафорическом употреблении отдельных номинаций в сочетаниях типа «весна жизни» и т.д., при опоре на фоновую семантику всей оппозиции. Таким образом, концептуально-семантический блок совмещает фоновую семантику всего цикла и семантику противопоставления.

Очевидно, можно также говорить об особой когнитивно структурированной соотнесенности «весны-лета-осени», ассоциируемой с фазами жизни (в физическом и духовном смысле) человека: *творческий расцвет, в расцвете лет, сил, зрелый возраст, зрелость мысли, увядшее лицо, молодая поросль, ростки нового* и т.д. Таким образом, при реализации флористической метафоры в сфере характеристик человека и его деятельности когнитивный этимон выражения задается концептуальной схемой развития и роста растений.

Связка ключевых слов представляет вербализованную ассоциативную карту, выстраиваемую ментально, как результат концептуальной деятельности. Вербализованные ключевыми словами когнитивные связи понятий, формирующиеся в тематизированных областях, представляют особый вид лингвокогнитивных структур, воплощающих важные пресуппозиции сознания.

Богатая и разнообразная лексико-семантическая архитектоника концептуально-семантических блоков обуславливает многообразие их типов и уровней описания, выявляющих необходимость разработки и совершенствования соответствующего исследовательского аппарата.

Лингвокогнитивное моделирование на основе выявления концептуально-семантических блоков показывает, что функционирование и взаимодействие языковых единиц как лингвокогнитивных структур сознания базируется на наличии универсальных когнитивных связок, родовых логосхем, составляющих основу концептуального обобщения содержания языковых структур.

Таким образом, в рамках семантико-когнитивного описания анализ содержания концептуально-семантического блока направлен прежде всего на выявление семантически релевантных концептуальных схем, связей концептуальных признаков, репрезентируемых в семантическом пространстве языка.

И.А.Стернин

Мифологические компоненты обыденного языкового сознания⁴

Миф – (греч. *mythos* – сказание, предание) – вымысел, нечто недостоверное, невероятное, фантастическое (Кондаков 1975, с. 352). Существенно, что «мифам разных народов присущи сходные и повторяющиеся темы и мотивы...., особенность мифологического сознания – установление мнимых связей между разными явлениями» (Новый энциклопедический словарь 2007, с. 736).

⁴ Работа выполнена при поддержке гранта по проекту № 556 «Русское языковое сознание в лингвокогнитивном аспекте (понятие языкового сознания, методы исследования, описание русского языкового сознания, национальная специфика)» аналитической ведомственной целевой программы “Развитие научного потенциала высшей школы (2009-2010 годы)”

Мифологические компоненты выявляются прежде всего в обыденном знании, а в интересующем нас аспекте – в обыденном языковом сознании.

Анализируя особенности обыденного языкового сознания, лингвисты сходятся на мысли о том, что оно по своей природе во многом мифологично. Мифологичность обыденного языкового сознания связана, прежде всего, с его «противостоянием» теоретическому, научному сознанию.

В.Б.Кашкин отмечает: «...обыденное знание обладает свойствами мифа, поскольку миф – это свернутое восприятие многогранного и многоэтапного действия, не допускающее размышления во время своего использования. Обыденное представление, таким образом, ближе к вере, нежели к знанию» (Кашкин 2009, с.46).

Применительно к обыденному языковому сознанию можно говорить о его мифологичности именно в смысле наивности, целостности и стеротипизированности восприятия обыденным сознанием явлений языка и языковых значений, а также в плане наличия в концептах обыденного сознания особой мифологической зоны, содержащей данные мифологические представления (Москва – третий Рим, русский язык – великий и могучий и под.). Мифологический компонент обыденного языкового сознания – это вера в некоторые сведения, которыми носитель обыденного языкового сознания располагает, принимая их на веру как единственно верные и правильные («такого слова нет, поскольку его нет в словаре», «русский язык портят» и под.).

В современной лингвистике предпринимаются попытки исчислить мифологемы обыденного языкового сознания. Так, В.Б. Кашкин выделяет «следующие мифологемы и системы мифологем, в которых кристаллизуются представления наивного пользователя языка: 1) мифологема вещности слова и вещного характера языка; 2) представление о естественной связи слова и вещи, которое оно обозначает; 3) представление о дискретности семантики; 4) взаимная детерминация слов-вещей в высказывании; 5) представление о накопительном характере языковой памяти; 6) мифология языковой и культурной границы, включающая оценочные представления о «характере» языков и другие межкультурные стереотипы; 7) мифология авторитетности в языке (Кашкин 2002, с. 18-31). Исследователь отмечает, что важным компонентом обыденного языкового сознания является представление носителя языка о том, что язык – это словарь, а учить язык – это учить много слов. «Представление о процессе изучения языка сводится практически исключительно к «запоминанию большого количества слов», то есть, к накопительной памяти. ... Большинство наивных пользователей считают так: **«Чем большие ты знаешь слов, тем лучше ты знаешь язык»** и т.п. Язык для наивного пользователя равен словарю: **«Язык – это набор слов»** (Кашкин 2009, с.54). Наличие такой благодатной почвы в обыденном языковом сознании позволяет продвигать на рынок якобы «инновационные» методы изучения, декларирующие быстрое освоение словаря. Реклама таких курсов содержит в качестве приманки либо научно-популярные сведения о новом методе, либо чаще какой-нибудь околонаучный бред (25-й кадр, *subliminal message*, *NLP*, видимо, вскоре появятся и нанотехнологии в изучении иностранного языка). Вот пример из спам-рассылки, приводимый в статье

В.Б. Кашкина: «*Подарите себе и своим близким знание английского языка! Как? Легко и быстро! Вам поможет эффект 25-го кадра. Больше никакой зубрёжки! Язык запомнится сам, без усилий с Вашей стороны! Чудо случится благодаря специальной компьютерной программе. Её уникальность в том, что программа преподносит лексику на высокой частоте, используя эффект 25-го кадра. А Вам остаётся просто смотреть на экран! В течение 1-2 месяцев Вы запомните более 10 000 слов! А это примерно столько, сколько и содержит тот самый Ваш словарь, который Вы всегда мечтали выучить.* <...> *Доставка по России и Москве бесплатная*» (Кашкин 2009, с. 54).

Всё это ориентировано на наивного пользователя, который «мечтает выучить словарь», у которого уже сформировано представление о языке исключительно как о наборе слов.

В.Б. Кашкин отмечает также, что существует, к примеру, наивная технология перевода – пословная: «...основной принцип наивной технологии перевода – линейный, пословный перевод: слова-вещи исходного языка просто заменяются словами-вещами языка целевого. Поэлементное приравнивание слов переносится даже на уровень «букв» (наивный пользователь, как известно, не различает звук и букву). В нашем материале есть два почти совпадающих примера из металингвистических рассуждений пяти- и шестилетних детей, узнавших, что «кошка» переводится на английский язык как «*cat*». Вопросы обоих юных исследователей совпали: «*А где же еще две буквы?*» (Кашкин 2009, с. 55).

Н.Б. Лебедева считает, что для выявления мифов обыденного языкового сознания наиболее продуктивно анализировать взгляды нелингвистов, неспециалистов, потому что «метаязыковому мышлению многих неспециалистов так или иначе свойственна та же архаическая наивность и мифологичность, которая была характерна для Древнего мира и Средневековья, как европейского, так и восточного» (Лебедева 2009, с.313). Среди черт обыденного языкового сознания исследователь выделяет:

неприятие саморазвития и самоизменения языка, которые расцениваются как «порча», искажение, в частности, «великого и могучего русского языка» невежественными людьми;

«стихийный антиисторизм» мифологического метаязыкового сознания нелингвистов, способный к смешению современных и устаревших слов и значений (в особенности при попытках «теоретизирования» по поводу языка);

традиционный «книжноцентризм» («литературноцентризм»), когда естественный язык, на котором говорит народ, воспринимается как «вульгарный» в угоду языку письменных текстов, что проявляется а) в отождествлении всего языка с одной из его разновидностью – литературной нормой (оцениваемой как «высшая и образцовая»), б) в антиномии «печатное / непечатное слово» как аналогия с антиномией «правильное / неправильное». Антиномия «правильного и неправильного» языка, по мнению Н.Б.Лебедевой, восходит к Средневековью, когда «правильными» считались литературные языки – латынь, древнегреческий, древнееврейский (языки Библии), а на Ближнем Востоке – арабский, а неправильными, «вульгарными», следовательно, недостойными изучения и письменной фиксации – «язык народа», различные диалекты), в) в различных

уничижительных оценках слов разговорного стиля типа «жаргонное словечко» (хотя с лингвистической точки зрения это может быть вовсе не жаргонизм), и даже – «это не по-русски» в отношении слов сниженного стиля; г) в экспансии «канцелярия» (поскольку на нем лежит печать авторитета письменных текстов – «культурнее» звучит) в области, далекой от делового стиля, и так далее;

плохо осознается полисемия слов, особенно в различного рода речевых практиках;

наивная этимология (встречается в наши дни даже в научных работах нелингвистов при их рассуждениях о терминах);

канонизация отдельных лингвистических феноменов и разделов в ущерб признания других, более реально значимых: словарь (к тому же наиболее авторитетный из них – словарь Даля) выступает главным судьей почти во всех спорных случаях, причем касающихся не только лингвистических вопросов, но и прочих, вплоть до философских; таким же образом, например, орфографическая и пунктуационная грамотность и соответствие орфоэпическим нормам (особенно акцентологическим) отождествляется с владением русским языком и знанием его (более того – стало синонимом общей культуры), особенно ярко это проявляется в школьном преподавании.

Содержание мифологем обыденного языкового сознания исследуется и в западной лингвистике.

Один из авторов коллективной монографии «Обыденное языковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты» (под ред. Н.Д. Голева) М. Дебренн предлагает обзор современных работ французских языковедов о наивной лингвистике. М. Дебренн, в частности, останавливается на работах М. Ягелло: вышедшей в 1988 г. книге «Каталог общепринятых представлений о языке» и вышедшей в 2003 г. книге «Алиса в стране языка. Тем, кто хочет понять лингвистику» (обе работы переведены на русский язык). В своём обзоре М. Дебренн указывает на основные мифы обыденного языкового сознания, описанные Мариной Ягелло (на примере обыденного языкового сознания французов). Среди этих мифов следующие принимаемы на веру обыденным сознанием сведения (утверждения):

французский язык портится;

английский язык – это легко;

русский – мелодичный язык;

лингвист знает все о языке и о языках;

лингвист безошибочно грамотен;

лингвист борется за чистоту языка;

изучение иностранного языка означает заучивание всех слов этого языка;

перевод невозможен из-за принципиальной несводимости одного языка к другому;

языки разнятся между собой тем, что одни «бедны», а другие «богаты»;

одни языки «просты», а другие «сложны»;

родной язык никогда не забывают;

ностальгические стереотипы о родном языке часто возникают у людей, вынужденных по политическим или экономическим причинам говорить на другом;

«в китайском языке нет грамматики» (понятие грамматика отождествляется с морфологией);

если слова нет в словаре, его нет и в языке (это представление устойчиво во Франции);

туризм;

возведение «мертвых» языков в идеал;

поиски идеального языка;

живучесть любого языка связана с его «красотой», «логичностью», «легкостью» или каким-либо другим качеством;

французский язык – логичен;

французский язык – сложный язык;

родной язык богат нюансами и тонкостями, которых нет в более «примитивных» языках и др.

Прокомментируем некоторые из вышеуказанных суждений.

Признак *великий* по отношению к любому языку, несомненно, является мифологическим – это эстетическая, социальная, демографическая, политическая оценка языка, но никак не его объективная научная характеристика. Так, вместо того, чтобы говорить о том, что язык «великий», нужно уточнять, сколько людей на нём говорит, компактно ли проживают эти носители, используется ли данный язык в качестве посредника, является ли языком международного общения, изучается ли он как иностранный в школах других стран и т.д. Это дает возможность дать объективную, научную характеристику языка, определить его роль и место в мире, но эпитет *великий* остается при этом мифологической положительно-оценочной характеристикой языка, его *оценкой* языковым сознанием.

Нет также научных критериев для утверждения, «бедным» является язык или «богатым»: любой язык удовлетворяет потребности своих носителей благодаря полисемии, синонимии, словообразованию либо заимствованиям. Тем самим любой «действующий» язык – богатый.

Для лингвиста не существует понятия «сложности» или даже «сложности для изучения» языка. Это тоже мифологический оценочный признак, приписываемый языку – сложно или просто изучать не язык вообще, а конкретный язык конкретному человеку с конкретной языковой подготовкой, конкретным родным языком, конкретным знанием других языков, конкретного возраста, с конкретными целями изучения языка и т.п.

Общераспространенным практически во всех развитых странах является мнение о том, что язык портится, загрязняется. *Порча, загрязнение языка* – тоже мифологические понятия. Нет научных критериев здоровья языка или его чистоты – это оценочные суждения, основанные на личных вкусах, пристрастиях или просто заблуждениях конкретного носителя языка. Для лингвиста понятно, что любой язык развивается и эволюционирует, ни то, ни другое не является его порчей или загрязнением.. С точки зрения лингвистики нельзя дать оценку тех

или иных изменений с позиции «хорошо-плохо» или «прогресс-деградация», но такие оценки регулярно выдает мифологическое языковое сознание носителей языка.

Пуризм, возведение «мертвых» языков в идеал, поиски идеального языка опираются на мифологические представления о языке, даже если они порой превращаются в государственную политику. К сожалению, ненаучные, но громкие и общественно-резонансные спекуляции на теме порчи, загрязнения и гибели тех или иных языков – популярный плацдарм политиков и «национал-патриотов» во многих странах. Необходимо помнить о мифологическом предмете подобных спекуляций и разъяснять это в обществе.

Разумеется, мифологической составляющей содержание обыденного языкового сознания не исчерпывается, но мифологический компонент обыденного языкового сознания существует, он составляет важную и часто весьма яркую часть обыденного языкового сознания и нуждается в тщательном изучении, тем более что именно на этой части языковой информации в обществе строятся различные политические кампании по «защите» языка, «пропаганде» языка, строится та или иная государственная политика, вырабатывается культурно-образовательная идеология общества.

Содержание обыденного языкового сознания в целом далеко от изученности. В частности, нуждаются в описании прежде всего типы языковой информации, образующие обыденное языковое сознание.

Можно предпринять попытку описания содержания обыденного языкового сознания, исходя из классификации языковых знаний, предложенной Н.Б. Лебедевой.

Н.Б.Лебедева выделяет 4 вида знаний в структуре языкового сознания, каждое из которых может быть осознанным и неосознанным:

1.«**Знание языка**» – это языковая компетенция, умение говорить и понимать. Знание языка предполагает владение языком как родным, полученным в дар от своих родителей («материнский язык»), так и неродным, приобретенным позже (второй язык). Сфера **неосознаваемого** знания языка предполагает спонтанное владение языком, основанное на интуиции, на «чувстве языка», включает механизмы автоматизма, навыка. Выбор слов, грамматических норм, стилистических средств в этой сфере происходит спонтанно, опираясь на языковое чувство, чутье. Обучение родному языку также происходит в очень ранний период детства также спонтанно, автоматически» (Лебедева 2009, с.61).

Знание языка может быть исследовано экспериментальными и текстуальными методами.

2.«**Знания о языке**» ...назовем лингвистической компетенцией пользователей языка, важнейшей составляющей которых являются «спонтанные представления о языке и речевой деятельности, сложившиеся в обыденном сознании человека...» [Арутюнова, с. 7]. Это метаязыковые знания «простых» носителей языка, не знакомых вообще или знакомых в незначительной степени с «лингвистической премудростью», когда в процессе порождения, и в процессе восприятия речи говорящий и слушающий непроизвольно оценивают речевые произведения как правильные или неправильные» (Лебедева 2009, с.63).

Знания о языке – это лингвистическая компетенция, именно её, на наш взгляд, следует называть *метаязыковыми* знаниями. Этот вид языкового знания исследуется экспериментальными и текстуальными методами.

3. «**Знания в языке**» - знания, отраженные в языке, в его грамматических формах, лексике, речевых жанрах. К неосознаваемому виду ментальности «*знания в языке*» относятся такие понятия, как «языковая картина мира», «языковая категоризация», «образы языка, отраженные в самом языке» [Арутюнова, 2000, с. 7] как часть «образов мира, отраженных в языке» (Лебедева 2009, с.65) .

Знания в языке – это языковая картина мира, то есть отражение действительности в семантике языковых единиц. Исследуется когнитивной лингвистикой и лингвокультурологией.

4. «**Знания на языке**», которые «включают в себя всю информацию, зафиксированную в текстах, произнесенных и написанных на данном языке, непосредственно воспринятую слушающим и читающим», а также «различные рефлексии по поводу этой информации, в основном, профессионалами (стилистика, литературоведение и пр. науки, основанные на анализе текстов)» (Лебедева 2009, с.65).

Последний вид знаний, представляет собой совокупность языковых высказываний о действительности. Согласимся с Н.Б.Лебедевой. предостерегающей от включения знаний этого типа в собственно языковые («иногда в некоторых концептуальных исследованиях мы находим крен в сторону интерпретации текстовой информации как языкового – концептуального –знания. Думается, это слишком сильная гипотеза - отождествлять зафиксированное на данном языке (например, в поэтических текстах) с собственно языковым знанием» - Лебедева 2009. с.65). Эти знания находятся в концептуальной сфере и могут в отдельных случаях актуализироваться в речи при вербализации концепта (например, прецедентные знания, текстовые реминисценции – в опоре на их общеизвестность для социума), но частью языковой информации они, очевидно, не являются, оставаясь в концептуальной сфере.

Исследуется этот вид знаний когнитивной лингвистикой и лингвокультурологией.

Таким образом, исходя из приведенной классификации знаний в структуре языкового сознания, обыденное языковое сознание включает:

1. знание единиц языка и их значений (носителя языка при этом могут не знать единиц или иметь неправильные представления о значении) –языковое знание;

2. знания о языковой технологии (употреблении языка, языковых и стилистических нормах, сочетаемости языковых единиц, коммуникативных нормах, речевом этикете, правилах создания текстов разных типов и жанров, о речевом воздействии) –коммуникативно-языковое знание;

3. знания об устройстве языка, в том числе мнения и суждения о его сложности, богатстве, происхождении, заимствовании, развитии, энциклопедические сведения о языках и эмоциональную оценку разных языков и др. - метаязыковые знания.

Иными словами, в обыденное языковое сознание входят психологически реальные значения слов, правила сочетания слов и построения текстов, акустико-

артикуляционные навыки речевой деятельности, нормы и правила коммуникативного поведения, а также рефлексивные знания о языке - мнения и суждения о языке, в том числе мифологические и просто ошибочные. Все это составляет содержание обыденного языкового сознания.

Мифологические компоненты обыденного языкового сознания могут, к сожалению, иногда стать основой государственной политики в области языка. Этот вопрос исключительно точно и правильно поставил Н.Д.Голев. Приведем с незначительными сокращениями его рассуждение:

«.. зададимся вопросом, почему проблемы языкового строительства переданы в ведомство Министерства *образования и науки*. То, что вопросы, связанные с русским языком, трактуются в первую очередь как образовательные, понятно, поскольку соответствуют базовым презумпциям обыденного сознания. «Школьноцентризм» обыденной лингвистики синонимизирует выражения «владеть языком» и «овладевать языком» (в смысле «овладевать знаниями о языке») и тем самым увязывает русский язык со школьными знаниями, а последние – со школьным курсом орфографии.

Приказ Министерства образования и науки РФ о создании межведомственной комиссии по русскому языку от 2 декабря 2004 г. № 124, подписанный А. А. Фурсенко, начинается следующей преамбулой: «*В целях развития, распространения и сохранения чистоты русского языка как государственного языка Российской Федерации, языка межнационального общения приказываю...*». На наш взгляд, модус этой преамбулы несколько отличается от того, что предписывает данной Комиссии постановление Правительства РФ, подписанное М. Фрадковым. Предписано обеспечить *правовое функционирование* русского языка в качестве государственного. Комиссия понимает свое предназначение более расширительно. В преамбуле приказа Комиссии используется традиционная идеолого-политико-публицистическая риторика, призывающая бороться за чистоту и распространение русского языка во всех сферах его функционирования, а не только одной юридической. Такая идеологизация – характерная для российского общественного менталитета черта. Так, в свое время был идеологизирован Проект Федерального закона о русском языке, по поводу чего 6 июля 2002 года в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина президент ГосИРЯ им. А. С. Пушкина, акад. РАО В. Г. Костомаров сказал следующее: «...В предлагаемом проекте есть два совершенно разных, качественно разных объекта законодательного регулирования. Первый – это функциональный, а второй – это то, что юристы называют корпусный. Что касается функциональной стороны, то здесь законодательно все очень легко сделать. Мы можем сказать: судье можно использовать только русский язык. Мы можем сказать, что нельзя получить российское гражданство, не сдав экзамены по русскому языку. И так далее, и так далее. Мы можем сказать, что государство наше, если оно хочет себя хорошо поставить на международной арене, должно заниматься, как французы это делают, сознательным экспортом своего языка и своей культуры и т. д. А вот корпусная сторона, т. е. внутреннее развитие – прогресс, регресс самого языка, – зависит не от законов общества, а от внутренних законов развития – вообще

языков или данного языка. Насколько эти законы подвержены сознательному регулированию человеком или обществом? Вопрос открытый, на него есть много разных ответов».

Как видим, лингвисты готовы согласиться с тем, что вопросы о чистоте русского, его порче и совершенствовании – вопрос неясный и открытый, что такие слова, как «чистота», «порча», «улучшение», «прогресс», по отношению к языку не являются терминами, они не определены однозначно в науке, но для метаязыкового сознания рядовых носителей русского языка их смысл предельно ясен: язык руковорен, им можно руководить через разного рода постановления (желательно запретительного свойства), «порча» – это, то что мне (и моему соседу) не нравится и т.п. Такой менталитет и находит отражение в официальных документах, которые предстают в силу этого продолжением массового общественного, но отнюдь не научного сознания.

Отсюда становится понятно, почему сугубо юридический феномен – государственный язык – оказался в ведении Министерства образования и науки. Что касается компонента «образование», то – отметим еще раз – увязка русского языка со школой обыкновенна для «обыденной социолингвистики», поэтому с научной, объективистской, точки зрения этому удивляться не приходится. Но и к административному руководству наукой как обязанности Министерства забота о чистоте русского языка, кажется, никак не должна относиться. Это, скорее, относится к ведению министерства культуры, поскольку речь в «корпусной части» рассматриваемых законов идет о речевой культуре. Для реализации собственно научного подхода к проблеме нужно было бы по логике вещей организовать **исследование** объективных законов функционирования языка в разных сферах, теоретическую разработку понятий типа «чистота и порча языка» и уже на этой основе, **если будет обоснована необходимость и возможность «чистки»**, разрабатывать законы, регламентирующие функционирование тех или иных участков языка. Но Министерству и Комиссии эти вещи не кажутся предметом научных изысканий. По-видимому, они представляются им само собой разумеющимися вещами, не нуждающимися в научном обосновании, комиссия априори знает, почему, зачем и как нужно улучшать язык и что означает улучшение. Не приходится удивляться в связи со сказанным, что в составе комиссии, готовившей вышеназванный проект Закона о русском языке, было очень мало профессиональных лингвистов» (Голев 2009, с.383-385).

Полностью согласимся с предостережением Н.Д.Голева: в настоящее время «есть опасность, что ученым придется оперировать концептами естественного языка, оставшись в определенном смысле в лоне наивной науки...., пользоваться ценностями, представлениями и мифами обыденного сознания и заказами политиков. ... Именно научный подход к языковому строительству должен быть противопоставлен линии официализации и легитимизации языка, вытекающей из представлений обыденного национального метаязыкового сознания. При этом важно подчеркнуть, что научный подход подразумевает объективность обыденного фактора и его реального воздействия на все сферы функционирования языка; в том числе воздействия представлений о языке в сознании рядовых носителей русского языка, независимо от того, насколько они

соответствует представлениям научным. Этот фактор должен учитываться (а для этого предварительно изучаться), а не игнорироваться» (Голев 2009, с.396).

Исследования в области лингвоконцептологии свидетельствуют, что в структуре многих концептов выделяется мифологическая зона – как компонент их интерпретационного поля. Особенно это характерно для социально-психологических концептов, то есть таких, которые отражают некую социальную реальность и ярко категоризуют оценочное отношение к ней.

Сюда относятся политические и моральные концепты типа *свобода, демократия, добро, зло, совесть, порядок*.

Есть мифологическая зона и во многих известных топонимических концептах – то есть называемым топонимами (Москва, Петербург, Волга, Сибирь,), в концептах собственных имен (Ленин, Сталин, Петр Первый, Христос, Столыпин, Горбачев, Брежnev, Вашингтон, Рузвельт, Людовик 15-ый, Путин).

Мифологическая зона выделяется и во многих обычных концептах – если они имеют тенденцию к категоризации оценки, отношения. Покажем это на примере концепта, относящегося к сфере языка – *русский язык*.

Важным аспектом лингвокогнитивного исследования языка является разграничение мифологических и объективных признаков в содержании концепта. Рассмотрим для примера содержание концепта *русский язык* (Тавдгиридзе 2005, с.14-15) в обыденном языковом сознании русского народа.

Ядро: богатый 15,6%; красивый 11,8%; сложный 11,2%; выразительный 7%; родной 6,9%.

Признак *родной* является объективным; *сложный 11,2%; выразительный 7%* могут быть интерпретированы как *трудно освоить в совершенстве, на нем создаются выразительные тексты*; на этом основании они тоже могут быть отнесены к объективным.

Когнитивные признаки *богатый 15,6%; красивый 11,8%;* могут рассматриваться как мифологические. Таким образом, наиболее яркие ядерные признаки имеют мифологический характер.

Ближняя периферия концепта: *грубый 4%; интересный 4%; хороший 3,1%; доступный 3%; международный 2,8%; народный 2,3%; нужный 2,1%; любимый 2; школьный предмет 1,9%; старый 1,9%; звучный 1,8%;*

Мифологический характер имеют признаки *благородный 2,9%; великий 2,7%; умный 1,8%; могучий 1,7%,* остальные допускают рациональную интерпретацию и являются объективными либо чисто оценочными.

Дальняя периферия концепта (9,2%) образована следующими когнитивными признаками: *необычный 1,2%; культурный 0,7%; плохой 0,6%; свободный 0,7%; писатели и поэты 0,6%; средство общения 0,6%; непонятный 0,6%; носители языка 0,6%; точный 0,6%; понятный 0,5%; природа 0,5%; универсальный 0,4%; живой 0,3%; веселый 0,3%; засоренный 0,3%; чувственный 0,2%; громкий 0,2%; быт 0,1%; радость 0,1%; литературные произведения на русском языке 0,1%.*

Мифологический характер имеют когнитивные признаки *культурный 0,7%; свободный 0,7%; точный 0,6%; универсальный 0,4%; живой 0,3%; веселый 0,3%; засоренный 0,3%; чувственный 0,2%.*

Как видно из приведенных примеров, мифологическая зона концепта *русский язык* весьма значительна и имеет достаточную яркость в структуре концепта: признаки *великий, могучий, свободный* выделены почти двадцатью процентами испытуемых. Данные признаки отражают в структуре концепта некоторый национальный стереотип, существующий относительно автономно от других компонентов концепта, причем на реальность данного мифа-стереотипа не влияют многочисленные противоречащие ему когнитивные признаки, выделяющиеся в структуре концепта — *грубый, непонятный, засоренный, бедность, неприятный в звучании* и некоторые другие. Данные признаки не входят в ядро, оставаясь в рамках ближней и дальней периферии концепта.

Метод когнитивной интерпретации позволяет отделить «объективно-отражательное» содержание концепта от его мифологической составляющей.

Учитывая, что «языковое сознание «овеществляет» абстрактные сущности с помощью метафор» (Воркачев 2004, с. 138), можно интерпретировать метафорические номинации концепта, выявляя их когнитивный смысл: если метафора поддается рациональной когнитивной интерпретации, значит, она вербализует объективный когнитивный признак, если не поддается – значит, она вербализует мифологическое представление, мифологический образ.

К примеру, признак *выразительный* может быть интерпретирован как «на нем создаются выразительные тексты», *грубый* – «употребляется много грубых слов», *красивый* – «на нем создаются красивые тексты» – это реальные, объективные когнитивные признаки, поскольку подобная рациональная интерпретация метафор возможна, не противоречит представлениям исследователя и подтверждается верификационным экспериментом с испытуемыми.

А вот аналогичная интерпретация метафор *богатый, великий, могучий, свободный, благородный, умный, культурный* и под. невозможна. *Великий, могучий, свободный, благородный, умный, веселый* и под. – это отражение того, что мы просто любим наш язык, это оценочные метафоры.

Таким образом, логически (рационально) неинтерпретируемые метафоры о языке – это отражение мифологического языкового знания, основанного на целостном эмоционально-оценочном образе предмета концептуализации.

Именно чисто метафорические номинации, не поддающиеся рациональной семантизации, отражают мифологическую зону концепта.

То же самое можно сказать о мифологических концептуальных признаках типа *портится, загрязняется* и т.п.

Арутюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине языка: Язык о языке: /Под ред Н.Д.Арутюновой. . М.,2000. – С.7-19.

Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.,2004.

Голев Н.Д. Русское обыденное метаязыковое сознание и языковое строительство // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч.1.: коллективная монография / отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009.- С.371-386.

Кашкин В.Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты // Теоретическая и прикладная лингвистика.- Вып.3. - Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж, 2002. – С.4-34.

Кашкин В.Б. Научные теории и бытовые представления о языке. // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика. Кемерово, Барнаул, 2008. – С.30-44.

Кашкин В.Б. Обыденная философия, наивная лингвистика и наивная лингвистическая технология // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч.1.: коллективная монография / отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. – С. 41-61.

Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. - М., 1975. - С.352

Лебедева Н.Б. Особенности метаязыкового сознания профессиональных юристов (опыт группового портрета) // Обыденное метаязыковое сознание : онтологические и гносеологические аспекты. Ч.1.: коллективная монография / отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. – С. 313-321.

Новый энциклопедический словарь.- М.: Рипол-классик, Большая российская энциклопедия, 2007.

Тавдгиридзе Л, А. Концепт «Русский язык» в русском языковом сознании». Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. Воронеж. 2005. 18 с.

О.Н.Чарыкова

Лингвокогнитивные основы описания национальной метафорической картины мира

В настоящее время общепринятым является положение о том, что язык отражает специфичный для данной этнической общности способ восприятия и концептуализации окружающей действительности. Постижение того, как именно человек воспринимает и концептуализирует действительность, какие факторы объективного и субъективного характера являются определяющими в формировании национальной картины мира, представляется чрезвычайно важным. Особую роль в когнитивных процессах играет метафора, в которой наиболее наглядно отражается национальная специфика мировосприятия, что обуславливает важность исследований, направленных на выявление общих закономерностей и национально-культурных особенностей концептуализации действительности представителями различных лингвокультурных общностей и необходимость описания возможных моделей её метафорического осмысления.

Представляется, что для решения указанных задач правомерным является применение лингвокогнитивного анализа. На начальной ступени анализа необходимо исходить из того, что метафора может быть языковой и индивидуально-авторской. Языковая метафора в отличие от индивидуально-авторской зафиксирована в словарях. Первым этапом исследования является выявление метафорических значений лексических единиц по толковым словарям. Для этой цели способом сплошной выборки определяется наличие у лексемы переносного значения (переносных значений).

На следующем этапе проводится ограничение метафорических значений от метонимических. Основное отличие метафорического значения заключается в

том, что оно образуется на основе реального или воображаемого сходства признаков сопоставляемых денотатов, в результате чего номинация одного денотата используется для номинации другого. Поскольку практически общепринятым является положение о том, что метафора – это скрытое сравнение, в случае метафорического переноса между единицами, называющими составные компоненты метафорического сочетания, можно поставить союз *как*. Например: *шёлк волос – волосы, как шёлк*. В случае метонимического переноса использовать данный приём невозможно, поскольку такой перенос осуществляется по смежности в пространстве или во времени.

После выявления у лексемы метафорического значения проводится сопоставление его с прямым, исходным значением данной лексемы с целью определения признаков, по которым был осуществлён перенос, то есть образовалось метафорическое значение. Начинаясь с определения признаков вспомогательного, исходного объекта, метафора приходит к выведению признаков основного субъекта: суть ее состоит либо в отборе признака, присущего исходному объекту метафоры и сопоставляемого с природой денотата, либо в переосмыслении его.

В основе образования метафоры лежит такое свойство человеческого мышления, как ассоциативность. Метафора является результатом психологических ассоциаций (главным образом по сходству), вызываемых у людей предметами и явлениями внешнего мира. Нельзя не согласиться с мнением Б.А.Серебренникова: «Ассоциации по сходству имеют огромное значение в создании структуры языков. Сравнение одного предмета с другим является одним из наиболее мощных средств познания окружающего мира» (Серебренников 1970, с. 89).

Представляется, что отбор этого признака (или набора признаков) не может быть объяснен без определения мотивации метафоры (пусть и – нередко – бессознательной). Так, например, большую способность конкретной лексики к метафоризации можно объяснить тем, что выявляемые признаки в таких случаях обладают вещной сущностью – они определяются зрительным, слуховым или же тактильным восприятием.

Изучая языковую метафору в лингвокогнитивном аспекте, необходимо обращаться к приёмам компонентного анализа, так как переносное значение оказывается связанным с исходным номинативным неким смысловым элементом, отражающим определённые признаки. Процесс развития метафоры при этом может быть определен как трансформация в семной структуре слова. Самые различные семы, отражающие признаки основные, второстепенные и вымышленные, могут актуализироваться при метафоризации и лежать в основе создаваемого в процессе переноса образа.

В зависимости от того, какой (или какие) семантические компоненты исходной семы послужили основой образования метафорического значения, можно говорить о метафорах, основанных на дифференциальных семах, с одной стороны, и метафорах, где основой переноса послужила (послужили) потенциальные семы. На основе данного критерия, а также принимая во внимание классификацию Г.Н. Скляревской, можно выделить следующие типы

языковых метафор: 1) **мотивированная**, основанная на дифференциальной семе (груша гудка - форма); 2) **ассоциативная признаковая**, в которой основой переноса становится потенциальная сема (или семы): случайная шелуха впечатлений – то, что не нужно, бесполезно; 3) **ассоциативная психологическая**, где семантический элемент, лежащий в основе переноса, представляет собой «аморфное семантическое образование», комплекс ассоциаций, связанных с данным объектом в национальном языковом сознании («бревно» – о тупом, нечутком человеке).

Чрезвычайно важным является аспект выявления национальных особенностей метафорического осмысления мира, что предполагает сопоставительный анализ метафорических значений лексики соотносимых тематических групп разных языков.

Бесспорным является тот факт, что можно говорить об универсальных и национальных компонентах концептосферы той или иной этнической общности. Наличие универсальных, общечеловеческих концептов связано с тем, что при всей естественной разнице географических ареалов можно считать, что в действительности на Земле существует один тот же земной мир, в котором вещи предстают для всех людей Земли с общей объективной дискретностью и одинаковыми сходством – различием: дерево везде похоже на другое дерево, а не на солнце. Это не может не отражаться в сознании разных этносов и (хотя и в разной степени) в их языках. Формирование концептов общечеловеческого характера обусловлено практическими или наглядно-опытными знаниями о предметах (например, таких, как вода, камень, огонь).

Вместе с тем разные народы могут иметь отличные от других этносов (иногда в очень значительной степени) условия обитания, что определяется, с одной стороны, природными (физико-географическими) факторами, а с другой – культурными (социально-историческими). Указанные факторы обуславливают специфику классификации элементов действительности, поэтому в картинах мира разных этносов членение одного и того же фрагмента внеязыковой реальности может строиться на разных основаниях. Таким образом, национальная картина мира, которая представляет собой совокупность концептов, являющихся базой национального мышления, включает как универсальные, так и национально-специфичные концепты.

На основе всего выше сказанного можно утверждать, что в картине мира определённой языковой общности могут быть выделены универсальные (межъязыковые, общечеловеческие), национально специфичные и индивидуальные метафоры.

Рассмотрим это на материале флористической метафоры. Лексика, объединённая семой «растение», имеет важный аксиологический статус в языках мира, поскольку называет реалии, связанные с удовлетворением таких потребностей человека, как питание и защита от негативного воздействия внешней среды. Релевантность указанных лексем для национального языкового сознания обуславливает широкие возможности образования производных значений, так как метафоризаций подвергаются в первую очередь единицы

лексических полей, репрезентирующих наиболее важные для носителей языка участки внеязыковой действительности.

При сопоставлении флористической метафоры у представителей разных культур выявляется ряд универсальных метафор. Это, например, метафорические значения лексем, называющих такие компоненты растения, как *корень*, *ствол*, *цветок*, *плод* (*зерно*, *семя*), а также единицы, объединённые семантическим компонентом «фаза развития растения» (*цвести*, *цветущий*, *зрелый*, *отцветать*, *увядать*).

Противоположная тенденция проявляется в эндемичности метафорического значения, то есть образовании его только в одном из сопоставляемых языков. Например, по данным О.И.Мусаевой, в испанском языке лексема *bellota* (жёлудь) приобретает следующие метафорические значения: бутон гвоздики, украшение позумента, верхушка рога быка, сосуд для ароматических веществ, лексема *ajo* (чеснок) имеет значение «грубое выражение, ругательство» (Мусаева 2005, с.11], в русском же языке они не метафоризируются. В свою очередь эндемичными для русского языка являются, например, метафорические значения таких слов, как *лопух* - простоватый человек, *сморчок* – маленький, малосильный или невзрачный, морщинистый человек.

Направления переноса у соотносимых лексем разных языков могут совпадать. Так, русское слово *дебри*, испанское *bosque* (лес), немецкое *das Dickicht* (чаща, гуща, заросли) во всех названных языках имеют производные значения, связанные с трудностями понимания в мыслительной сфере. Но чаще, совпадая по основному значению или/ и по одному или более производных, соотносимые эквиваленты обязательно имеют семеи, не совпадающие по признаку переноса и направлению метафоризации. Например, русская лексема *лист* и немецкая *das Blatt* имеют метафорическое значение в обоих языках, однако употребление лексемы *das Blatt* для обозначения лопатки в анатомии животных возможно только в немецком.

Следовательно, даже если метафоризируются соотносимые лексические эквиваленты сопоставляемых языков, полной идентичности не наблюдается, поскольку в этом случае национальная специфика проявляется в количестве производных значений и/или направлении метафоризации. Рассмотрим ещё примеры. Русская лексема *зерно* и английская *grain* представляют собой соотносимые эквиваленты и метафоризируются. Общим для обоих языков является производное значение «отдельная частица, небольшая доля, крупинка какого-либо вещества». Например: *Где-то в кварце блестело золото крупными зёрнами* (В. А. Обручев). *She made such a dish that we couldn't eat: there were even grains of salt.* Метафорический перенос осуществляется по признаку «размер». Этот признак лежит в основе переноса и в случае использования анализируемых единиц в абстрактном значении в контекстах типа: *Есть чувство правды в сердце человека, Святое вечности зерно* (М.Ю. Лермонтов). А *grain of truth* – зерно истины. *Not a grain of truth* – ни крупинки правды.

Метафорическое значение лексемы *зерно* – «зародыш, исходное начало; ядро чего-либо», основанное на переносе по признаку «фаза биологического существования», присуще только русскому языку. Например: *Вчераиняя смерть*

не содержит ли в себе зерна сегодняшнего возрождения? (М. Е. Салтыков-Щедрин). В английском же оно передаётся посредством других лексем.

Следует отметить, что соотносимая с русской лексемой *зерно* английская лексическая единица *grain* более многозначна и имеет, помимо проанализированных, следующие значения: 1) гран (= 0,0648г); 2) зернистость, грануляция; 3) волокно, жилка, фибра, нитка; 4) строение, структура; 5) природа, характер, склонность; *in grain* – по натуре, характеру; 6) грана, яички шелкопряда. Думается, что использование данной лексемы в первом значении (мера веса) обусловлено переносом по признакам «форма» и «вес», во втором – «свойство», «качество», в третьем – по признаку «форма», в четвёртом – «структурное множество», в пятом – «фаза биологического существования» (начало чего-либо, источник развития), в шестом – «форма».

Сочетание *to dye in grain* используется в значениях: 1) окрашенный в пряже; прочно пропитанный краской; 2) стойкий, выносливый. В первом случае перенос осуществляется по признаку «структурное множество», поскольку имеется в виду, что каждая частица вещества пропитана краской, что обусловливает стойкость, прочность окрашивания. Ассоциация со стойкостью, прочность определила в свою очередь возможность употребления данной лексемы для характеристики стойкого, выносливого человека.

Переносное значение 5 («натура, природа, характер, склонность») обусловило употребление словосочетания *against the grain* – технич. - против (древесного) волокна; (*The joiner planed wood against the grain* = Столяр строгал дерево против волокна), а также значение «против желания, наперекор естественной склонности, не по душе, не по нутру». Например: *Everything in fact, was driving him towards the simple solution of Irene's return. If it were still against the grain with her, had he not feelings to subdue, injury to forgive, pain to forget?* (J. Galsworthy. “In Chancery”, part II, ch. II). Всё решительно толкало его к единственному простому выходу – вернуть Ирэн. Если ей это и не совсем по душе, то ведь и ему придётся подавить свои чувства, простить обиду, забыть страдания!

При сопоставлении производных значений русской лексемы *роза* и соотносимой с ней испанской лексемы можно увидеть, что общим для них является обозначение архитектурного украшения готических окон (или самого окна) в виде круга с переплетом из радиально расходящихся от центрального кружка лучей. Кроме того, в русском языке данная лексема (только во мн. числе) может употребляться для обозначения румянца. Например: *Принцесса сказала: «Надеюсь, что розы скоро вернутся на это хорошенъкое лицо»* (Л.Н. Толстой. *Анна Каренина*).

В испанском языке *rosa* тоже ассоциируется с цветом и нежностью лица, однако используется только в составе сравнения: *cutis como la rosa* - кожа [лица] как роза. Специфичными для испанского языка являются следующие значения лексемы *rosa* : 1. бант или украшение, похожее на розу, сделанное из лент или других вещей; 2. определенное кушанье из жареного теста; 3. розовый бриллиант; 4. вид кометы; 5. время сбора цветов шафрана.

Специфичным для русского языка при сопоставлении с испанским оказалось использование лексемы *роза* для графического изображения повторяемости направления ветров в каком-нибудь определенном месте (*роза ветров*).

Таким образом, совпадая по исходному значению в разных языках, соотносимые лексемы имеют значительные расхождения в количестве переносных значений и их направлениях, то есть национальная специфика обусловлена количеством и особенностями семем в структуре семантемы.

Национальная специфика может проявляться и на уровне семем, а именно в объёме и структуре сопоставимых значений. Например, процесс отделения зерна от шелухи переосмысляется в русском (*отсеивать*) и английском (*to seed*) по признаку «отделять ненужное». И хотя в данном случае значения в обоих языках практически совпадают, можно говорить об отличиях в составе сем, так как в английском данное слово употребляется только в спортивной терминологии, где означает «отбирать более сильных участников состязания». Интересно, что в испанском языке данная семема передаётся другой лексемой (*florear*) и при частичном совпадении набора сем имеются отличия в их составе (испанское *florear* и английское *to seed* означают «отбирать лучшее», русское *отсеивать* – «отбрасывать худшее»).

В национальных картинах мира разных этносов одни и те же объекты могут получать разные оценочные характеристики, потому что их представители выделяют и фиксируют разные стороны одного и того же явления. Например, наименование плода смоковницы (*фига*) в русском языке употребляется для обозначения сжатого кулака и имеет отрицательные коннотации, а в испанском языке его соотносимый эквивалент *breva* развивает ряд метафорических значений с положительными коннотациями (сорт сигар, выгодное, нетрудное дело, неожиданное преимущество). В русском языке прилагательное *трухлявый* имеет отрицательные коннотации, а его соотносимый немецкий эквивалент *murbe* приобретает производные значения с положительными коннотациями – «мягкий, нежный» (о приготовленном мясе) и «рыхлый, рассыпчатый, тающий во рту» (о печенье). В русском национальном сознании малина вызывает приятные ассоциации: (*Мне житье теперь... Малина! Умирать не надо*), а в английском языке, по данным Т.Н.Панковой, применительно к данному денотату преобладают ассоциации негативного характера; лексическая единица «*raspberry*» употребляется в значении «знак презрения; прищёлкивание языком в знак пренебрежения; неприятность, нагоняй, головомойка» (Панкова 2009, с.13). Можно предположить, что само движение (прищёлкивание языком) напоминает извлечение косточек малины из зубов, то есть, связано с неприятными ощущениями. Следовательно, отбор признаков, ложащихся в основу метафоры, *национально-специфичен*.

Поскольку метафорическая номинация представляет собой перенос наименования с одного денотата на другой по сходству признаков, основой для образования метафорических значений лексем, входящих в тематическую группу «растение», становятся различные **качества и свойства** номинируемых ими денотатов (как реальные, так и приписываемые данным объектам национальным сознанием). В рамках исследуемого материала большую часть признаков, по

которым осуществляется метафорический перенос, можно разделить на: перцептивные и аналитические. Перцептивные признаки (цвет, форма, размер, консистенция и т.д.) являются результатом конкретно-чувственного познания действительности. Например, метафорические значения лексемы *миндалина* (ядро миндального ореха) «часть парного органа, расположенного на стенке глотки» и «пустота миндалевидной формы в некоторых породах, заполненных минералами» образованы на основе переноса по перцептивному признаку «форма».

Аналитические признаки выявляются посредством мыслительных операций и/или оценки объектов, процессов и явлений денотативной сферы «растение». Например, метафорические значения лексемы «корень» образованы на основе следующих аналитических признаков данного денотата: *корень языка, зуба, ногтя* – «часть, которая обеспечивает устойчивость и питание», *корень зла* – «основа существования и развития». При образовании метафорических значений признаки переноса могут комбинироваться, совмещаться, то есть перенос осуществляется на основе двух или более признаков как перцептивного, так и аналитического характера.

Однозначное определение признаков переноса возможно далеко не всегда, поскольку существуют метафорические значения, образованные на основе комплекса ассоциаций и представляющие собой диффузные образования, то есть в основе метафоризации лежит не конкретный признак, который можно выделить и обозначить, а некое общее или сходное впечатление, производимое сопоставляемыми предметами. Например, употребление по отношению к человеку лексем *чурбан, колода* не обусловливается конкретным сходством, а отражает общее, не поддающееся точному определению впечатление: *чурбан* – бесчувственный, бездушный, необразительный, малоподвижный, глупый; *колода* – толстая, неуклюжая, неповоротливая, медлительная и т.п.

Обращает на себя внимание тот факт, что языковая метафора в разных языках базируется преимущественно на признаках конкретно-чувственного характера, фиксируемых в сознании в результате эмпирического освоения действительности и перцептуальной наглядности. Определенные качества и свойства, присущие растениям, переосмысляются людьми и прямо или в трансформированном виде ложатся в основу метафорического переноса. При отличиях в восприятии и концептуализации компонентов растения у представителей разных культур выявляется и ряд общих закономерностей. Наиболее релевантными представляются признаки пространственно-геометрического характера, признак трансформации, перехода из одной формы существования в другую, а также выявляемый в значительной части лексических репрезентаций признак «наличие потенциала развития».

Признаки, по которым осуществляются метафорические переносы, могут иметь универсальный характер, обусловленный общечеловеческими процессами перцепции и когниции (в этом случае национальная специфика проявляется в доминировании определенных аспектов перцептивного восприятия), и могут быть национально-специфичными, обусловленными количеством и характером ассоциаций в сознании этноса и его фантазией.

Что касается индивидуальных концептов, то наиболее ярко их специфика проявляется в художественной речи и связана с творческим переосмысливанием национальной картины мира на основе специфических индивидуально-авторских ассоциаций. Например: *зёрна глаз, куст головы* у С.Есенина, *заязь женских качеств* у Ю.Олеши, *зарось штыков* у М. Булгакова.

Если образование языковой метафоры становится выражением общего для всех носителей языка опыта, а совпадение знаний о мире обуславливает совпадение ассоциаций, то художественная метафора отражает индивидуальное видение мира.

Таким образом, метафора представляет собой особый способ восприятия и постижения мира и может быть универсальной, национально специфичной и индивидуальной. Наиболее полно представлена национально специфичная метафора. Национальная специфика может проявлять себя: 1) на уровне лексем, когда из двух соотносимых единиц сопоставляемых языков, совпадающих по исходному значению, метафорическое значение имеется только в одном из них, а в другом метафоризации не наблюдается; 2) на уровне семантем, когда соотносимые лексемы метафоризируются в обоих языках, но имеют отличия в количестве производных семем и/или направлении метафоризации; 3) на уровне семем, когда соотносимые метафорические семемы имеют отличия в составе сем. Национальная специфика второго типа является самой частотной.

Отличия в метафорическом осмысливании определённого участка внеязыковой действительности на лексемном уровне определяются следующими факторами: а) наличием или отсутствием номинируемого данной лексемой объекта в зоне существования этноса; б) релевантностью или нерелевантностью данного объекта для социума.

Отличия на уровне семантем и семем определяются тем, что в случае метафорического осмысливания одного и того же объекта носителями разных языков (или региональных и функциональных вариантов одного языка) возникают отличия в аспектах восприятия данного объекта, которые проявляются: а) в признаках метафорического переноса; б) в направлениях метафорического переноса; в) в положительных или отрицательных коннотациях.

Таким образом, лингвокогнитивный анализ позволяет уточнить основные аспекты метафорического осмысливания действительности в национальной картине мира разных языковых общностей.

Мусаева О.И. Флористическая метафора как фрагмент национальной картины мира (на материале русского и испанского языков) Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2005. – 24 с.

Панкова Т.Н. Национальная специфика метафорической номинации (на материале русских и английских лексем, объединённых семантическим компонентом «растение»). Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Воронеж, 2009. – 24 с.

Серебренников Б.А. К проблеме сущности языка //Общее языкознание. - М.: Наука, 1970.

Когнитивное сознание

Л.С. Бейлинсон

Концептуализация ошибок в обиходном и профессиональном языковом сознании

Осмысление индивидуального и коллективного опыта фиксируется в языковом сознании в виде концептов – сложных ментальных образований, представляющих собой квант переживаемого знания и включающих понятийное, образное и ценностное измерения (Карасик 2002). Одной из возможных типологий концептов является противопоставление этих единиц в обиходном и профессиональном типах дискурса. Мы исходим из того, что в профессиональном сознании осмысливается ограниченная сфера действительности, а не весь горизонт человеческого опыта, с одной стороны, и эта специфически осмысливаемая сфера реальности имеет более детальную проработку, с другой стороны.

Существенной характеристикой, объясняющей различие между обиходными и профессиональными концептами, является противопоставление ближайшего и дальнейшего значения слова, по А.А. Потебне: ближайшее значение слова представляет собой содержательный минимум, который является достоянием большинства носителей языка, в то время как дальнейшее значение слова есть информативно-эмоциональное содержание осмысленного опыта, выходящее за рамки содержательного минимума и доступное относительно узкой группе людей либо отдельным индивидам. Содержательный минимум фиксируется в толковых словарях, а углубление этого минимума объясняется и описывается в специальной литературе. Вряд ли можно говорить о содержательном максимуме, поскольку знание стремится к бесконечности как в целом, так и по отношению к отдельным фрагментам опыта.

Вместе с тем логично предположить, что существуют определенные типы смыслового углубления концептуализируемой действительности. К таким типам можно отнести художественное и профессиональное знание о мире. Первое связано с богатством ассоциативно-метафорического постижения переживаемого опыта и носит индивидуально-личностный характер, а второе касается предметного и инструментального освоения действительности и носит коллективно-групповой характер. Второй тип смыслового углубления знаний распадается на две разновидности: научно-теоретическая и профессионально-практическая концептуализация опыта, хотя следует отметить, что как в предметном, так и в языковом отношении различие между теоретическим и практическим освоением мира носит весьма условный характер в наше время.

Различие между профессиональным и обиходным осмыслением действительности носит градуальный характер. Представляется обоснованным противопоставление профессиональных и метапрофессиональных концептов (Прищепенко, 2006). Вместе с тем следует заметить, что существуют концепты,

относящиеся сугубо к профессиональной сфере деятельности (эти ментальные образования фиксируются в научных и профессионально-предметных терминах), концепты, относящиеся к обиходной сфере бытия, и, концепты промежуточного типа. К числу концептов, которые допускают как обиходное, так и профессиональное осмысление, относится концепт «ошибки». Этот концепт рассматривается в данной работе в соответствии с методикой, разработанной для описания концептов в ряде исследований, выполненных в Волгограде и включающих описание понятийных, образно-перцептивных и ценностных характеристик соответствующих концептов.

Концепт «ошибки» определяется в толковых словарях русского языка следующим образом:

Ошибка – 1. Неправильность в какой-либо работе, вычислении, написании. *Орфографическая, грамматическая, фактическая ошибка.* 2. Неправильное действие, ошибочный поступок. *Исправить ошибку уже невозможно* (БТС).

Ошибка – кал. погрешность, неправильность, неверность, промах, ограх; обмolvка либо недоразуменье; дурное, ошибочное распоряжение или поступок; неумышленный проступок, или невольное, ненамеренное искажение чего-либо. *Ошибка не обман. По ошибке взял чужую шапку* (Даль).

Словарные дефиниции показывают, что ошибка толкуется как нечто неправильное, такое, которое отклоняется от правил. Слово «правильный» дефинируется так: 1. Соответствующий установленным правилам, не отступающий от существующих правил, норм, порядка. *Правильное произношение, написание.* 2. Верный, безошибочный, истинный, соответствующий реальной ситуации. *Правильное решение.* 3. Настоящий; такой, какой нужен; хороший, справедливый. *Правильный поступок.* 4. Регулярный, равномерный, ритмичный. *Правильное движение поездов.* 5. Удовлетворяющий правилам пропорции и симметрии. *Правильные черты лица* (БТС).

Понятие «норма» является ключевым для осмыслиения оценки. В обиходном понимании норма есть общепринятое и обязательное для членов того или иного сообщества правило (предписывающее или запрещающее что-л.), порядок осуществления чего-л.; образец поведения или действия. *Моральные нормы. Соблюдать нормы литературного языка* (БТС). В аксиологии – науке о ценностях – противопоставляются ценности и нормы, первые представляют собой высшие ориентиры поведения, а вторые – образцы поведения, ситуативные императивы, выступающие в качестве требования, предписания, пожелания и ожидания соответствующего поведения (Бабаева 2003, с.7). Ценности стимулируют активность субъекта, а нормы ее упорядочивают (там же, с.23). Нормы устанавливаются социумом, важны для его функционирования, регулярно воспроизводятся и одобряются им. По мнению Е.М. Вольф, норма относится к имплицитным элементам оценочной структуры: существуют стереотипные представления о месте объекта в ценностной картине мира (Вольф 1985, с.61), т.е. подразумеваемые стандарты, применимые к объектам того или иного класса. Н.Д. Арутюнова противопоставляет общеоценочные и частнооценочные аксиологические значения, при этом вторые распадаются на семь классов: сенсорно-вкусовые, психологические, эстетические, этические, утилитарные,

нормативные, телеологические. Нормативные оценки (правильный – неправильный, корректный – некорректный, нормальный - аномальный, ненормальный; стандартный – нестандартный, бракованный; доброкачественный – недоброкачественный, здоровый – больной) относятся к рационалистическим оценкам и связаны с практической деятельностью человека (Арутюнова, 1999, с.198-200). Таким образом, на понятийном уровне ошибка в обиходном сознании осмысливается как ненамеренное и поэтому обычно прощаемое нарушение правил в определенном виде деятельности, а в профессиональном сознании – как относительно незначительное отклонение от социально установленных сформулированных либо подразумеваемых предписаний и ожиданий поведения.

Этимологически ошибка в русском языке определяется как промах, удар мимо цели (Фасмер). Можно увидеть, что в основу внутренней формы основного имени рассматриваемого концепта положено одно из типичных действий, иллюстрирующих неудачный результат действия.

Для более полного понимания системных связей рассматриваемого концепта необходимо проанализировать соотношение слова «ошибка» с ближайшими по смыслу словами.

В «Словаре синонимов русского языка» под ред. А.П.Евгеньевой приводится четыре статьи с объяснением близких по значению слов со словами «ошибаться», «ошибка»:

Ошибаться, заблуждаться, обманываться – иметь неправильное, ошибочное мнение, суждение о ком-, чем-л. Слова «заблуждаться» и более редкое «обманываться» употр. преимущ. в тех случаях, когда хотят выразить синхордитальное отношение к тому, кто ошибается, неверно думает, судит о ком-, чем-л.

Ошибиться, промахнуться (разг.), обмишулиться (прост.) и обмишуриться (прост.), дать маху (разг.) – допустить ошибку в чем-л. «Ошибиться», «обмишулиться» («обмишуриться») – допустить ошибку в каком-л. действии, совершить ошибочный в каком-л. отношении поступок; «промахнуться» и «дать маху» употр. в тех случаях, когда говорится об ошибке, вызванной неверным расчетом, предположением, суждением.

Ошибка, просчет, промах и промашка (прост.) – неправильное действие, ошибочный в каком-л. отношении поступок. Просчет – ошибка, основанная на неверном предварительном суждении о ком-, чем-л. Промах и промашка обозначают то же, но употр. преимущ. в неофициально-разговорной и обиходно-бытовой речи. Оплошность – ошибка, которую делают растерявшиеся, не сообразив, не подумав.

Ошибка, погрешность, ляпсус – неправильность в какой-л. работе, вычислении, написании и т.д. Погрешность – чаще небольшая, незначительная ошибка; ляпсус – грубая, досадная ошибка (ССРЯ).

В «Словаре синонимов русского языка» З.Е.Александровой выделяются разновидности ошибки: в работе, в речи: неточность, неправильность, погрешность, ляпсус / в расчетах, планах: просчет, промах, оплошность; проруха (разг.); промашка, оплошка, просчет (прост.); неверный (или ложный) шаг (Александрова).

В «Словаре русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н.Абрамова приводится следующий список слов: ошибка, грех, погрешность, заблуждение, неловкость, оплошность, опечатка, описка, отступление, промах, уклонение, упущение, неправильность, шероховатость, ложный шаг, провес, промер, просмотр, просчет. Ср.: недостаток, изъян, недосмотр, недочет, неисправность, неправильность, несовершенство, грех, порок, порча, повреждение, пробел, прореха, пятно, аномалия, дефект, слабость, слабое (больное) место, слабая струна, ахиллесова пятна, изнанка (оборотная сторона), медали (Абрамов).

В «Идеографическом словаре русского языка» О.С. Баранова ошибка разъясняется как разновидность неправильных действий – примитивных, безответственных, причиняющих неприятности, путанных, представляющих собой упущения и правонарушения. В словаре противопоставляются два типа ошибок: 1) неправильных действий, не приближающих к цели или отдаляющих от нее, и 2) случайных ошибок. К первым относятся просчет, прокол, накладка, погрешность, неточность, ко вторым – ограх, ляпсус, ляп, оговорка, обмоловка, описка, опечатка (Баранов).

Сравнение единиц системного парадигматического контекста для концепта «ошибка» в русском обиходном сознании показывает, что идея ошибки уточняется в следующих направлениях: 1) ошибка как неправильное действие противопоставляется правильному действию, для которого общего однословного обозначения нет, 2) ошибка как неверная установка противопоставляется ошибке как результативному несоответствию норме, 3) выделяются степени результативного несоответствия норме – более и менее серьезные ошибки, 4) уточняются причины такого несоответствия норме – непродуманность, невнимательность, нестарательность и др., 5) уточняются типичные сферы результативного несоответствия норме (работа, речь, планирование, контроль) и типичные действия, в которых случаются ошибки (письмо, говорение, взвешивание, измерение, стрельба, закрашивание, полировка, шитье и др.).

Обращает на себя неравномерность заполнения словесными знаками смыслового пространства, связанного с вероятностью результативного несоответствия норме: есть оговорка и обмоловка в речи, описка и помарка в письме, промах и осечка в стрельбе, но нет однословного обозначения многих действий, результат которых оценивается отрицательно: неверная оценка расстояния, неправильно поставленный диагноз, неточный удар молотком по гвоздю и т.д. Впрочем, в разных языках прослеживается тенденция закрепить обозначение этого типа действий на словообразовательном уровне, т.е. обозначить открытый ряд подобных действий: в русском языке – промах, просчет, прокол, пробел, прореха, в английском языке - mistake, misplace, misunderstand, misguide, mispronounce. Отметим, что речевые ошибки являются прототипным примером ошибок как таковых.

Для установления образно-перцептивных характеристик концепта «ошибка» в русском языковом сознании мы проанализировали данные, представленные в Русском национальном корпусе (www.ruscorpora.ru). Рассматривались те высказывания, в которых уточнялось значение основных имен данного концепта («ошибка», «ошибаться») по следующим направлениям: разновидность ошибок,

причина ошибок, следствие ошибок. Особенно значимым диагностическим контекстом для выявления уточнения значения являются биномы – координативные сочетания слов.

В текстовых примерах мы сталкиваемся с конкретизацией ошибок по виду деятельности. Случаются ошибки в судопроизводстве:

Я уверен, что вы совершенно невиновны, что здесь судебная ошибка.

Весьма распространены различные ошибки в построении высказываний:

Это была не просто логическая ошибка, о недопустимости которой предупреждали ещё римляне.

Многие допускают грамматические ошибки:

Как раз накануне дня Красной Армии, когда все в штабе получили поздравления и благодарности, он в другом приказе — выговор. Вот вам и мелкая грамматическая ошибка.

Случаются ошибки в проектировании:

Он сказал, что при проектировании дома была допущена ошибка.

Если хотят подчеркнуть, что ошибка не была существенной и произошла случайно, по недосмотру при оформлении документов, говорят о технической ошибке:

В рассматриваемой ситуации имела место техническая ошибка в декларации по внутреннему рынку.

Частотны описания типичных действий, совершенных по ошибке. Людям свойственно путать адреса:

Хочется верить, что гость заглянул сюда по ошибке, случайно, и впредь такие встречи нам не грозят.

Люди могут обознаться:

Однажды случилось недоразумение: он отдал коробок с леденцами Нюшке, по ошибке приняв её за сестру.

Может произойти ошибка в бухгалтерских расчетах:

Эти девочки работали у нас летом, мы им недоплатили денег по ошибке.

Случаются ошибки в адресации товаров:

По ошибке поставили партию оргтехники не покупателю, а посторонней организации со схожим наименованием.

В том случае, если ошибка затрагивает суть вопроса, речь идет о системной ошибке:

Главная системная ошибка заключалась в том, что разработчики сконцентрировали усилия на создании универсальных и специализированных строительных роботов — аналогов промышленным роботам.

Представляет интерес следующий пример, в котором говорится о педагогической ошибке:

Но если занятиям ребёнка не уделяют должного внимания в семье, не придают им достаточного значения, ничем не поощряют усердие и старание малыша, то в конечном итоге он перестаёт ими интересоваться, рассуждая примерно так: «Зачем я буду старательно заниматься, исправлять свои ошибки и готовиться к школе, если мама и папа не очень хотят этого?»

Существуют профессии, представители которых не имеют права на ошибку:

...ошибка с ним была та единственная в жизни ошибка со взрывателем, которую исправить нельзя.

Ошибка сапера заканчивается смертью.

Ошибки поддаются количественному измерению:

Даже простейший приёмник способен определять координаты, показывать направление и расстояние по прямой до выбранной точки, очень точно вычислять скорость движения (ошибка порядка 0, 2%) и рассчитывать время заката и восхода в данной местности.

В координативном перечислении противопоставляются оттенки смыслов, характеризующих действие с отрицательным результатом:

Как там это именуют? Дипломатический просчет, ошибка, недогляд... Попытаемся разобраться, что хотел получить Горбачев и что получил.

В этом высказывании сопоставляются отсутствие верного расчета, невнимание и действие с отрицательным результатом.

В тексте конкретизируются причины ошибок. К числу таких причин относится, например, неверное восприятие обстоятельств:

Это, говорит он, самая обычная ошибка наших воспринимающих и оценивающих способностей.

Ошибка бывает обусловлена неверной самооценкой:

Дело в том, что власть в нашем Отечестве никогда особенно не любила шуток по ее адресу. Мне кажется, это ее ошибка. Нормальные люди не чураются самоиронии, способны подтрунивать над собой и не видят в этом ничего предосудительного.

Недооценка определенных людей может привести к ошибкам:

Домработницы всё знают, — заметил кот, многозначительно поднимая лапу, — это ошибка думать, что они слепые.

Одной из причин ошибок бывает неправильное распределение времени и ресурсов при выполнении какой-либо задачи:

Зацикливание на отдельной задаче — это серьезная ошибка, так как в результате может не хватить времени на другую задачу, которой не будетделено достаточно внимания.

К числу причин ошибок относится неверное определение значимости тех или иных явлений, этапов, признаков:

Другая ошибка неопытных тренеров состоит в том, что дебютам уделяется явно гипертрофированное внимание.

К ошибкам приводит и ригидность, неумение видеть разницу между явлениями:

Классическая ошибка — полагать, что «высшая мера», действенная в 10 лет, будет действенна и в 14.

Последствия ошибок бывают весьма серьезными. Например, это может стоить людям жизни:

Однажды такой же юный, как мама, техник ошибся в химической формуле, и целый цех взлетел на воздух.

Типичным следствием ошибок является отрицательная оценка личности человека, допускающего ошибки:

Мне учительница сказала, что она тебе двойку в четверти поставит: ты делаешь по три ошибки в слове!

Последствия ошибки могут быть видны не сразу:

Впрочем, то, что он ошибся, стало ясно только после окончания 14-й партии — не проиграй он ее, все говорили бы о том, какими гениальными были его решения в этом матче.

Людям свойственно мучительно искать причины своих ошибок после того, как ошибки сделаны:

Он садился на кухне, долго рассуждал: его мучил вопрос, в чём же он неправ, в чём ошибся.

Ошибка требует исправления:

Вызванный хозяин заверил, что ошибка будет исправлена, переводчика найдут с помощью голландского посольства.

Есть люди, которые считают, что все ошибки исправимы:

Он как-то убеждён был, что жизнь бесконечна и каждая ошибка исправима.

Принято публично признаваться в совершенных ошибках и обещать не делать их впредь:

Мне кажется, вы должны дать объяснения, короче говоря, покаяться в ошибке.

Но некоторым свойственно упорствовать в ошибках:

Никем не руководимая, она опять совершила ошибку, но в этой ошибке никому не призналась, упрямо решив доучиться и работать, как придётся.

Умные люди делают выводы после совершенных ошибок:

Режиссёр и его продюсер Сергей Сельянов умеют учитывать свои ошибки и потому смогли расширить свою аудиторию.

Заслуживает внимания пример уточнения значения слова «ошибка» применительно к субъекту ошибки:

Я против того, когда говорят, что учёный совершил ошибку. Какая ошибка? Это неправильное слово, и оно снижает учёного до уровня школьника.

Для принятия правильного решения о проступке человека необходимо точно квалифицировать этот проступок:

Это была не ошибка, а помарка. Я не придал этому никакого значения.

Людям свойственно находить виновника в неудачном результате, сваливая на него все ошибки:

Ну, будет в нём поломка, ошибка, ляп какой-нибудь — всегда на Бабанова спишем.

Анализ текстовых примеров показывает, что существуют определенные стереотипы, связанные с совершением ошибок (это действия, требующие концентрации, внимания, предварительного обдумывания), с объяснением причин ошибок (сюда относятся неверные исходные оценки и самооценки, ригидность мнений, неверное определение значимости явлений) и с описанием типичных последствий ошибок (ценой ошибки может быть человеческая жизнь, часто страдают репутация и самооценка, ошибки признаются или не признаются, исправляются или игнорируются).

Для определения того, как осмысливается ошибка в языковом сознании носителей современного русского языка, мы проанализировали данные «Русского ассоциативного словаря» и предложили информантам написать короткие сочинения на тему: «Когда я думаю об ошибке, я представляю себе следующую ситуацию...».

По данным «Русского ассоциативного словаря», при предъявлении стимула «ошибка» информанты дают следующие реакции: *молодости* (64), *роковая* (37), *резидента* (30), *грубая* (23), *глупая* (15), *двойка* (12), *в диктанте*, *в жизни*, *жизни*, *моя* (8), *исправление* (7), *в тексте*, *непоправимая* (6), *исправить*, *случайная*, *тетрадь* (5), *бывает*, *в работе*, *в расчетах*, *в тетради*, *допущена*, *досада*, *исправлена*, *неправильно*, *природы*, *студента* (4), *большая*, *в слове*, *вышла*, *диктант*, *друга*, *красный*, *молодость*, *незначительная*, *неисправимая*, *неудача*, *плохо*, *правильно*, *сделана*, *юности* (3), *века*, *в задаче*, *в ответе*, *врач*, *глупость*, *горе*, *грамматическая*, *детства*, *досадная*, *задача*, *клякса*, *маленькая*, *неприятность*, *описка*, *орфографическая*, *ответ*, *писать*, *помарка*, *прививка*, *причина*, *промах*, *простая*, *сбой*, *серьезная*, *страшная*, *судьбы*.

В списке ответов от реакции к стимулу прослеживаются следующие ассоциации: *просчет* (15), *орфографический* (13), *исправление* (9), *проступок* (5), *резидент* (4), *досадный*, *неверный*, *неправильный*, *промах* (3), *бывает*, *виноват*, *наказуема*, *налицо*, *недочет*, *нелепый*, *результат*, *случайность* (2).

Можно сделать выводы о том, что в сознании информантов преобладают оценочные стереотипы, связанные с ошибками (*Ошибаться свойственно молодым*), частотны оценочные характеристики ошибки (*роковая*, *грубая*, *глупая*), распространенной сферой ошибок является обучение в школе (*двойка*, *орфографическая*, *диктант* и др.).

Приведем типичные короткие сочинения информантов.

«Когда я думаю об ошибке, я представляю себе школьника, который открывает тетрадь, сданную на проверку, видит множество исправлений, сделанных красной ручкой, и большую двойку. Я представляю себе разгневанные лица родителей этого мальчишки».

«Когда я думаю об ошибке, я представляю себе бухгалтера из старых времен, он щелкает костяшками счетов, у него очки сползли на нос, он не может свести концы с концами в большом отчете и никак не найдет ошибку».

«Когда я думаю об ошибке, я представляю себе текст с грубой орфографической ошибкой. Сейчас такие тексты часто встречаются в объявлениях, Интернете, переписке».

«Когда я думаю об ошибке, я представляю себе, что у меня не сходится баланс, я пытаюсь найти неверную запись и никак не могу ее обнаружить».

В большинстве подобных сочинений речь шла об орфографических или арифметических ошибках. Этот концепт имеет очевидную профессиональную закрепленность в языковом сознании: бухгалтер думает об ошибке в балансе, учитель русского языка или математики – об ошибке в тетради ученика, преподаватель иностранных языков – об ошибке в устной речи, врач – о неверно поставленном диагнозе и т.д.

Обратимся к ценностным характеристикам данного концепта, выводимым из содержания специализированных оценочных речений – пословиц, поговорок, афоризмов.

В «Словаре пословиц русского народа» В.И.Даля есть высказывания, в которых фигурирует рассматриваемый концепт. В этих пословицах зафиксированы определенные нормы поведения:

Следует исправлять ошибки - *Умей ошибиться, умей и поправиться.*

Следует признавать неизбежность ошибок. - *Не ошибается тот, кто ничего не делает. Огонь без дыма, человек без ошибки (без греха) не бывает. Нет такой лошади, чтобы не спотыкалась.*

Не следует сурово наказывать за ошибки. - *Ошибка в фальшив не ставится.*

Не следует обижаться на обмоловки. - *Ошибка в слове не спор. Обмоловка не запечатана. Обмоловка - не обида.*

Тема ошибок привлекает афористов, в высказываниях которых мы сталкиваемся с парадоксально выраженным нормами и оценками.

Не следует бояться сделать ошибку. - *Бояться ошибиться - это уже ошибка (С.Скотников). Ошибок не допускает только тот, кто подписывается крестиком (Д.Рудый). Не делая мелких ошибок, можно перенапрячься. А это уже роковая ошибка (Г.Александров).*

Следует отвечать за ошибки. - *Как просто делать ошибки, и как нелегко от них потом отдельываться (Л.Сухоруков). Тех, кто склонен заблуждаться, надо отправлять в лабиринты (В.Колечицкий). Ах, если б на своих ошибках можно было учиться заочно! (Б.Крутиер). Признать свою ошибку - ещё не значит извиниться, а извиниться - ещё не значит исправить (С.Янковский). Одни расплачиваются за свои ошибки, другие – откупаются (Б.Крутиер).*

Следует знать, что опыт не гарантирует от ошибок. - *С возрастом количество ошибок не уменьшается, зато возрастает способность их оправдывать (Анон.). В отличие от опытного, молодой специалист каждую ошибку совершают впервые (М.Мамчик). Только дураки повторяют свои ошибки. Умные совершают новые (Анон.).*

Следует замечать не только чужие, но и свои ошибки. - *Все кажется в другом ошибкой нам; А примешься за дело сам, Так напроказишь вдвое хуже (И.А. Крылов). Каяться в ошибках легче всего, если они чужие (В.Беднова). Свои ошибки нужны для того, чтобы сравнивать их с чужими (В.Беднова).*

Следует осознавать пользу ошибок. - *Молодость даётся человеку, чтобы совершать ошибки, зрелость - чтобы их исправлять, а старость - чтобы об этом жалеть (С.Янковский). Хочешь помочь ученику? Дай ему возможность ошибаться (Д. Карвин). В жизни очень важно правильно ошибаться (Е. Кащеев).*

Авторы афоризмов признают неизбежность ошибок, но отмечают, что опыт не всегда помогает избежать ошибок. В отличие от норм, зафиксированных в пословицах, в афоризмах подчеркивается необходимость отвечать за ошибки, строго относиться к собственным ошибкам, и вместе с тем осознавать их пользу для человека, поскольку иначе нельзя получить опыт.

Таким образом, концепт «ошибка» получает многомерное осмысление в русском языковом сознании. Основные характеристики этого концепта состоят в

признании определенного действия отклонением от нормы и порицании такого отклонения. Отрицательный результат действия бывает обусловлен неверной установкой субъекта либо случайным стечением обстоятельств. Определяются типовые действия, выполняя которые человек может совершить ошибку, как правило, это действия, требующие старания, внимания и планирования, характеризующиеся причины и следствия ошибок. Концепт «ошибки» часто осмысливается на основе учебной либо профессиональной деятельности носителей языка. В этом концепте проявляются вариативные нормы поведения, которые в целом сводятся к рациональной оценке отрицательного опыта.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.

Бабаева Е.В. Концептуологические характеристики социальных норм в немецкой и русской лингвокультурах: монография. – Волгоград: Перемена, 2003. 171 с.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. – 229 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

Прищепенко М.В. Метапрофессиональный концепт «услуга» в обиходном и институциональном дискурсе (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. – 24 с.

Е.В Вовк

Концепт *идеальный собеседник* в русском коммуникативном сознании

Образ идеального собеседника является существенной составляющей национального менталитета, а также неотъемлемой частью национального коммуникативного поведения. У людей, различных по социальным, возрастным, профессиональным, гендерным характеристикам различны представления и об идеальном собеседнике.

Концепт *идеальный собеседник* давно и прочно вошел в сознание русских людей, но несмотря на это, в повседневной обыденной жизни это словосочетание употребляется достаточно редко – этот концепт не относится к числу рекуррентных в русском общении, то есть редко обсуждается, при этом оставаясь принадлежностью концептосферы. Исследовать содержание и структуру данного концепта удобнее всего в связи с этим экспериментальными методами.

Нами было проведено исследование, задача которого - выявить и описать концепт *идеальный собеседник* с помощью лингвокогнитивных методов исследования. Для достижения поставленных задач были использованы следующие методики: направленный ассоциативный эксперимент *N- какой?*, метод субъективных дефиниций *N-это*, свободный ассоциативный эксперимент.

Участниками эксперимента стали 600 человек (325 женщин, 275 мужчин), жители города Борисоглебска, а также Борисоглебского, Грибановского, Поворинского, Таловского, Новохоперского районов Воронежской области. Возрастной диапазон испытуемых – от 18 до 80 лет.

По результатам проведенных экспериментов получено 1360 ассоциаций на стимул *идеальный собеседник*, различных – 371, единичных – 181 реакция. Реакции мы обработали методом когнитивной интерпретации, объединив сходные реакции в когнитивные признаки, выбрав в качестве номинации признака наиболее обобщенно отражающие содержание того или иного признака номинации.

На основании полученных данных нами выделено 77 когнитивных признаков. 14 признаков выявились во всех трех экспериментах: *близкий человек, добрый, друг, интересный в общении, умеющий слушать, может помочь, может посоветовать, не перебивает, образованный, общительный, понимающий, сочувствует, умный, человек*.

Выявленные когнитивные признаки, исходя из их индекса яркости, были обработаны методом полевой стратификации и разнесены по полевым зонам содержания концепта. Индекс яркости каждого признака вычислялся по следующей формуле: отношение ассоциатов, объективирующих когнитивный признак, к общему количеству ассоциатов, полученных в результате эксперимента. Если один и тот же признак характеризовался разными индексами яркости по результатам разных экспериментов, для итогового моделирования концепта выбирался наивысший индекс яркости, выдвигается гипотеза, что данный тип эксперимента выявляет данный признак наиболее ярко.

Структуру концепта *идеальный собеседник* по данным экспериментального исследования можно представить следующим образом:

Ядро

умеющий слушать 0,48

Ближняя периферия

умный 0,28

общительный 0,27

друг 0,26

понимающий 0,26

интересный в общении 0,25

внимательный 0,21

образованный 0,16

может посоветовать 0,16

добрый 0,14

человек 0,14

близкий человек 0,13

Дальняя периферия

приятный в общении 0,11

умеет общаться 0,11

имеет чувство юмора 0,10

может поддержать разговор 0,09

имеет приятную внешность 0,07
 не перебивает 0,07
 сочувствует 0,07
 родственник 0,06
 честный 0,06
 доброжелательный 0,05
 имеет свое мнение 0,05
 воспитанный 0,04
 вежливый 0,04
 неодушевленный предмет 0,04
 идентификация – типичный представитель 0,04
 отзывчивый 0,04
 сосед 0,04
 спокойный 0,04
 ясно мыслит 0,04
 может помочь 0,03
 мужчина 0,03
 психолог по профессии 0,03

Крайняя периферия

знающий 0,02
 интеллигентный 0,02
 имеет жизненный опыт 0,02
 культурный 0,02
 любознательный 0,02
 любой 0,02
 откровенный 0,02
 смелый 0,02
 умеет поставить себя на место другого 0,02
 я 0,02
 гуманный 0,01
 можно доверять 0,01
 не делает лишнего 0,01
 не подавляет меня 0,01
 опытный 0,01
 преподаватель по профессии 0,01
 адекватный 0,005
 бодрый 0,005
 все 0,005
 говорит четко 0,005
 грустный 0,005
 дружелюбный 0,005
 единомышленник 0,005
 единственный 0,005
 идеал для подражания 0,005
 кот 0,005
 крутой 0,005
 ласковый 0,005
 может все 0,005
 молчаливый 0,005
 настоящий 0,005

не высокомерный 0,005
 не заразный 0,005
 незнакомый 0,005
 необычный 0,005
 недалёкий 0,005
 открытый 0,005
 отстраненный 0,005
 самостоятельный 0,005
 самый лучший 0,005
 серьезный 0,005
 трезвый 0,005
 чуткий 0,005

На основании полученной модели можно сделать вывод о том, что в русском коммуникативном сознании сформирован образ идеального собеседника – *слушателя*, т.к. самый яркий когнитивный признак – *умеющий слушать* (0,48). В группах, различных по социальным, возрастным, профессиональным и гендерным характеристикам, этот признак объективирован примерно в равной степени.

Когнитивные признаки *умный* (0,28), *общительный* (0,27), *понимающий* (0,26) ярко проявляются в группе с возрастным диапазоном 35- 80 лет.

Признак *друг* (0,26) равномерно проявляется во всех возрастных группах независимо от половой принадлежности.

У испытуемых, возраст которых менее 35 лет, в большей степени проявляются индивидуальные признаки, представленные единичными реакциями. Когнитивный признак *общительный* ярко выражен у испытуемых, связанных с интеллектуальными профессиями.

Поскольку дальняя и крайняя периферии в большей степени отражают индивидуальное сознание, наличие в них большого числа признаков свидетельствует о том, что в индивидуальном сознании исследуемый концепт значительно персонифицирован. Идентификационный признак «типичный представитель» (названные в эксперименте имена и фамилии конкретных людей) (0,04)прочно укоренился в сознании и не детерминируется социальным положением, гендерной и возрастной характеристикой.

Таким образом, концепт *идеальный собеседник* в сознании русских людей это, прежде всего, умеющий слушать, молчать и сочувствовать человек, друг. Желательно, чтобы он был образованным, интеллигентным, воспитанным, не перебивал и по возможности мог дать полезный совет. Таким образом, идеальный собеседник - это молчаливый, вежливый и способный помочь человек.

Динамика концепта эмоциональная привязанность в сознании литературного героя

(на материале трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность»)

Трилогия Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» отражает процесс духовной эволюции Николеньки на протяжении трех периодов его жизни. Подобную динамику можно наблюдать на концептуальном уровне.

Концепт «эмоциональная привязанность» как чрезвычайно широкое понятие включает в себя ряд концептов, среди которых « страсть», «влюбленность», «расположение» и др. Однако одним из важнейших понятий, которое значимо для писателя в сознании его героя, является понятие «любовь». Оно наиболее ярко отражает духовную эволюцию героя. В данной статье мы проследим динамику концепта «эмоциональная привязанность» на основе рассмотрения концепта «любовь». Таким образом, наше исследование выполнено в рамках семантико-когнитивного подхода к языку — от семантики языковых единиц к содержанию объективируемого этими языковыми единицами концепта.

В первой части трилогии — «Детство» представлены следующие языковые средства объективации исследуемого концепта (9 единиц): *любовь, влече**ни**е, любить, полюбить, любимый, страсть, чудесное чувство, лелеять, быть влюбленным*.

В «Отрочестве» — 7 единиц: *любовь, любить, страсть, быть влюбленным, влюбиться, обожать, полюбить*.

В «Юности» — тоже 7 единиц: *любовь, любить, обожать, быть влюбленным, влюбиться, любимый, полюбить*.

Перечисленные единицы образуют номинативное поле концепта «любовь» в трилогии.

Далее мы обратились к значениям данных средств (лексем) в словарях и на основе анализа словарных дефиниций выделили когнитивные признаки, которые объективируются в тексте.

Например, лексема «влечение» имеет следующее значение: «сильное стремление, непреодолимая склонность к кому-чему-н.»

Выделяем когнитивные признаки: стремление, сильное, направленность на кого-либо, непреодолимое, склонность к кому-л.

Подобным образом были проанализированы все лексические объективации концепта, в результате чего были выделены когнитивные признаки, образующие содержание концепта.

В «Детстве» — 30 признаков:

1. чувство
2. глубокое
3. эмоциональное
4. влечение к лицу другого пола
5. сильное
6. душевное

7. расположение к кому-л.
8. самоотверженное
9. искреннее
10. привязанность к кому-л.
11. постоянное
12. склонность к кому-л.
13. увлеченность кем-л.
14. выделяется предмет любви
15. стремление к кому-л.
16. непреодолимое
17. симпатия к кому-л.
18. горячее
19. тяготение
20. с трудом управляемое рассудком
21. отдача всех своих душевных сил
22. являющееся чудом
23. небывалое, необычное
24. нравственно безупречное
25. забота о ком-л.
26. преданность кому-л.
27. прекрасное
28. удивительное
29. очарованность кем-л.
30. дорогое для человека

В «Отрочестве» — 20:

1. чувство
2. глубокое
3. эмоциональное
4. влечение к лицу другого пот
5. сильное
6. душевное
7. расположение к кому-л.
8. самоотверженное
9. искреннее
10. привязанность к кому-л.
11. постоянное
12. склонность к кому-л.
13. увлеченность кем-л.
14. выделяется предмет любви
15. горячее
16. симпатия к кому-л.
17. очарованность кем-л.
18. душевный подъем
19. страстное
20. преклонение перед кем-л.

В «Юности» — 19:

1. чувство
2. глубокое
3. эмоциональное
4. влечение к лицу другого пола

5. сильное
6. душевное
7. расположение кому-либо
8. самоотверженное
9. искреннее
10. привязанность к кому-либо
11. постоянное
12. склонность к кому-либо
13. увлеченность кем-либо
14. выделяется предмет любви
15. дорогое для человека
16. преклонение перед кем-то
17. страстное
18. непреодолимое
19. стремление к кому-либо

На завершающем этапе мы вычислили «индекс яркости» того или иного когнитивного признака, который высчитывается как доля случаев объективации данного признака от общего числа объективаций исследуемого концепта в тексте. Например, в первой части «Детство» зафиксировано 61 случай языковой объективации концепта «любовь», при этом когнитивный признак «дорогое для человека» актуализируется в 7 случаях; отсюда индекс яркости этого признака — 0,11.

В результате наибольшим индексом яркости во всех трех частях произведения обладает когнитивный признак «чувство».

В первой части «Детство» достаточно ярко выражены также признаки: «душевное» (0,52), «расположение» (0,37), «склонность» (0,31), «выделяется предмет любви» (0,55), «тяготение» (0,31). Не актуализирован признак «преданность», наименьший индекс яркости имеют признаки: «влечение к лицу другого пола» (0,08), «самоотверженное» (0,03), «непреодолимое» (0,01), «горячее» (0,09), «с трудом управляемое рассудком», «отдача всех своих душевных сил» (0,01), «небывалое, необычное» (0,01), «забота» (0,04), «очарованность» (0,03).

Во второй части «Отрочество» наиболее ярко актуализированы признаки: «выделяется предмет любви» (0,86), «сильное» (0,44), «душевное» (0,65), «расположение» (0,41), «искреннее» (0,55). Наименьший «индекс яркости» имеют признаки: «горячее» (0,06), «преклонение» (0,03), «эмоциональное» (0,03). Не актуализирован признак «самоотверженное» (0).

В третьей части «Юность» наибольшим индексом яркости обладают признаки: «душевное» (0,41), «расположение» (0,55), «склонность» (0,41), «стремление» (0,42). Наименее ярко актуализируются признаки «глубокое» (0,18), «дорогое для человека» (0,07), «преклонение» (0,02), «страстное» (0,04), «непреодолимое» (0,07).

Итак, ядро концепта «любовь» в трилогии Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность» составляют следующие признаки, выявленные из словарных дефиниций: «чувство», «душевное», «расположение к кому-либо», «искреннее», «склонность к кому-либо», «выделяется предмет любви», «стремление».

Отметим заметную динамику ряда признаков от первой к третьей части трилогии. Признак «влечение к лицу другого пола» усиливается от детства к юности. «Индексы яркости» признаков «расположение», «склонность», «стремление» также заметно возрастают. Признак «выделяется предмет любви» в части «Юность» наименее актуализирован, так как в третьей части герой размышляет вообще о любви, он даже классифицирует это понятие и не акцентируется внимание на том, к кому обращено это чувство — рассуждает о любви вообще.

Также можно сделать вывод о том, что постепенно сокращается разнообразие языковых средств объективации концепта «любовь» и их частотность, соответственно сокращается и количество объективируемых когнитивных признаков. В «Детстве» языковые средства наиболее частотны и разнообразны, в «Отрочестве» и «Юности», соответственно менее частотны и менее разнообразны. Налицо заметная эволюция концепта в сознании героя по мере его взросления.

В.И. Карасик

Лингвокультурный концепт *сознательность* как индикатор советской эпохи

Важнейшей характеристикой современного языкоznания является его антропологическая направленность — ученые изучают язык, общение, коммуникативные ситуации для того, чтобы лучше понять суть человека. В этом состоит основное отличие антропологической лингвистики от лингвистики имманентной, ориентированной на освещение внутренней структуры языка, инвентаризацию его единиц и установление системных отношений между ними. В рамках антропологической лингвистики выделяется лингвоконцептология, предметом изучения которой являются концепты — кванты переживаемого знания. Лингвистическая концептология — это закономерный этап в развитии содержательной лингвистики, обогащенной достижениями философии, культурологии, психологии.

Одним из направлений лингвоконцептологии является анализ концептов как индикаторов эпохи. Имеются в виду ментальные образования, интерпретация которых требует объяснения специфических культурных ценностей, которые были актуальны в определенный исторический период и требуют разъяснения в наши дни, поскольку неадекватно понимаются молодыми современниками. Это в полной мере относится к эпохе Советского Союза. Лингвоконцептология в этом плане тесно смыкается с политической лингвистикой (Будаев, Чудинов 2009; Карасик 2004; Чудинов 2001; Шейгал 2004). Проиллюстрируем сказанное на примере концепта «сознательность».

В словаре под ред. Д.Н. Ушакова (1940) дано следующее определение: сознательность 1. сущ. к сознательный в 3 знач. *Сознательность поступка* (сознательный — намеренный, обдуманный, совершенный в состоянии сознания.

Сознательный обман). 2. Способность, уменье отдавать себе отчет в окружающей действительности и в том, как надлежит действовать. *Наши съезды всегда освещали далеко вперед назревшие задачи партии и всегда были крупным этапом в подъеме коммунистической сознательности масс, в коммунистическом воспитании трудящихся. Молотов.* (ТСРЯ 1940). В словаре под ред. С.Н. Кузнецова (1998) читаем: 1. Сознательность – к Сознательный. 2. Умение, способность правильно понимать, разбираться в окружающей действительности; чувство долга, ответственности, причастности к окружающей действительности. *Высокая сознательность. Политическая сознательность. Сознательность населения, молодежи, рабочих. Проявить сознательность.* (БТС). В словаре под ред. Д.В.Дмитриева (2003) находим следующую дефиницию: 1. Сознательным называют то, что имеет место при участии сознания. *Сознательный возраст.* 2. Сознательным называют человека, поведение которого основывается на понимании и строгом выполнении правил, требований. *Сознательный член общества. Сознательное отношение к труду, к своим обязанностям. Сознательная дисциплина.* 3. Сознательными называют действия, если они совершаются кем-либо с очевидно понятной целью и человек, который их совершает, знает, что хочет. *Сознательный поступок, выбор. Сознательная ложь.* (ТСРЯ 2003). В словаре В.И.Даля (1882) приводятся определения глагола «сознавать», при этом значение долженствования, которое прослеживается в приведенных выше толкованиях, не формулируется.

Таким образом, в содержании концепта «сознательность» лексикографы выделяют два смысла: 1) осознанность своих действий и вытекающая отсюда ответственность за них, 2) чувство долга, лежащее в основе такой осознанности. Эти смыслы тесно связаны между собой. В Философском энциклопедическом словаре (1983) сознательность объясняется как антипод стихийности: «Сознательным называется то, что осуществляется людьми в соответствии с заранее поставленной целью. Высшая форма сознательной деятельности основывается на познании и использовании законов природы и общества. Стихийным называется то, что осуществляется непреднамеренно, не контролируется людьми» (ФЭС). В соответствии с марксистской теорией люди планомерно строят светлое будущее на основе гармоничного сочетания интересов индивидов и общества, но общественное благо приоритетно по отношению благу личному. Именно поэтому идеологически маркированным требованием является понимание сознательности как долга человека перед обществом.

В русском языке идея осознанности своих действий уточняется через противопоставление сознательности, бессознательности и несознательности. Бессознательность – это отсутствие рефлексии в силу возраста либо состояния субъекта, это биологическая характеристика человека. В психологии различаются сознание и подсознание. Несознательность – это значимое отсутствие либо недостаточное наличие чувства долга, это нравственная характеристика человека. В этом плане сознательность сопоставима с совестью. В словаре под ред. Д.В. Дмитриева читаем: Совестью называют чье-либо чувство моральной ответственности за свое дурное поведение, безнравственное отношение к кому-либо. *Упреки, муки, угрызения совести. Иметь совесть* (ТСРЯ 2003). В словаре

В.И. Даля совесть определяется так: нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке; внутреннее сознание добра и зла; тайник души, в котором отзыается одобрение или осуждение каждого поступка; способность распознать качество поступка; чувство, побуждающее к истине и добру, отвращающее от лжи и зла; невольная любовь к добру и к истине; прирожденная правда, в различной степени развития. *От человека утаишь, от совести (от Бога) не утаишь. Совесть мучит, снедает, томит или убивает* (Даль). Обратим внимание на то, что в словаре В.И.Даля подчеркивается врожденное нравственное чувство, не случайно совесть отождествляется с Богом, в современных лексикографических источниках эта идея не выражена. Бессовестный человек совершает дурные поступки намеренно, т.е. знает, что поступок является плохим и сознательно нарушает нормы нравственности. Несознательный человек в этом сопоставлении не понимает, что его поступок противоречит таким нормам, его сознание включено, но направлено на удовлетворение утилитарных потребностей. Несознательность подразумевает недоразвитость, незрелость. Человека можно упрекнуть: «Какой ты еще несознательный!», но нельзя сказать: «Какой ты еще бессовестный!». Соответственно, сознательность воспитывается, формируется, вкладывается в человека, в то время как совесть пробуждается, оживает. Идея целенаправленного формирования сознательности является одной из центральных в марксистской идеологии.

Концепт «сознательность» является регулятивным ментальным образованием, и поэтому его образно-перцептивные признаки неразрывно слиты с оценочными. Для выявления образных и оценочных характеристик сознательного поведения были проанализированы особенности сочетаемости слов, обозначающих этот концепт в русском языке. Используются данные Русского национального корпуса (www.ruscorpora.ru).

Анализируя сочетаемостные характеристики слов, обозначающих концепт «сознательность», мы обращаем внимание на следующие признаки: кто является носителем этого качества, как это качество проявляется, каковы последствия его отсутствия либо недостаточного наличия, с какими другими признаками ассоциируется сознательность или ее отсутствие.

Выделяется классовая сознательность, образцовым носителем которой выступает пролетариат:

Надо иметь сознательность, товарищи, вы же всё-таки рабочий класс (О.Павлов).

Рабочие должны иметь сознательность, поэтому в обращении к ним акцентируется их особая роль в обществе.

Особым типом сознательности является революционная сознательность:

Навсегда запомнил я эту бодрость духа, стойкость и революционную сознательность нижегородских рабочих (А. Микоян).

Сознательность революционеров предполагает их готовность пойти на самопожертвование во имя высоких идеалов. Известный советский политик подчеркивает стойкость рабочих, которые вышли бороться за свои права.

Партийная сознательность ассоциируется с активной жизненной позицией:

В партию должны приниматься те, кто не только примерно трудится на производстве, но и глубоко предан идеалам партии, является политически сознательный, активным общественником (Возрастание руководящей роли КПСС в коммунистическом строительстве).

В ряду непременных качеств коммуниста перечисляются трудовой энтузиазм, вера в идеалы партии, политическая сознательность и общественная активность.

Политическая сознательность при социализме несовместима с нарушением закона:

Политически сознательный гражданин социалистического общества не совершает преступлений (А. Пионтковский).

В этом силлогизме политическая сознательность выступает условием высоконравственного поведения, а нравственность является основой социалистического правопорядка.

Сознательность ассоциируется со скромностью, т.е. с нежеланием привлекать внимание к своей персоне:

Затем батальонный комиссар заговорил о том, что через госпиталь проходят сотни больных, но редко кого так любил персонал, как лейтенанта Шапошникова, — сознательный, культурный и застенчивый больной, всегда совестился попросить о чем-нибудь, утруждать персонал (В. Гроссман).

Персонажа называют сознательным, поскольку он стремился не привлекать к себе внимание фронтовых медиков, находясь в госпитале.

Расчет на сознательность возникает обычно в неблагоприятной ситуации:

Но здесь, как и во всех затруднительных случаях, мы рассчитываем только на сознательность передовых рабочих масс (Л. Каганович).

Классовая сознательность является индикатором высокого уровня развития соответствующих представителей этого класса – речь идет о передовых рабочих.

Сознательность может проявляться не только у взрослых:

Я тебе могу напомнить: ты сам, будучи еще мальчиком, доказал свою сознательность и активно помогал взрослым (А. Львов).

Сознательность детей выражается в их активном участии в общественно полезной деятельности взрослых.

Сознательность может проявляться в отказе от традиций:

Было такое дело: поднялся весь молодой сознательный народ против церковных браков (В. Шукшин).

Церковные браки были освящены традицией и выступить против них было смелым поступком для молодых сельчан.

Примером обстоятельств, требующих проявления сознательности, является выполнение своего профессионального долга без материального поощрения:

Было бы хорошо, если бы оплата актеров стала такой, чтобы не только «высокая сознательность» заставляла актера участвовать в спектакле (А. Эфрос).

Во многих театрах зарплата актеров является невысокой, и режиссерам приходится взывать к сознательности участников спектаклей, причем сами режиссеры понимают несостоятельность этого аргумента, неслучайно автор использует кавычки.

Сознательность проявляется как внутренняя готовность человека совершить то или иное действие, в обиходе, например, оплатить свой проезд в общественном транспорте:

Контролерша, видимо, хотела сказать мне о роли доверия на современном этапе к человеку, о принципе «доверяй и проверяй» и о том, что именно они, контролеры, призваны повышать сознательность граждан (В. Токарева).

В приведенном примере иронически комментируется стремление контролера выступить в роли воспитателя сознательности у граждан.

К числу способов формирования сознательности относится прежде всего устная агитация:

Надеюсь, что этот недостаток устраним хорошими регулярными беседами и поднимем политическую сознательность студенчества (М. Старков).

Регулярные беседы способствуют формированию должной установки граждан.

Политическая сознательность выражается в активном участии в общественной жизни, при этом некоторые субъекты используют неблаговидные способы демонстрации своей преданности режиму:

В колхозе, да еще и до колхоза проявлял он высокую сознательность, чего-то на кого-то писал, клепал и хвост этот унес за собой в армию, дотащил до фронта (В. Астафьев).

В саркастической характеристике персонажа его высокая сознательность выражается в виде доносов в вышестоящие органы, показательно слово «клепал», т.е. занимался клеветой.

В политической практике сознательность часто выступает эрзацем подлинных моральных чувств:

И куда же делась эта русская доброта? Её заменила сознательность! До чего ж круто и бесповоротно напугали наш народ и отучили заботиться о тех, кто страдает (А. Солженицын).

По мнению известного писателя, такая замена свидетельствует о страхе, лежащем в основе сервильного поведения.

Сознательность проявляется при выполнении гражданского долга, например, при участии в голосовании:

Потом от имени всего коллектива агитаторов обратилась ко мне с просьбой не опаздывать, проголосовать пораньше, проявить с первого же шага своей новой жизни высокую сознательность (Е. Гинзбург).

Стремление выполнить свой гражданский долг как можно раньше является доказательством социальной зрелости.

Соответственно, гражданская несознательность наглядно проявляется во время выборов:

Не заразились еще предвыборной лихорадкой обе столицы, а также Саратов, Новосибирск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Казань и Калининград, в котором оказался самый несознательный избиратель (Н. Ратиани).

Отсутствие энтузиазма со стороны избирателей иронически объясняется как несознательность.

Сознательность проявляется только при условии наказания за несознательность:

Надеяться на сознательность граждан нелепо — кнута нет, а судебные приставы, если и доберутся до злостного неплательщика штрафов, максимум, что могут сделать, это пожурить: «Нехорошо, товарищ Пупкин, надо бы штрафчики-то заплатить»... (А. Федоров).

В данном примере иронически раскрывается несостоятельность надежд на сознательность, если при этом отсутствуют юридические механизмы регулировки социально-экономических отношений.

В ряде случаев имитируемая сознательность выражает страх перед властями:

Он много раз за свою жизнь видел такие вытаращенные от страха глаза, изображающие неискреннюю сознательность (В. Дудинцев).

Людям свойственно маскировать малодушие под личиной высоких этических соображений.

Политическая сознательность может вступать в конфликт с общечеловеческой моралью:

Вы должны выдать его, если вы сознательный человек, — вдруг заметил завкарами (В. Дудинцев).

Предательство всегда расценивалось как безнравственный поступок, но партийная сознательность для функционеров была выше моральных норм.

Сознательность субъекта в определенных ситуациях подтверждается документально:

Словом, потребовались то ли рекомендации, то ли поручительства, аттестующие претендентов на ребенка с наилучшей стороны, а также подтверждающие их сознательность (А. Эппель).

При усыновлении ребенка понадобились официальные документы, подтверждающие нравственную зрелость тех, кто решился на подобный шаг.

Усилия по воспитанию сознательности часто бывают бесплодными, поскольку воспитатели не принимают во внимание личность адресата:

В эпизоде, о котором идет речь, наш доблестный сыщик, которого играл Миронов, слезает со сфинкса, куда лев загнал всю компанию кладоискателей, и проводит со зверем душеспасительную беседу в духе коммунистической пропаганды, пытаясь пробудить в хищнике сознательность (Э. Рязанов).

В этом ироническом комментарии выражена отрицательная оценка коммунистической пропаганды, которая зачастую велась формально и поэтому закономерно вызывала отторжение у слушателей. Обратим внимание на фактическое отождествление сознательности и совести в данном примере.

Сознательность является важнейшим идеологическим показателем развития нового общества:

Нужно признать как аксиому, что чем выше политический уровень и марксистско-ленинская сознательность работников любой отрасли государственной и партийной работы, тем выше и плодотворнее сама работа, тем эффективнее результаты работы и, наоборот, чем ниже политический уровень и марксистско-ленинская сознательность работников, тем вероятнее срыва и провалы в работе, тем вероятнее измельчание и вырождение самих работников в деляг-крохоборов, тем вероятнее их перерождение (И. Сталин).

В отчетном докладе И.Сталина показаны последствия недостаточной сознательности ответственных работников – провалы в работе и забота о личных интересах.

Сознательность солдата проявляется в его дисциплинированности:

В дисциплинированности воина как в зеркале отражаются его высокая сознательность, внутренняя собранность, готовность самоотверженно выполнить свой священный долг защитника Отечества (Ю. Алексин).

Под дисциплинированностью понимается осознанная готовность к выполнению приказов, доведенная до автоматизма и переживаемая как выполнение высшего долга.

Обозначение сознательности в официальной пропаганде часто принимает формы штампов:

Политическая сознательность и моральная устойчивость бойцов является, наряду с боевой подготовкой и состоянием военной техники, важнейшим элементом боеспособности Красной армии (К. Ворошилов).

Впоследствии этот штамп превратился в короткую фразу характеристики: «Политически грамотен, морально устойчив». Интересно отметить, что в данном случае произошло принижение объекта оценки: сознательность является образованием более высокого уровня, чем грамотность.

Сознательность противопоставляется эгоизму:

Вы что, считали, только у вас есть сознательность, а здесь сидят бездушиные эгоисты? (А. Берсенева).

Забота об интересах общества свидетельствует о наличии у человека души, в данном случае сознательность сближается с совестью.

Несознательность часто комбинируется с ленью:

Обмен паспортов идет уже несколько лет, а народ (несознательный и ленивый) все еще, извините, чешет в затылке (Б. Абкин).

В данном примере идет речь о непонимании социальной важности обмена паспортов и о лени как основе такого непонимания.

В экзальтированной риторике революционного времени несознательность рассматривается как один из пороков:

В то время как родина, истекая кровью, последним усилием старается сбросить с себя гидрою обвившегося вокруг нее врага, вы дали одурманить себя шайке безвестных проходимцев и превратились в несознательный сброд, в скопище разнужденных негодяев, обожравшихся свободой, которым, что ни дай, им все мало (Б. Пастернак).

Дифференциальные признаки такого общеоценочного употребления словнейтрализуются. Аналогичным образом общеоценочным штампом становится определение «несознательный» в полуграмотной речи или ее имитации:

И спать тебе не дает, фулиган несознательный! (В.Рыбаков).

Слово «хулиган» используется в расширительном значении («плохой человек»), при этом определение «несознательный», не добавляя никакой информации в словосочетание, усиливает его эмоционально.

В обиходной речи слово «сознательный» часто используется иронично:

Он у меня, когда выпьет, такой послушный, такой сознательный, ну прямо прелесть (И. Грекова).

Сознательность пьяного человека есть оксюморон.

Таким образом, сочетаемостные характеристики слов, обозначающих концепт «сознательность» в советской лингвокультуре, показывают, что его важнейшим ценностным признаком является индикация принадлежности к носителям передовой идеологии – революционерам, передовым рабочим, членам коммунистической партии. Сознательность предполагала готовность идти на трудности, лишения и жертвы ради великой цели. В быту сознательность проявлялась как скромность. Апелляция к сознательности часто выступала как способ воспитания человека и поэтому представляла собой диалог статусно-неравноправных собеседников. В качестве примеров сознательности фигурируют соблюдение трудовой и воинской дисциплины, участие в выборах, общественно-полезный труд. Весьма часто о сознательности говорили в иронической тональности, поскольку те, кто призывал проявлять это качество, относились к делу формально и сами не являлись образцами поведения. В случае конфликта между нормами морали и политической сознательностью предписывалось сделать выбор в пользу интересов партии. В основе многих проявлений политической сознательности лежал страх перед карательными санкциями государства. В революционной риторике и обиходной речи обозначения сознательности и несознательности могут десемантизоваться и стать знаками положительной и отрицательной оценок.

Для определения понимания советского концепта «сознательность» носителями современного русского языка первого десятилетия XXI в. был проведен опрос информантов, которым предлагалось завершить высказывание «Когда я думаю о сознательности / несознательности, я представляю себе...».

Приведу типичные предложения.

«Когда я думаю о сознательности, я представляю себе...»

- молодого человека, который пишет множество резюме в разные фирмы, чтобы найти престижную работу»;

- студента, который ищет дополнительную литературу для своего реферата по собственной инициативе»;

- инженера, который многократно перепроверяет расчеты»;

- секретаршу, которая без дополнительных инструкций решает вопросы в пределах своей компетенции и готовит документы для шефа»;

- водителя, который соблюдает все правила движения, даже когда он едет глубокой ночью, и на улицах никого нет»;

- дачника, который по справочникам выписывает себе семена»;

- пенсионера, который с вечера аккуратно раскладывает для себя лекарства на следующий день»;

- спортсмена, который в любую погоду рано утром совершает регулярную пробежку»;

- грибника, который аккуратно срезает грибы, чтобы не нарушить грибницу»;

- бармена, который не допускает недолива пива».

«Когда я думаю о несознательности, я представляю себе...

- больного, который тайком курит, выскочив на порог больницы, а ему это строго запрещено»;
- студента, который пользуется шпаргалкой на экзамене»;
- часового, который нашел укромный уголок и заснул во время боевого дежурства»;
- рабочего, который забивает шуруп молотком вместо того, чтобы завинтить его»;
- молодых людей, которые легко вступают в интимные отношения, рискуя заразиться опасными заболеваниями»;
- студента, скачивающего реферат из Интернета»;
- сотрудника, откладывавшего написание отчета на последний день, а потом судорожно составляющего его ночь напролет»;
- пассажира, который сорвал стоп-кран, чтобы выскочить, когда поезд тронулся»;
- молодых людей, отметивших праздник и громко поющих и смеющихся на улице в глухую ночь»;
- спортсмена, который принимает допинг перед выступлением».

Приведенные высказывания свидетельствуют о трансформации содержания концепта «сознательность» в сознании наших современников. Сознательным называют человека, который проявляет ответственность перед собой и близкими (не было предложений, в которых бы шла речь о чувстве долга перед обществом или государством). Несознательный человек ведет себя, по мнению информантов, безответственно и беспечно. В ряду ответов наличествуют несерьезные высказывания (например, о честном бармене) и семантически неадекватные фразы (допинг квалифицируется как обман). Несознательность объясняется как нарушение разного рода запретов (относительно здоровья, академической этики, служебной дисциплины и др.). Сознательность трактуется как осознанное соблюдение правил или принятых решений. Обращает на себя внимание размытие границы между сознательностью и совестью, т.е. между институциональным и персональным чувством долга. Не отмечены высказывания, в которых сознательность была бы связана со страхом, на первый план выходит понимание стоящих перед человеком задач, т.е. сознательность смыкается с осознанностью.

Обратим внимание на типичных субъектов, которые квалифицируются с точки зрения сознательности: студенты, пассажиры, пешеходы, солдаты, рабочие. Обычно это – нижестоящие, подчиненные, подконтрольные люди, для которых существуют определенные правила. Это значит, что субъект оценки, который определяет уровень сознательности, всегда является вышестоящим по отношению к объекту оценки: сознательные студенты – с точки зрения преподавателей, сознательные водители и пешеходы – с точки зрения милиции, сознательные сотрудники – с точки зрения руководства, сознательные больные – с точки зрения врачей. Несмотря на то, что словосочетание «сознательный учитель» или «сознательный директор» выглядят, на первый взгляд странно, можно легко сконструировать контекст, в котором такие образования будут вполне уместны,

например, если речь идет о тех, кто инспектирует деятельность тех или иных учреждений и оценивает выполнение работниками тех или иных обязанностей.

Резюмирую.

Лингвокультурный концепт «сознательность» представляет собой реликт советской эпохи в русском языковом сознании. Идеологическое ядро этого концепта включает признаки планомерного изменения сознания индивидов и общества и контроля партии и государства над этим процессом. Смысловая трансформация, которой подвергся этот концепт в постсоветский период, состоит в замещении ценностной доминанты – вместо общественного блага на первый план выступило личное благо. Общая идея сознательности как ответственности сохранилась, так же, как и понимание статусного неравноправия при оценке сознательности, но вместо государства как субъекта этой оценки на эту позицию выдвинулись представители социальных институтов (образования, медицины, правопорядка). Наблюдается определенная нейтрализация различий между сознательностью и совестью, и это свидетельствует о возрастании доли стихийности в поведении людей.

Будаев Э.В., Чудинов А.П.. Лингвистическая советология: монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2009. 291 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001. 238 с.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.

Л.А.Литвинова

Динамика развития концепта «деревня»

в русском языковом сознании

(по данным «Русского ассоциативного словаря» 1987 и свободного ассоциативного эксперимента 2007 г.)

Нами было проведено сопоставительное исследование концепта «деревня» по данным «Русского ассоциативного словаря» 1987 г. (опрошен 641 человек) и данным свободного ассоциативного эксперимента, проведенного нами в 2007 г. (200 человек). Была поставлена цель выявить возможную динамику развития концепта за 20 лет.

Результаты ассоциативных экспериментов обрабатывались методом когнитивной интерпретации, вычислялся индекс яркости когнитивных признаков (Попова, Стернин 2007).

Результаты сопоставительного анализа представлены в следующей таблице:

№	Когнитивный признак	РАС, 1987	САЭ, 2007
1	Моя родная	0,11	0,60

2.	Заброшенная	0,09	0,23
3.	Населенный пункт	0,08	
4	Противопоставлена городу	0,06	
5	Частные небольшие дома	0,05	0,17
6	Далекая (от города)	0,03	0,12
7	М лесу, таежная	0,03	0,05
8	Много деревянных построек	0,001	0,08
9	растут деревья	0,007	0,02
10	есть пилорама	0,006	
11	Люди держат скотину в подсобном хозяйстве	0,03	0,26
12	Большая	0,02	0,60
13	Русская	0,02	0,02
14	Башкирская	0,001	
15	Небольшая	0,02	0,26
16	Там живет бабушка и/или дедушка, родственники	0,02	0,6
17	Люди работают в колхозе	0,02	0,04
18	Отсталая	0,01	0,02
19	Красивая	0,01	0,1
20	Новая	0,01	
21	Старая		0,05
22	Природа	0,01	0,25
23	Грязная	0,01	0,6
24	Рядом хлебные поля	0,01	0,6
25	Малонаселенная	0,01	0,12
26	Свежий воздух	0,01	0,08
27	Вымирающая	0,01	
28	Люди работают на огороде	0,007	0,09
29	Простор	0,007	0,01
30	на горке, на холме	0,006	0,01
31	на Урале	0,001	
32	строится перестраивается	0,003	
33	улицы, околица, окраина	0,006	0,03
34	Трава	0,006	0,13
35	У водоема	0,006	0,1
36	Сад	0,004	0,02
37	Там плохо	0,004	
38	пастухи	0,001	
39	проходят практику студенты	0,001	
40	Есть детский лагерь	0,001	

41	Там работают по распределению	0,001	
42	Запах трав	0,004	
43	Место жительства	0,004	
44	пашут землю	0,001	
45	Плохие дороги	0,004	0,6
46	Светлая	0,004	
47	Темная		0,01
48	Колодцы	0,004	0,02
49	Молоко	0,003	0,04
50	Желтая, зеленая	0,003	
51	Осадки	0,003	
52	Домашняя птица	0,003	0,04
53	Печка	0,003	0,04
54	Близка (к городу)	0,001	0,01
56	Экзотическая	0,001	
57	Ягоды	0,001	
58	Чужая	0,001	
59	О ней мечтают горожане	0,001	
60	Жизнь основана на сельском хозяйстве	0,001	0,15
61	Сельпо	0,001	
62	Тяжелая физическая работа	0,001	0,04
63	Стонет	0,001	
64	Поют песни	0,001	
66	Матушка	0,001	
67	Знаменитая	0,001	0,01
8	Дискотека у коровника	0,001	
69	Дача	0,001	
72	Гребенщиков	0,001	
73	В огне	0,001	
74	Госагропром	0,001	
75	Пожилое население	0,001	0,09
76	Хорошее место для душевного и физического отдыха	0,02	0,13
77	Общительное население		0,09
78	Доброе население		0,09
79	Низкий уровень культуры и образования		0,07
80	Простота во всем		0,07
81	Экологически чистая		0,6
82	Неразвитая торговля		0,04
83	Веселая		0,03
84	трактора		0,03
85	Есть церкви		0,03

86	Нет церкви		0,03
87	Пьянство		0,03
88	Неблагоустроенная		0,03
89	Нищая	0,01	0,02
90	Хорошая		0,02
91	Там друзья		0,01
92	Там безработица		0,01
93	Синоним оскорбления		0,01
94	Дети		0,01
95	Хутор		0,01
96	Прибыльная		0,01
97	Людная		0,01
98	Древние орнаменты		0,01
99	Ведьмы		0,01
100	Полуразрушенная		0,01
101	Шумная		0,01
102	Цивилизованная		0,01
103	Запах навоза		0,01
104	Валенки		0,01
105	Липяги		0,01
106	Скляево		0,01
107	Мамешиха	0,001	
108	Марьино	0,001	
109	Москва – большая деревня	0,001	
110	Ольховка	0,001	
111	Солнцево	0,001	
112	Хохловка	0,001	
113	Чебаркуль	0,001	
114	Челябинск	0,001	
115	Афанасово	0,001	
116	Беляево	0,001	
117	Босово	0,001	
118	Вороново	0,001	
119	Двойни	0,001	
120	Дулево	0,001	
121	Ельня	0,001	
122	Иваново	0,001	
123	Крюково	0,001	
124	Кулогоры	0,001	
125	Лукаши	0,001	
126	«Кому на Руси жить хорошо»	0,001	
127	На деревню дедушке	0,001	
128	Потемкинская	0,001	
129	Простоквашино	0,001	
130	Где скучал Евгений		

Как показывает сопоставление, концепт «деревня» в Русском ассоциативном словаре (1987 г.) объективировался 87 признаками, а через 20 лет количество объективируемых признаков уменьшилось и составило 68. Лишь у пяти когнитивных признаков индекс яркости (соотношение количества случаев объективации конкретного признака к общему числу опрашиваемых) остался неизменным («русская» - 0,02/0,02), либо незначительно изменился («отсталая» - 0,01/0,02; «нищая» - 0,01/0,02; «люди работают в колхозе» - 0,02/0,04; «расположена в лесу» - 0,03/0,05).

Остальные когнитивные признаки демонстрируют увеличение индекса яркости, иногда очень существенно. Например: «заброшенная» - 0,09/0,23; «население проживает в небольших частных домах» - 0,05/0,17; «далекая (от города)» - 0,03/0,12; «много деревянных построек» - 0,001/0,08; «люди держат скотину в подсобном хозяйстве» - 0,03/0,26; «небольшая по размерам» - 0,02/0,26; «природа» - 0,01/0,25; «малонаселенная» - 0,01/0,12; «трава» - 0,006/0,13; «жизнь основана на сельском хозяйстве» - 0,001/0,15.

Сопоставление ядерных когнитивных признаков концепта во временной перспективе (*моя родная; заброшенная; населенный пункт; противопоставлена город* - 1987), *маленькая по размерам; люди держат скотину в подсобном хозяйстве; заброшенная; природа; люди проживают в небольших частных домах* - 2007), показывает, что лишь один признак объективируется неизменно – «заброшенная». В языковом сознании начала 21-ого века «деревня» – это прежде всего маленький по размерам населенный пункт, в котором люди держат домашних животных в своем хозяйстве для практических целей, проживают в небольших частных домах. В этом заброшенном месте нетронутая цивилизацией красавая природа.

Часть когнитивных признаков исчезла:

- *населенный пункт; - противопоставлена городу; - плохо; - там пашут землю; - есть пастухи; - там живут сапожники; - в деревне проходят практику студенты; - есть детский лагерь; - там специалисты работают по распределению; - экзотическая; - ягоды; - чужая; - о деревне мечтают горожане; - сельпо; - поют песни; ; - матушка-деревня; - дискотека у коровника; - дача; - в огне; - Госагропром; - запах трав; - светлая; - желтая, зеленые; - осадки; - 18 названий имен собственных (названий населенных пунктов); - 5 примеров прецедентных текстов.*

При этом к 2007 г. появились новые когнитивные признаки, не входившие в концепт раньше: *хорошее место для душевного и физического отдыха; - общительное население; - доброе население; - низкий уровень культуры и образования; - простота во всем; - экологически чистая; - неразвитая торговля; - веселая; - в деревне есть трактора; - есть церковь; - нет церкви; - пьянство; - неблагоустроенная; - хорошая; - там друзья; - там безработица; - синоним оскорбления; - дети; - хутор; - прибыльная; - людная; - древние орнаменты; - ведьмы; - (полу)разрушенная; - шумная; - цивилизованная; - запах навоза; - валенки.*

Часть из исчезнувших и появившихся признаков отражают объективную реальность своего времени (- *хорошее место для душевного и физического*

отдыха; - есть церковь; - нет церкви; - пьянство; - неблагоустроенная; - безработица;) или реалии 20-летней давности (- в деревне проходят практику студенты; - есть детский лагерь; - работают специалисты по распределению; - сельпо; - Госагропром;). Другие признаки, по-видимому, выделяют значимые для сегодняшнего дня качества: - в деревне добroe население; - общительное население; - деревня является синонимом оскорбления; - простота во всем.

Из таблицы видно, что следующие признаки объективируются как 20 лет назад, так и сейчас:

1) «моя родная»; 2) «заброшенная»; 3) «люди проживают в небольших частных домах»; 4) «далекая (от города)»; 5) «расположена в лесу»; 6) «есть деревянные постройки»; 7) «растут деревья»; 8) «люди в подсобном хозяйстве держат скотину»; 9) «большая»; 10) «русская»; 11) «небольшая по размерам»; 12) «там живет бабушка и/или дедушка, родственники»; 13) «люди работают в колхозе»; 14) «отсталая»; 15) «красивая»; 16) «природа»; 17) «грязная»; 18) рядом хлебные поля»; 19) «малонаселенная»; 20) «свежий воздух»; 21) «люди работают на огороде»; 22) «есть улицы, окопица, окраина»; 23) «трава»; 24) «у водоема»; 25) «сад»; 26) «плохие дороги»; 27) «простор»; 28) «располагается на горке, на холме»; 29) «колодцы»; 30) «молоко»; 31) «домашняя птица»; 32) «печка»; 33) «близка (к городу)»; 34) «жизнь основана на сельском хозяйстве»; 35) «тяжелая физическая работа»; 36) «пожилое население»; 37) «хорошее место для душевного и физического отдыха»; 38) «знаменитая»; 39) «нищая».

Исходя из количества вышеперечисленных совпадающих признаков, мы можем определить индекс устойчивости концепта (отношение совпадающих признаков к общему числу ИИ в двух экспериментах) – 0,05. Оставшиеся несовпадающие признаки (90) позволяют определить индекс эволюции концепта (отношение несовпадающих признаков к общему числу ИИ в двух экспериментах) – 0,11. Сравнение индексов устойчивости и эволюции четко показывает на изменения в структуре концепта «деревня».

Изменилась идентификационная зона концепта: в 1987 г. ИИ назвали 18 названий деревень (см.таблицу п.п. 107 -124), в сравнении с двумя в 2007 г. – «Липяги» и «Скляево» (п.п.105-106 таблицы). Очевидно, что люди стали знать гораздо меньше названий деревень. Возможно, часть подобных населенных пунктов исчезла, вымерла.

Надо отметить, что в эксперименте 2007 г. нет ссылок на precedентные тексты, в отличие от 1987 г. (см. таблицу п.п. 125-129). Вероятно, это связано с тем фактом, что современные люди стали меньше читать книги и в целом, и произведения классической литературы в том числе.

-
1. Караулов Ю.Н. Русский ассоциативный словарь. М., 1985 г.
 2. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж. 2007 г.
 3. Данные свободного ассоциативного эксперимента 2007 г.

Полевая структура концепта «деревня» в русском языке

В данной статье будет рассматриваться полевая структура концепта «деревья».

Полевая организация концепта отражает иерархию отдельных когнитивных признаков в структуре концепта, и затем эта организация отражается в вычленении ядра и различных зон периферии в структуре концепта. Под содержанием концепта мы понимаем всю совокупность когнитивных признаков, образующих его. Структура концепта – это его организация, вычленение компонентов внутри содержания концепта. Структура концепта может быть описана лишь после того, как определено его содержание – т.е. выявлены образующие содержание концепта когнитивные признаки.

Полевое описание структуры концепта может иметь словесную и графическую формы. В данной статье мы используем словесную форму представления структуры концепта «деревня».

Содержание концепта «деревня» определено по 5 источникам: толковые словари, художественная литература, публицистика, паремии, данные свободного ассоциативного эксперимента, проведенного в 2007 году. В процессе когнитивной интерпретации (Попова, Стернин 2007) все когнитивные признаки были сведены в следующую таблицу (с указанием максимального по всем источникам индекса яркости признака):

	Когнитивный признак	ИЯ
1.	Населенный пункт	0,37
2.	Маленькая по размерам	0,26
3.	Скотина в подсобном хозяйстве	0,26
4.	природа	0,25
5.	заброшенная	0,23
6.	Моя, родная	0,22
7.	Нет бытовых условий, неблагоустроенная	0,21
8.	Противопоставлена городу	0,21
9.	Люди проживают в небольших частных домах	0,17
10.	Размеренный уклад жизни	0,16
11.	с/х – основа экономики в деревне	0,15
12.	Неразвитая торговля	0,13
13.	Хорошее место для душевного и физического отдыха	0,13
14.	трава	0,13
15.	малонаселенная	0,12
16.	Далекая (от города)	0,12
17.	Есть церковь	0,11
18.	коллективный образ жизни	0,11
19.	Неразвитая система образования	0,09
20.	Преимущественно пожилое население	0,09
21.	водоемы	0,09
22.	Общительное население	0,09

23.	Доброе население	0,09
24.	Низкий уровень медобслуживания	0,09
25.	Много деревянных построек	0,08
26.	Свежий воздух	0,08
27.	Простота во всем	0,07
28.	Рядом хлебные поля	0,6
29.	грязная	0,6
30.	Там живут дед/бабушка, родственники	0,6
31	Большая по размерам	0,6
32.	Плохие дороги	0,06
33.	Потемкинская	0,05
34.	Расположена в лесу, таежная	0,05
35.	старая	0,05
36.	Обеспечивает город продуктами	0,05
37.	может быть неурожай, голод, недород	0,05
38.	пьянство	0,04
39.	Тяжелая физическая работа	0,04
40.	Люди работают в колхозе	0,04
41.	молоко	0,04
42.	Домашняя птица	0,04
43.	печка	0,04
44.	Плохое уличное освещение	0,04
45.	кричат петухи по утрам	0,04
46.	Натуральные продукты питания	0,04
47.	Здоровая жизнь	0,04
48.	Жители практичные	0,04
49.	Свобода	0,04
50.	Плохое транспортное сообщение	0,04
51.	скуча	0,04
52.	Убогая, некрасивая	0,04
53.	тишина	0,04
54.	В каждом дворе собака	0,04
55.	Не всегда есть школа	0,04
56.	Есть улицы, околица	0,03
57.	веселая	0,03
58.	трактора	0,03
59.	нет церкви	0,03
60.	растут деревья	0,02
61.	русская	0,02
62.	отсталая	0,02
63.	сад	0,02
64.	колодец	0,02
65.	нищая	0,02
66.	хорошая	0,02
67.	У водоема	0,01
68.	простор	0,01
69.	Находится на горке, на холме	0,01
70	Близко (к городу)	0,01
71.	Там друзья	0,01
72.	бездработица	0,01

73.	Синоним оскорбления	0,01
74.	дети	0,01
75.	прибыльная	0,01
76.	людная	0,01
77.	Древние орнаменты	0,01
78.	(полу)разрушенная	0,01
79.	шумная	0,01
80.	Запах навоза	0,01
81.	валенки	0,01
82.	Липяги	0,01
83.	Скляево	0,01
84.	хутор	0,01
85.	ведьмы	0,01
86.	жители не умеют одеваться	0,014
87.	знаменитая	0,014
88.	вымирающая	0,014
89.	Музей под небом	0,014
90.	свои традиции и обряды	0,014
91.	Царское Село	0,014
92.	Сельская администрация часто коррумпирована	0,014
93.	Неразвитая система коммуникаций	0,014
94.	ягоды	0,007
95.	Олимпийская	0,007
96.	Жители деревни самодостаточные	0,007
97.	В деревне нет бездомных, бомжей	0,007
98.	В деревне есть пилорама	0,006
99.	новая	0,006
100.	плохо	0,004
101.	Пастухи	0,004
102.	Запах трав	0,004
103.	Место жительства	0,004
104.	светлая	0,004
105.	строится, перестраивается	0,003
106.	Желтая, зеленая	0,003
107.	осадки	0,003
108.	башкирская	0,001
109.	на Урале	0,001
110.	В деревне проходят практику студенты	0,001
111.	В деревне дети отдыхают в лагере	0,001
112.	В деревне специалисты работают по распределению	0,001
114.	чужая	0,001
115.	О деревне мечтают	0,001
116.	сельпо	0,001
117.	стонет	0,001
118.	Песня	0,001
119.	Москва – большая деревня	0,001
120.	Матушка	0,001
123.	Дискотека у коровника	0,001
124.	Дача	0,001
125.	Гребенщиков	0,001

126.	В огне	0,001
127.	Госагропром	0,001
128.	Мамешиха	0,001
129.	Марьино	0,001
130.	Ольховка	0,001
131.	Солнцево	0,001
132.	Хохловка	0,001
133.	Чебаркуль	0,001
134.	Челябинск	0,001
135.	Афанасово	0,001
136.	Беляево	0,001
137.	Босово	0,001
138.	Вороново	0,001
139.	Двойни	0,001
140.	Дулево	0,001
141.	Ельня	0,001
142.	Иваново	0,001
143.	Крюково	0,001
144.	Кулогоры	0,001
145.	Лукаши	0,001
146.	«Кому на Руси жить хорошо»	0,001
147.	На деревню дедушке	0,001
148.	Простоквашино	0,001
149.	Где скучал Евгений	0,001

Таким образом, полевая структура концепта «деревня» может быть представлена следующим образом:

Ядро

Населенный пункт

Ближняя периферия

Маленькая по размерам
Скотина в подсобном хозяйстве
природа
заброшенная
Моя, родная
Нет бытовых условий, неблагоустроенная
Противопоставлена городу
Люди проживают в небольших частных
домах
Размеренный уклад жизни

с/х – основа экономики в деревне
Неразвитая торговля
Хорошее место для душевного и
физического отдыха
трава
малонаселенная
Далекая (от города)
Есть церковь
В деревне коллективный образ жизни

Дальняя периферия

Неразвитая система образования
Преимущественно пожилое население
водоемы

Общительное население
Доброе население
Низкий уровень медобслуживания

Много деревянных построек
 Свежий воздух
 Простота во всем
 Рядом есть хлебные поля
 грязная
 Там живут дед/бабушка, родственники
 Большая по размерам
 Плохие дороги
 Потемкинская
 Расположена в лесу, таежная
 старая
 Город зависит продуктами от села
 В деревне может быть неурожай, голод, недород
 пьянство
 Тяжелая физическая работа
 Люди работают в колхозе
 молоко
 Домашняя птица
 печка
 Плохое уличное освещение
 Там кричат петухи по утрам
 Натуральные продукты питания
 Здоровая жизнь
 Жители деревни практичные
 Свобода
 Неналаженное транспортное сообщение
 скука
 Убогая, некрасивая
 тишина
 В каждом дворе держат собаку от воров
 Не в каждом селе есть школа
 Есть улицы, околица
 веселая
 Есть трактора
 В деревне нет церкви
 Посажены деревья
 русская
 отсталая
 сад
 колодец
 нищая
 хорошая

Крайняя периферия

У водоема	дети
простор	прибыльная
Располагается на горке, на холме	людная
Близко (к городу)	Древние орнаменты
друзья	(полу)разрушенная
безработица	шумная
Синоним оскорблений	Запах навоза

валенки	чужая
Липяги	О деревне мечтают
Скляево	сельпо
хутор	Деревня стонет
ведьмы	Песня
Селяне не умеют одеваться	Москва – большая деревня
знаменитая	Матушка
вымирающая	Завод
Музей под небом	Железный
Есть свои традиции и обряды	Дискотека у коровника
Царское Село	Дача
Сельская администрация часто	Гребенщиков
коррумпирована	В огне
Неразвитая система коммуникаций	Госагропром
ягоды	Мамешиха
Олимпийская деревня	Марьино
Жители деревни самодостаточные	Ольховка
В деревне нет бездомных, бомжей	Солнцево
В деревне может быть пилорама	Хохловка
новая	Чебаркуль
плохо	Челябинск
Пастухи	Афанасово
Запах трав	Беляево
Место жительства	Босово
светлая	Вороново
Деревня строится, перестраивается	Двойни
Желтая, зеленая	Дулево
осадки	Ельня
башкирская	Иваново
на Урале	Крюково
В деревне проходят практику	Кулогоры
студенты	Лукаши
В деревне дети отдыхают в лагере	«Кому на Руси жить хорошо»
В деревне специалисты работают по	На деревню дедушке
распределению	Простоквашино
этнос	Где скучал Евгений

Таким образом, ядро концепта состоит всего из одного когнитивного признака, т.е. оно небольшое и компактное.

Периферия концепта «деревня» обширная, границы между периферийными зонами размыты, нечетки, не имеют достаточно прочерченных границ.

Некоторые признаки концепта «деревня», относящиеся к ближней периферии, имеют достаточно высокий индекс яркости: - *маленькая по размерам*; - *скотина в подсобном хозяйстве*; - *природа*; - *заброшенная*; - *моя, родная*. Перечисленные признаки настолько часто встречаются во всех 5 источниках и имеют довольно высокий индекс яркости, что возникает необходимость отметить их как наиболее когнитивно релевантные и важные для современного русского языкового сознания

В полевой структуре исследуемого концепта можно выделить взаимоисключающие пары когнитивных признаков:

- Хорошая (0,02) – плохо (0,004)*
- Далекая (0,12) – близкая (0,004)*
- Маленькая (0,26) – большая (0,6)*
- Тишина (0,004) – шумная (0,01)*
- Старая (0,05) – новая (0,006)*
- Ницкая (0,02) - прибыльная (0,01)*
- Есть церковь (0,11) – нет церкви (0,03)*
- Людная (0,01) – малонаселенная (0,12)*

Такие противоречивые характеристики содержатся в интерпретационных полях многих концептов, и это является нормой для концепта, отражая различные индивидуальные представления носителей языка. Но в нашем конкретном случае следует обратить внимание на разнообразие таких противоречивых когнитивных признаков. Тем не менее, обычно такие признаки в содержании концептов объясняются возрастными, социальными или субъективными особенностями носителей языка.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М., 2007 г.

Ю.А. Литвинова

Полевая структура концепта «город» по данным экспериментов, художественной литературы, публицистики, пословиц, поговорок и фразеологизмов

Одной из процедур моделирования концепта является описание его полевой организации. Полевое описание делается в опоре на данные о яркости, актуальности тех или иных когнитивных признаков в структуре концепта. Наше исследование проводилось с привлечением экспериментальных методик, а также художественной литературы, газет, пословиц, поговорок и фразеологизмов.

Полевая организация концепта отражает иерархию отдельных когнитивных признаков в структуре концепта, которая отражается в вычленении ядра и различных зон периферии в структуре концепта.

Членение содержания концепта на ядро и периферию осуществляется по критерию яркости когнитивных признаков. Яркость когнитивного признака определяется количеством испытуемых, объективировавших этот признак.

Полевое описание структуры концепта может иметь словесную (описание в форме текста) либо графическую (изображение в виде рисунка) форму. В данном случае мы используем словесную форму представления структуры концепта. Таблица 1 иллюстрирует полевую стратификацию концепта «город».

Таблица 1

Когнитивный признак	Индекс яркости
населенный пункт	0,38
большой	0,30
много людей	0,28,
шумный	0,26
наличие транспорта	0,22
противостоит деревне	0,20
наличие удобств для жизни	0,18
красивый	0,16
имеет военное прошлое	0,16
много зелени	0,16
Рим	0,16
Пекин	0,16
богатый	0,16
ведется строительство	0,15
есть промышленные предприятия	0,14
многоэтажные дома	0,13
отсутствие порядка	0,13
маленький	0,12
быстрый ритм жизни	0,12
вызывает негативные эмоции	0,11
грязный	0,10
развито образование	0,10
дорогая жизнь	0,1
имеет преимущество перед деревней	0,1
играет важную роль в жизни страны	0,1
пыльный	0,09
статус	0,09
родной	0,07
развита культура	0,07
делится на районы	0,06
развита торговля	0,06
хорошо развитый	0,05
наличие увеселительных заведений	0,05
можно поживиться	0,05
легко заработать деньги	0,05
хорошо укрепленный	0,05
город может легко сгореть	0,05
наличие городской администрации	0,04
веселый	0,04
энергичный	0,04

чистый	0,035
Москва	0,032
наличие зданий различного назначения	0,03
светлый	0,03
ночной	0,03
наличие оздоровительных учреждений	0,03
Челябинск	0,025
есть прошлое	0,02
есть будущее	0,02
душный	0,02
чужой	0,02
интеллектуальное население	0,02
место расположения	0,02
наличие садов, рек	0,02
в нем прошло детство и юность	0,02
мало зелени и птиц	0,02
наличие вокзалов, аэродромов	0,02
наличие парков	0,02
наличие возбужденных жителей	0,02
экологически развитый центр	0,02
опасная жизнь	0,01
Саратов	0,01
старый	0,01
ореол сказочности	0,01
Горький	0,01
дымный	0,01
многонациональный	0,01
здесь заботятся о людях	0,01
имеет недостатки по сравнению с деревней	0,01
в нем много общения	0,01
раскрепощенный	0,01
наличие витрин и вывесок	0,01
перспективный	0,01
Пермь	0,01
наличие знаменитостей	0,01
Ленинград	0,01
молодой	0,01
областной центр	0,01
наличие улиц, проспектов	0,01
Курск	0,01
далекий	0,01
идет вечерняя жизнь (вечерний город)	0,01
тихий	0,01
наличие футбольных полей, секций	0,01
в городе трудно жить	0,01
наличие библиотек	0,01
финансируемый	0,01
наличие храмов, ритуальных салонов	0,01
здесь арендуют помещения	0,01
Краснодар	0,01

Воронеж	0,01
наличие бомжей	0,01
деловой	0,01
наличие обеспеченных жителей	0,01
наличие искусственных водоемов	0,01
много молодежи	0,01
закрытый	0,01
компактный	0,01
протекает обыденная жизнь	0,01
наличие гарнизонов	0,01
наличие постов ГАИ	0,01
наличие портов	0,01
лучше жизнь	0,01
может быть нехватка продуктов	0,003
Владимир	0,003
Калинин	0,003
Лондон	0,003
наличие ветхого жилья	0,003
современный	0,002
город можно разрушить	0,002
Город-спутник	0,002
у города есть партнеры	0,002
город может находиться в кризисе	0,002
наличие ТЭЦ	0,002
наличие конкуренции	0,002
Альдопардо	0,001
Батуми	0,001
Бухара	0,001
Градов	0,001
Гродно	0,001
Златоуст	0,001
Иерусалим	0,001
Клиффорд	0,001
Мастеров	0,001
Назрань	0,001
Новгород	0,001
Нью-Йорк	0,001
Рига	0,001
Талин	0,001
Торжок	0,001
есть судьба	0,001
наличие охраны и порядка	0,001
каменный	0,001
деревянный	0,001
в городе можно купить мясо	0,001

Таким образом, содержание концепта «город» может быть моделировано следующим образом.

Ядро: населенный пункт - 0,38

Ближняя периферия: большой 0,30; много людей 0,28; шумный 0,26; наличие транспорта 0,22; противостоит деревне 0,20; наличие удобств для жизни 0,18; красивый 0,16; имеет военное прошлое 0,16; много зелени 0,16; Рим 0,16; Пекин 0,16; богатый 0,16; ведется строительство 0,15; есть промышленные предприятия 0,14; многоэтажные дома 0,13; отсутствие порядка 0,13; быстрый ритм жизни 0,12; маленький 0,12; вызывает негативные эмоции 0,11; грязный 0,10; развито образование 0,10; дорогая жизнь 0,10; имеет преимущество перед деревней 0,10; играет важную роль в жизни страны 0,10.

Дальняя периферия:

Пыльный -0,09; статус -0,09; родной -0,07; развита культура-0,07; делится на районы-0,06; развита торговля-0,06; хорошо развитый-0,05; наличие увеселительных заведений-0,05; можно поживиться - 0,05; легко заработать деньги-0,05; хорошо укрепленный – 0,05; город может легко сгореть – 0,05; наличие городской администрации-0,04; веселый-0,04; энергичный-0,04; чистый-0,035; Москва-0,032; наличие зданий различного назначения - 0,03; светлый-0,03; ночной - 0,03; наличие оздоровительных учреждений-0,03; Челябинск-0,025; есть прошлое – 0,02; есть будущее-0,02; душный-0,02; чужой 0,02; интеллектуальное население - 0,02; место расположения-0,02; наличие садов, рек – 0,02; в нем прошло детство и юность-0,02; мало зелени и птиц – 0,02; наличие вокзалов, аэропортов-0,02; наличие парков-0,02; наличие возбужденных жителей-0,02; экологически развитый центр-0,02.

Крайняя периферия:

Саратов-0,01; опасная жизнь-0,01; лучше жизнь-0,01; старый-0,01; ореол сказочности-0,01; Горький-0,01; дымный-0,01; многонациональный - 0,01; здесь заботятся о людях-0,01; имеет недостаток по сравнению с деревней- 0,01; в нем много общения-0,01; раскрепощенный-0,01; наличие витрин и вывесок-0,01; перспективный-0,01; Пермь-0,01; наличие знаменитостей-0,01; Ленинград-0,01; молодой-0,01; областной центр - 0,01; наличие улиц, проспектов-0,01; Курск-0,01; далекий-0,01; идет вечерняя жизнь (вечерний город)-0,01; тихий-0,01; наличие фут. полей, секций-0,01; в городе трудно жить-0,01; наличие библиотек-0,01; финансируемый-0,01; наличие храмов, ритуальных салонов-0,01; здесь арендуют помещения-0,01; Краснодар-0,01; Воронеж-0,01; наличие бомжей-0,01; деловой-0,01; наличие обеспеченных жителей-0,01; наличие искусственных водоемов-0,01; много молодежи-0,01; закрытый-0,01; компактный-0,01; протекает обыденная жизнь-0,01; наличие гарнизонов-0,01; наличие постов ГАИ-0,01; наличие портов-0,01; в городе может быть нехватка продуктов-0,003; Владимир-0,003; Калинин-0,003; Лондон-0,003; Город- 0,003; наличие ветхого жилья- 0,003; современный-0,002; город можно разрушить-0,002; Город-спутник-0,002; у города есть партнеры-0,002; город может находиться в кризисе-0,002; наличие ТЭЦ-0,002; наличие конкуренции-0,002; Альдопардо-0,001; Батуми-0,001; Бухара-0,001; Градов- 0,001;

Гродно-0,001; Златоуст-0,001; Иерусалим-0,001; Клиффорд-0,001; Мастеров-0,001; Назрань-0,001; Новгород-0,001; Нью-Йорк-0,001; Рига-0,001; Таллин-0,001; Торжок-0,001; есть судьба-0,001; наличие охраны и порядка - 0,001; каменный-0,001; деревянный-0,001; в городе можно купить мясо-0,001.

Итак, ядро концепта компактное, состоит из одного признака, принадлежащего категориальной зоне энциклопедического поля, что свидетельствует о категориальном характере концепта «город» в русской концептосфере. Данный признак является родовым признаком концепта. Граница между ядром и различными зонами периферии нечеткая. Периферия концепта обширная, нет больших разрывов в яркости признаков ближней и дальней периферии. Периферийная часть концепта содержит многочисленные признаки, обладающие заметной яркостью. Наблюдается большой разрыв яркости признаков дальней и крайней периферии. Наибольшее количество признаков принадлежит крайней периферии.

Таким образом, город концептуализируется как населенный пункт большого размера, который отличается от деревни качеством и ритмом жизни, количеством жителей, наличием многоэтажных домов и промышленных предприятий. В категории типичных представителей наибольший индекс яркости у Рима и Пекина (ближняя периферия). Индекс яркости когнитивных признаков, принадлежащих дальней периферии не высок – от 0,09 до 0,02, что означает, что данные признаки являются менее характерными для концепта. Необходимо отметить противоречивые признаки: большой 0,30 – маленький 0,12; много зелени 0,16 – мало зелени и птиц 0,02; грязный 0,10 – чистый 0,035. Данные признаки обусловлены возрастными, социальными, гендерными или чисто субъективно-личностными, индивидуальными особенностями носителей языка. В крайней периферии наблюдается много прототипов концепта «город», индекс яркости которых равен 0,01 или менее. Это означает, что эти, а также и другие признаки встретились только один раз в эксперименте или тексте.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. Москва: «Восток-Запад», 2007.

А. Н. Мещеряков

Структура концепта *Glück* (на материале немецкого языка)

В настоящее время в когнитивной лингвистике отмечается интерес к исследованию концептов, отражающих знание об эмоциональных сущностях. Так, опубликованы работы, посвященные описанию таких

ментальных единиц как *Любовь* (Кузнецова 2006; Дюжакова 2009 и др.), *Радость* (Пеньковский 1991; Степанов 2001), *Удовольствие* (Селищева 2008) и др.

В данной статье мы хотели бы остановиться подробнее на рассмотрении структуры эмоционального концепта *Glück* в немецкой лингвокультуре. Судя по высокой степени частотности употребления языковых средств, номинирующих данную ментальную единицу в текстах классической художественной литературы, а также разнообразию средств объективации данного концепта в немецком языке, концепт *Glück* является одним из ярчайших элементов концептуальной области «положительные эмоции» в немецком языковом сознании. Однако до сих пор мы не встречали специальных работ, посвященных описанию его структуры и содержания на материале немецкого языка.

Исследуемый нами материал составил около 150 примеров из текстов классической немецкой литературы, описывающих данное эмоциональное состояние,:

- Fontane T. *Effi Brist*;
- Kellermann B. *Der 9. November*;
- Kellermann B. *Der Tunnel*;
- Remarque E.M. *Im Westen nichts Neues*;
- Remarque E. M. *Die Nacht von Lissabon*;

Кроме того, в качестве дополнительных источников были использованы следующие словари:

- Wahrig Gerhard. *Deutsches Wörterbuch*, 1981
- Duden: *Bedeutungswörterbuch*, 1985
- *Deutsches Wörterbuch*: Hermann Paul, 1992
- *Wörterbuch der deutschen Umgangssprache*, 1993
- Duden: *Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in acht Bänden*, 1993
- 1995
 - *Deutsches Universalwörterbuch*, 1996
 - Langenscheidts *Großwörterbuch: Deutsch als Fremdsprache*, 2002

При подготовке данной статьи также учитывались ассоциативные нормы русского и немецкого языков («Ассоциативные нормы русского и немецкого языков» (2004)).

В ходе исследования применялся семантико-когнитивный анализ, а также количественный анализ.

Ключевая лексема рассматриваемого нами концепта *das Glück* содержит две денотативные семемы (*Д1* - *günstige Umstände* и *Д2* - *Gemütszustand*), но мы в ходе данного исследования (при определении номинативного поля концепта, выделении концептуальных признаков, описании структуры концепта) используем второе значение. Номинативное поле концепта в данном значении составляют следующие лексемы: *das Glück*, *glücklich*, *beglücken*, *beglückend*, *die Beglückung*, *glückselig*, *die Glückseligkeit*, *die Glücklichen*, *glückstrahlend*.

Структура эмоционального концепта *Glück* содержит четыре основных компонента:

- ядро концепта;
- ближняя периферия концепта;
- дальняя периферия концепта;
- крайняя периферия.

В качестве основного критерия соотнесения концептуального признака с тем или иным компонентом структуры концепта был выбран критерий – количество лексикографических источников, отражающих соответствующий семантический элемент.

Дополнительными критериями послужили:

- частотность полученных реакций на слово-стимул в ходе ассоциативного эксперимента;
- частотность актуализации семантических элементов лексемы *Glück* и однокоренных ей слов.

В итоге были получены следующие результаты:

Концептуальными признаками ядра рассматриваемой ментальной единицы являются:

1. эмоциональное состояние (*Zustand; Gemütsverfassung; Gefühlszustand*);
2. чувство удовлетворения (*Zufriedenheit; Befriedigung; befriedigt*);
3. чувство радости (*Freude; freudig*)

Каждый из перечисленных признаков находит отражение в пяти лексикографических источниках.

На ближней периферии находится концептуальный признак:

1. переживание внутренних ощущений (*erfüllt; empfinden; sich befinden; innerlich*);

Данный концептуальный признак отражен в четырех энциклопедических словарях.

Дальнюю периферию ментальной единицы образуют следующие концептуальные признаки:

1. причина возникновения эмоционального состояния (*in Besitz von etwas kommen; sich wünschen; einzige glückliche Situation; einziges Ereignis*);
2. интенсивность переживания эмоционального состояния (*sehr; voll; ganz; groß*);

Данные концептуальные признаки находят подтверждение в трех лексикографических источниках.

Крайняя периферия концепта содержит следующие концептуальные признаки:

1. оценка эмоционального состояния (*angenehm*)

Данный признак находит отражение в одном энциклопедическом словаре.

2. внешнее выражение эмоционального состояния

Лексикографические источники отражают данный признак только в семантическом составе лексемы *glückstrahlend*.

При этом соответствующий концептуальный признак был также выявлен в ходе анализа данных ассоциативного эксперимента, а также контекстуального анализа употребления лексемы *Glück* и однокоренных ей слов, причем этот признак показывает низкую частотность объективации как в условиях ассоциативного эксперимента (*lachen* 0,5%; *weinen* 0,2%), так и при анализе частотности актуализации элементов значения лексемы *Glück* (внешнее выражение – 6,3%, против 41% - переживания эмоционального состояния). Таким образом, концептуальный признак *внешнее выражение эмоционального состояния* будет относиться к крайней периферии ментальной единицы *Glück*.

Результаты анализа данных дополнительных источников исследования в целом подтверждают представленные выше результаты. Так, по данным ассоциативного эксперимента наиболее ярким концептуальным признаком ментального представления о состоянии счастья является *Freude* (имеющий индекс частотности 11%). В крайнюю периферию концепта по данным того же источника входят такие концептуальные признаки как:

- *gut* (1,2%)
- *wichtig* (0,5%)
- *wunderbar* (0,5%)
- *toll* (0,2%)
- *viel* (0,2%)

Частотность актуализации значения лексемы *Glück* в текстах художественных произведений классической немецкой литературы показала, что наиболее яркими элементами здесь являются *эмоциональное состояние* (66%) и *переживание эмоционального состояния* (41%).

Таким образом, структура эмоционального концепта *Glück* состоит из четырех компонентов: ядро (содержит наиболее яркие концептуальные признаки и отражает основную информацию об эмоциональном состоянии), ближняя периферия (примыкает к ядру, но содержит не менее яркие концептуальные признаки), дальняя периферия (содержит концептуальные элементы, отражающие второстепенную информацию об эмоциональном состоянии счастья) и крайняя периферия (содержит оценочный компонент и иные концептуальные признаки, имеющие низкий индекс яркости). Представленная выше структура эмоционального концепта *Glück* находит подтверждение по результатам анализа трех независимых источников: энциклопедических словарей немецкого языка, словарей ассоциативных норм русского и немецкого языков, а также совокупности примеров из текстов художественных произведений немецкой классической литературы.

Дюжакова С.Г. Концепт любовь в трилогии Л. Толстого / С.Г. Дюжакова // Лингвоконцептология. Вып. 2 / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2009. – С. 72-78.

Кузнецова Л.Э. Любовь / Л.Э. Кузнецова // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 3. Волгоград: Парадигма, 2006. – С 199-216.

Пеньковский А.Б. Радость и удовольствие в представлении русского языка / А.Б. Пеньковский // Логический анализ языка : Культурные концепты. – М.: Наука, 1991. – С. 148-155.

Селищева Д.А. Концепт «удовольствие» в русском и английском языках / Д.А. Селищева // Лингвоконцептология. Вып. 1 / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2008. – С. 146-149.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – 2-е изд., испр. И доп. – М, Академический проспект, 2001 – 824 с.

Т.В.Михайлова

Концепта «катастрофа» в русском языковом сознании (по результатам экспериментов)

Наше экспериментальное исследование предпринимается с целью расширения изучения специфики объективации концепта «катастрофа» в языковом сознании, для вербализации которого был использован *направленный ассоциативный эксперимент*: «Катастрофа – это?», «Катастрофа - какая?», а также методика свободного опроса: «Катастрофа - где произошла?», «Катастрофа - какие последствия?». Целью исследования явилось выявление наиболее ярких когнитивных признаков концепта *катастрофа* в русском языковом сознании.

Эксперимент проводился в г. Астрахани в период с января по март 2009 года. Было опрошено 200 человек разного пола и возраста: 157 женщин (78,5%) и 43 мужчины (21,5%), из них младшая группа – 159 человек (79,5%), средняя группа – 27 человек (13,5%), старшая группа – 14 человек (7%). Уровень образования у испытуемых: высшее – 45 человек (преподаватели и обслуживающий персонал Астраханского ГУ, педагоги, психологи, юристы, экономисты, менеджеры), среднее – 24 человека (медперсонал, технологи, водители, помощники воспитателя, охранники), незаконченное высшее – 131 человек (студенты АГУ и Астраханской государственной медицинской академии 1-5 курсов).

В результате эксперимента и опроса было получено 904 языковые реакции, отказов было всего 4,3%, что позволяет сделать вывод о том, что изучаемый концепт актуален для языкового сознания носителей языка.

Полученные результаты были обработаны методом когнитивной интерпретации. «*Когнитивная интерпретация* представляет собой выявление когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу. Когнитивная интерпретация осуществляется как обобщение семантических признаков, выявленных при анализе семантики языковых единиц, образующих номинативное поле концепта, и

формулирование тех когнитивных (ментальных) признаков концепта, которые репрезентируются различными, но сходными по семантике языковыми средствами» (Попова, Стернин 2007, с.184).

Выявленные в результате когнитивной интерпретации когнитивные признаки перечисляются в порядке убывания их индекса яркости, который определялся для каждого эксперимента в отдельности как отношение количества испытуемых, объективировавших данный когнитивный признак в эксперименте, к общему числу испытуемых, участвовавших в эксперименте.

Приведем полученные результаты.

Результаты эксперимента

Катастрофа – это? (242): беда 21, бедствие 14, разрушение 13, трагедия 12; авария, ЧП(ЧС) 9; горе 8; несчастье 6; глобальное событие, крах, смерть, стихийное бедствие, ужасно 5; необратимый процесс, плохо, страшно, ужас, ужасное происшествие 4; гибель, конец, негативное явление, несчастный случай, столкновение автомобилей 3; взрывы, катаклизмы, катастрофа, конец света, крушение, нечто ужасное, пожар, последствие, проблема, разрушение, событие, ущерб, что-то плохое 2; авария на ЖД, Армагеддон, безвозвратная потеря нормальной жизнедеятельности, болезни, большое количество погибших людей, брошенные дети, весело, всё рушится, глобальное потепление, драма, жертвы, жесть, жуть, землетрясение, извержение вулкана, когда всё рушится, когда за окном -50, когда нет выхода, когда погибают люди, комплекс событий, кораблекрушение, кошмар, кризис, критическая ситуация, критическая точка, массовое уничтожение людей, масштабные последствия, мир рухнул, много смертей, наша жизнь, не сдать сессию, нечто ужасное, облом, обстановка, паника, поражение, последствие неправомерных действий людей, прекращение нормального функционирования, природные последствия, происшествие, раз и нет, сбой в управлении, слёзы, сломанные жизни, смерть Старостина, состояние, страдает человечество, страшное событие, террор, техногенное происшествие, уничтожение живого, утечка, химический взрыв, что-то нехорошее, я, явление, произошедшее по вине человека 1. Отказов – 8.

Результаты когнитивной интерпретации

КАТАСТРОФА

Беда – 35 (беда 21, бедствие 14)

Вызвана разрушениями – 20 (разрушение 13, взрывы 2, мир рухнул, когда всё рушится, всё рушится, раз и нет, химический взрыв 1)

Вызывает чувство ужаса – 18 (ужасно 5, ужасное происшествие, ужас 4, нечто ужасное 3, жуть, жесть 1)

Происходит на земле – 18 (ЧП/ЧС 9, крах 5, крушение 2, Армагеддон 1)

Трагедия – 18 (трагедия 12, несчастье 6)

Происходит на дороге – 14(авария 9, столкновение автомобилей 3, авария на ЖД, происшествие 1)

Приводит к смерти – 13(смерть 5, гибель 3, много смертей, когда погибают люди, жертвы, смерть Старости, уничтожение живого 1)

Горе – 9 (горе 8, страдает человечество 1)

Событие – 9 (глобальное событие 5, событие 2, страшное событие, комплекс событий 1)

Это плохо – 8 (плохо 4, что-то плохое 3, что-то нехорошее 1)

Имеет последствия – 7(последствие, ущерб, проблема 2, природные последствия 1)

Необратимость – 6 (необратимый процесс 4, прекращение нормального функционирования, безвозвратная потеря нормальной жизнедеятельности 1)

Стихийное бедствие – 5

Это конец – 5 (конец 3, конец света 2)

Вызывает страх – 4(страшно 4)

Плохое – 3 (негативное явление 3)

Несчастный случай – 3

Гибель многих – 3 (массовое уничтожение людей, масштабные последствия, большое количество погибших людей 1)

Неудача – 3(облом, состояние, обстановка 1)

Катализм – 2(катализмы 2)

Имеет виновника – 2 (явление, произошедшее по вине человека, последствие неправомерных действий людей – 1)

Пожар – 2

Вызвана утечкой – 1(утечка 1)

Вызывается землетрясением – 1(землетрясение -1)

Вызывается извержением вулкана – 1(извержение вулкана -1)

Вызывает людские слёзы – 1(слёзы 1)

Критическая ситуация – 1 (критическая ситуация)

Сильный мороз – 1 (когда за окном минус 50)

Последствие сбоя чего-либо – 1(сбой в управлении -1)

Изменяет ход жизни людей – 1(сломанные жизни -1)

Причиняет ущерб здоровью – 1(болезни – 1)

Происходит на воде – 1(кораблекрушение – 1)

Неудача в учёбе – 1(не сдать сессию 1)

Безвыходность – 1(когда нет выхода 1)

Глобальное потепление -1

драма -1

кошмар – 1(кошмар 1)

неустроенность в жизни – 1(наша жизнь -1)

паника -1

поражение -1

состояние кризиса – 1(кризис 1)

террор – 1

техногенное происшествие -1

Это я – 1

Результаты эксперимента

Катастрофа - какая? (209): ужасная 22, страшная 17, глобальная 16, природная 15, экологическая 11, автомобильная 9, масштабная 8, техногенная 6; неожиданная, разрушительная, сильная 5; большая, плохая 4; всемирная, массовая, серьёзная, трагическая 3; внезапная, катастрофическая, личная, любая, непредвидимая, непредсказуемая, огромная, опасная, разная, с жертвами, социальная 2; авиационная, атомная, без жертв, без последствий, великолепная, громкая, губительная, гуманитарная, железнодорожная, жизненная, интересная, истребляющая, их много, какая бы ни была, климатическая, кризисная, кровавая, локальная, маленькая, мировая, не оставляющая следа, негативная, нелепая, непоправимая, нехорошая, приносящая жертвы, радиационная, семейная, случайная, смертоносная, стихийная, стремительная, угрожающая, унёсшая жизни, фатальная, чрезвычайная, ядерная 1. Отказов – 11.

Результаты когнитивной интерпретации

Бывает глобальной – 37(глобальная 16, масштабная 8, большая 4, массовая, всемирная 3, огромная 2, мировая 1)

Происходит в природе – 26 (природная 15, экологическая 11)

Вызывает ужас – 22(ужасная 22)

Вызывает страх – 17(страшная 17)

Происходит внезапно – 13(неожиданная 5, непредсказуемая, внезапная, непредвиденная 2, случайная, нелепая 1)

Влечёт разрушения – 12(сильная, разрушительная 5, стремительная, не оставляющая следа 1)

приводит к жертвам – 12 (трагичная 3, с жертвами 2, губительная, приносящая жертвы, унёсшая жизни, истребляющая, смертоносная, кровавая, фатальная 1)

Происходит с автомобилями – 9(автомобильная 9)

Бывает разной – 6 (любая, разная 2, какая бы ни была, их много 1)

Происходит с техникой – 6(техногенная 6)

Это плохо – 4 (плохая 4)

происходит в семье – 3 (личная 2, семейная 1)

Может быть незначительной – 3(маленькая, без последствий, без жертв 1)

Происходит на АЭС – 3(ядерная, атомная, радиационная 1)

Требует серьёзности отношения – 3(серьёзная 3)

опасна – 2(опасная 2)

Происходит в социуме – 2(социальная 2)
Вызывает восхищение – 1(великолепная 1)
Вызывает интерес – 1(интересная 1)
представляет угрозу – 1(угрожающая 1)
Негативная – 1
Неправимая – 1
Нехорошая – 1
О ней говорят – 1(громкая 1)
Происходит в воздухе – 1(авиационная 1)
Происходит в жизни человека и –1 (жизненная 1)
Происходит в кризис – 1(кризисная 1)
Происходит на железной дороге – 1(железнодорожная 1)
в отдельной местности – 1(локальная 1)
Связана с климатом – 1(климатическая 1)
Связана с ЧС/ЧП – 1(чрезвычайная 1)
Связана со стихией – 1(стихийная 1)
затрагивает жизненные интересы людей – 1(гуманитарная 1)

Результаты опроса

Катастрофа, где произошла? (217): на дороге 15, в Чернобыле 13, в мире 11, на земле 84 везде, в России 7; в Америке, в воздухе, в городе, в другой стране 5; в море, в стране, где угодно, на перекрёстке, на трассе, по всему миру 4; в воде, в Индонезии, в природе, в США, на планете, на предприятии, на улице 3; в Австралии, в горах, в жизни, в любом месте, в мозгу, в небе, в обществе, в селе, в семье, далеко от нас, на заводе, на Чернобыльской АЭС, п. Молодёжный 2; Аксарайск, Афганистан, в АГУ, в Армении, в Астрахани, в Беслане, в биосфере, в Брунне, в головах, в душе, в Европе, в Египте, в жизни людей, в Индии, в Китае, в Милане, в нашей стране, в Перми, в поезде, в пространстве, в регионе, в сейсмических зонах, в Сеуле, в Японии, во времени, Волга - река, где бы ни была, где были стихийные бедствия, далеко, дом ветеранов, дома, локально, лучше нигде, магистраль, на каждом шагу, на корабле, на объектах, на побережье, на поезде, на самолёте, на территории, на Украине, на фабрике, на химическом заводе, на электростанции, над озером Баден, над океаном, не так далеко, Нью-Йорк, откуда я знаю, по всем «фронтом», Помпея, пустыня, со мной, там, где мы не ждём 1. Отказов – 10.

Результаты когнитивной интерпретации

Происходит на дороге – 24 (на дороге 15, на трассе, на перекрёстке 4, магистраль 1)

Может произойти повсюду – 20 (везде 7, по всему миру, где угодно 4, в любом месте 2, на каждом шагу, где бы ни была 1)

Не в России – 20 (в мире 11, в другой стране 5, далеко от нас 2, не так далеко, далеко 1)

В Чернобыле – 15 (в Чернобыле 13, на Чернобыльской АЭС 2)

Происходит на земле – 10 (на земле 8, на территории, на побережье 1)

В Америке – 8 (в Америке 5, в США 3)

В России – 8 (в России 7, в нашей стране 1)

Происходит в воздухе – 8 (в воздухе 5, в небе 2, в биосфере 1)

Происходит на воде – 8 (в море 4, в воде 3, над океаном 1)

Происходит на предприятии – 8 (на предприятии 3, на заводе 2, на химическом заводе, на объектах, на фабрике 1)

В Астрахани – 5 (п. Молодёжный 2, в Астрахани, Аксарайск, Волга-река

1)

В стране – 4

В Индонезии – 3

В природе – 3

Может затронуть сознание – 3 (в мозгу 2, в головах 1)

На улице – 3

Происходит в жизни – 3 (в жизни 2, в жизни людей 1)

Происходит на планете – 3 (на планете 3)

В Австралии – 2

В горах – 2

В обществе – 2

В селе – 2

Происходит в семье – 2 (в семье 2)

В АГУ – 1

В Армении – 1

В Афганистане – 1 (Афганистан 1)

В Беслане – 1

В Брунене – 1

В городе – 1

В доме ветеранов – 1

В Европе – 1

В Египте – 1

В Индии – 1

В Китае – 1

В Милане – 1

В неожиданном месте – 1 (там, где мы не ждём 1)

В Нью-Йорке – 1

В Перми – 1

В поезде – 1

В Помпее – 1

В пустыне – 1

В регионе – 1

В сейсмических зонах – 1

В Сеуле – 1

В Японии – 1

Лучше её избежать – 1(лучше нигде 1)

Может затрагивать душу – 1(в душе 1)

Может произойти дома – 1(дома 1)

На самолёте -1

На корабле – 1

На местности – 1(в пространстве, локально 1)

В поезде – 1

На Украине – 1

На электростанции – 1

Над озером Баден – 1

Связана со стихийными бедствиями – 1(где были стихийные бедствия 1)

Со мной – 1

Характеризуется масштабностью – 1(по всем «фронтам» 1)

Материалы опроса

Катастрофа - какие последствия? (236): смерть 20, разрушения 11, гибель людей 10; жертвы, плохие, ужасные 8; катастрофические 6; погибают люди, разные, разрушительные 5; болезни, вред здоровью, смерть людей, человеческие жертвы 4; глобальные, загрязнение окружающей среды, крах, мутации, необратимые, разрушающие, страшные 3; боль, большие, возрождение, непредсказуемые, плачевые, разруха, смерти, страдание людей, тяжёлые 2; беда, бедствие, безжизненность, воспоминания, время лечит, все живы, всё плохо, все умерли, всевозможные, вывод из строя автомобиля, вымирание человечества, гибель рыбы, горечные, грустные, денег мало, ещё не пережила, жуткие, завал, заражение радиацией, изменение сознания, инвалид, истребление нации, исчезли города, конец света, конец, ледниковый период, лесные пожары, лишение комфорта, лучше бы их не было, много смертей, насмерть, негативные, незначительные потери, неизвестные, нельзя всё вернуть назад, непоправимые, неприятные, несчастье, огромные, огромный ущерб, онкозаболевания, отделались лёгким испугом, отрицательные, отчаяние, отчисление, пагубные, переживание, печальные, покупка/ремонт машины, политические, поломка, попадание в больницу, потери большие, потери, потеря имущества, продолжительные, радиация, разбитые семьи, развалы, различные, разорение, разрушенные дома, разрушенные судьбы людей, раны, самые страшные, серьёзные, сильные, скорбь, случилось что-то плохое, смотря какая катастрофа, снесённые дома, социальные, травмы, трагедия, трагические, траур,увечья, уничтожение мира, ураган, ущерб стране, ущерб, финансовое разорение, хаос, человеческие жизни, шок, экологические, экономические 1. Отказов – 10.

Результаты когнитивной интерпретации

Приводит к смерти – 58 (смерть 20, гибель людей 10, жертвы 8, погибают люди 5, смерть людей, человеческие жертвы 4, смерти 2, насмерть, все умерли, много смертей, безжизненность, вымирание человечества 1)

Вызывает разрушения – 25 (разрушения 11, разрушительные 5, разрушающие 3, разруха 2, разрушенные судьбы людей, разрушенные дома, снесённые дома, развалы 1)

Это плохо – 10 (плохие 8, всё плохо, случилось что-то плохое 1)

Вызывает ужас – 9 (ужасные 8, жуткие 1)

Приводит к краху – 8 (крах 3, разорение, потери, финансовое разорение, потеря имущества, потери большие 1)

Причиняет страдания, боль – 8(страдание людей, боль 2, переживание, траур, отчаяние, скорбь 1)

Бывают разные – 7(разные 5, всевозможные, различные 1)

крупная – 7(глобальные 3, большие 2, сильные, огромные 1)

Причиняет вред здоровью – 7(вред здоровью 4, раны, травмы,увечья 1)

Наносит ущерб окружающей среде – 7(загрязнение окружающей среды 3, лесные пожары, экологические, ураган, ледниковый период 1)

Влияет на психику – 6(тяжёлые 2, отрицательные, негативные, воспоминания, неприятные 1)

Вызывают болезни – 5(болезни 4, онкозаболевания 1)

Может быть необратимой – 5(необратимые 3, нельзя всё вернуть назад, непоправимые 1)

Может иметь положительные последствия – 5(возрождение 2, все живы, отделались лёгким испугом, изменение сознания 1)

Приводит к истреблению – 5(истребление нации, исчезли города, уничтожение мира, гибель рыбы, человеческие жизни 1)

Вызывает страх – 4 (страшные 3, самые страшные 1)

Нельзя предсказать – 4(непредсказуемые 2, неизвестные, лучше бы их не было 1)

Может быть связана с автомобилем – 3 (покупка/ремонт машины, вывод из строя автомобиля, поломка 1)

Приводит к ущербу – 3(ущерб, огромный ущерб, ущерб стране 1)

Приводит к мутациям – 3(мутации 3)

Конец – 2 (конец, конец света 1)

вызывает слезы – 2 (плачевые 2)

связана с радиацией – 2(заражение радиацией, радиация 1)

Приводит к беде – 2(беда, бедствие 1)

Приводит к безденежью – 2(денег мало, экономические 1)

Приводит к горю, печали – 2(горечные, печальные 1)

Вызывает шок – 1(шок 1)

Вызывает грусть – 1(грустные 1)

Её может и не быть – 1(ещё не пережила 1)

Лишение комфорта – 1

Может быть незначительной – 1(незначительные 1)

Может быть пагубной – 1(пагубные 1)

Может быть серьёзной – 1(серьёзные 1)

Может длиться – 1(продолжительные 1)

Может привести к инвалидности – 1(инвалид 1)

Может привести к трагедии – 1(трагедия, трагические 1)

Может привести к завалу – 1(завал 1)

Может разбить семьи – 1(разбитые семьи 1)

Можно пережить – 1(время лечит 1)

Можно попасть в больницу – 1(попадание в больницу 1)

Политические – 1

Приводит к несчастью – 1(несчастье 1)

Приводит к хаосу – 1(хаос 1)

Связана с учёбой – 1(отчисление 1)

Социальная – 1

Далее необходимо свести полученные признаки в единое описание и при совпадении признаков объединить сходные. (Попова, Стернин; 112-114)

Приводит к смерти – 83(смерть 25, гибель людей 10, жертвы 9, погибают люди 5, смерть людей, человеческие жертвы 4, гибель, трагичная 3, смерти, много смертей, с жертвами 2, насмерть, все умерли, безжизненность, вымирание человечества, когда погибают люди, смерть Старостины, уничтожение живого, губительная, приносящая жертвы, унёсшая жизни, истребляющая, смертоносная, кровавая, фатальная 1)

Вызывает страх, ужас – 74 (ужасная 30, страшная 20, ужасно 5, ужасное происшествие, ужас, страшно 4, нечто ужасное 3, жуть, жесть, жуткие, самые страшные 1)

Вызывает разрушения – 57(разрушения 24, разрушительные 10, сильная 5, разрушающие 3, разруха, взрывы 2, разрушенные судьбы людей, разрушенные дома, снесённые дома, развалы, мир рухнул, когда всё рушится, всё рушится, раз и нет, химический взрыв, стремительная, не оставляющая следа 1)

Бывает глобальной – 44(глобальная 19, масштабная 8, большая 6, массовая, всемирная, огромная 3, мировая, сильные 1)

Наносит ущерб природе – 43 (природная 15, экологическая 12, стихийное бедствие 5, в природе, загрязнение окружающей среды 3, катаклизмы 2, лесные пожары, ураган, ледниковый период 1)

Происходит на дороге – 39 (на дороге 15, авария 9, на трассе, на перекрёстке 4, столкновение автомобилей 3, магистраль, авария на ЖД, происшествие, железнодорожная 1)

Беда – 37(беда 22, бедствие 15)

Происходит на земле – 27(ЧП/ЧС 9, на земле 8, крах 5, крушение 2, Армагеддон, на территории, на побережье 1)

Это плохо – 23(плохие 12, плохо 4, что-то плохое 3, всё плохо, случилось что-то плохое , что-то нехорошее, нехорошая 1)

Горе, страдание – 21(горе 8, страдание людей, боль 2, страдает человечество, переживание, траур, отчаяние, скорбь, переживание, траур, отчаяние, скорбь 1)

Трагедия – 21(трагедия 13, несчастье 7, трагические 1)

Может произойти повсюду – 20(везде 7, по всему миру, где угодно 4, в любом месте 2, на каждом шагу, где бы ни была 1)

Происходит не в России – 20(в мире 11, в другой стране 5, далеко от нас 2, не так далеко, далеко 1)

Происходит на АЭС – 18(в Чернобыле 13, на Чернобыльской АЭС 2. ядерная, атомная, радиационная 1)

Происходит внезапно – 18(неожиданная 5, непредсказуемая 4, внезапная, непредвиденная 2, случайная, нелепая, неизвестные, лучше бы их не было, там, где мы не ждём 1)

Происходит на предприятии – 14(техногенная 6, на предприятии 3, на заводе 2, на химическом заводе, на объектах, на фабрике 1)

Бываю разные – 13(разные 7, любая 2, всевозможные, различные, какая бы ни была, их много 1)

Происходит с автомобилями – 12(автомобильная 9, покупка/ремонт машины, вывод из строя автомобиля, поломка 1)

Необратимая – 11(необратимый процесс 4, необратимые 3, прекращение нормального функционирования, безвозвратная потеря нормальной жизнедеятельности, нельзя всё вернуть назад, непоправимые 1)

Происходит в воздухе – 10 (в воздухе 5, в небе 2, в биосфере, авиационная, на самолёте 1)

Происходит на воде – 10(в море 4, в воде 3, над океаном, кораблекрушение, на корабле 1)

Это событие – 9 (глобальное событие 5, событие 2, страшное событие, комплекс событий 1)

В Америке – 8 (в Америке 5, в США 3)

В России – 8 (в России 7, в нашей стране 1)

Приводит к краху – 8(крах 3, разорение, потери, финансовое разорение, потеря имущества, потери большие 1)

Причиняет вред здоровью – 8(вред здоровью 4, раны, сломанные жизни , травмы,увечья 1)

Имеет последствия – 7(последствие, ущерб, проблема 2, природные последствия 1)

Это конец – 7(конец 4, конец света 3)

Влияет на психику – 6(тяжёлые 2, отрицательные, негативные, воспоминания, неприятные 1)

Вызывает болезни – 6(болезни 5, онкозаболевания 1)

Разбитая семья – 6 (личная, в семье 2, разбитые семьи, семейная 1)

В Астрахани – 5 (п. Молодёжный 2, в Астрахани, Аксарайск, Волга-река 1)

Может иметь положительные следствия – 5(возрождение 2, все живы, отделались лёгким испугом, изменение сознания 1)

Приводит к истреблению – 5(истребление нации, исчезли города, уничтожение мира, гибель рыбы, человеческие жизни 1)

Происходит в социуме – 5(социальная 3, в обществе 2)

В стране – 4

Может быть незначительной – 4(маленькая, без последствий, без жертв, незначительные 1)

Происходит в жизни – 4(в жизни 2, в жизни людей, жизненная 1)

Требует серьёзности отношения – 4(серьёзная 4)

В Индонезии – 3

Вызывает негативные чувства – 3(негативное явление 3)

Вызывает слёзы у людей – 3(плачевые 2, слёзы 1)

Может затронуть разум – 3(в мозгу 2, в головах 1)

На улице – 3

Несчастный случай – 3

Приводит к ущербу – 3(ущерб, огромный ущерб, ущерб стране 1)

Приводит к мутациям – 3(мутации 3)

Происходит на планете – 3(на планете 3)

Затрагивает многих людей – 3(массовое уничтожение людей, масштабные последствия, большое количество погибших людей 1)

Это неудача – 3(облом, состояние, обстановка 1)

В Австралии – 2

В горах – 2

В селе – 2

Имеет виновника – 2 (явление, произошедшее по вине человека, последствие неправомерных действий людей – 1)

Может привести к радиации – 2(заражение радиацией, радиация 1)

Может быть опасной – 2(опасная 2)

Безденежью – 2 (денег мало, экономические 1)

Неудача в учёбе – 2 (не сдать сессию, отчисление 1)

Это пожар – 2

Это состояние кризиса – 2(кризис, кризисная 1)

Это я – 2(я, со мной 1)

В АГУ – 1

В Армении – 1

В Афганистане – 1(Афганистан 1)

В Беслане – 1

В Брунне – 1

В городе – 1

В доме ветеранов – 1

В Европе – 1

В Египте – 1

В Индии – 1
В Китае – 1
В Милане – 1
В Нью-Йорке – 1
В Перми – 1
В Помпее – 1
В пустыне – 1
В регионе – 1
В сейсмических зонах – 1
В Сеуле – 1
В Японии – 1
Вызвана утечкой – 1(утечка 1)
Вызывает восхищение – 1(великолепная 1)
Вызывает интерес – 1(интересная 1)
Вызывает шок – 1(шок 1)
Это землетрясение – 1(землетрясение -1)
Это извержение вулкана – 1(извержение вулкана -1)
Вызывает грусть – 1(грустные 1)
Её может и не быть – 1(ещё не пережила 1)
Затрагивает временные рамки – 1(во времени 1)
Лишение комфорта – 1
Лучше её избежать – 1(лучше нигде 1)
Может быть пагубной – 1(пагубные 1)
Может длиться долго – 1(продолжительные 1)
Может привести к инвалидности – 1(инвалид 1)
Может затрагивать душу – 1(в душе 1)
Может привести к завалу – 1(завал 1)
Может произойти дома – 1(дома 1)
Может угрожать человечеству – 1(угрожающая 1)
Можно и не знать – 1(откуда я знаю 1)
Можно пережить – 1(время лечит 1)
Можно попасть в больницу – 1(попадание в больницу 1)
На Украине – 1
На электростанции – 1
Над озером Баден – 1
Непоправимая – 1
О ней широко говорят – 1(громкая 1)
Политические – 1
Последствие сбоя – 1(сбой в управлении -1)
Приводит к сумасшествию – 1(весело -1)
Приводит к хаосу – 1(хаос 1)
Связана с климатом – 1(климатическая 1)
Связана с ЧС/ЧП – 1(чрезвычайная 1)
Требующая помощи – 1(гуманитарная 1)
Характеризуется безвыходностью – 1(когда нет выхода 1)

Характеризуется масштабностью – 1(по всем «фронтам» 1)

Это глобальное потепление -1

Это драма -1

Это кошмар – 1(кошмар 1)

Это неустроенность в жизни – 1(наша жизнь -1)

Это паника -1

Это поражение -1

Это сиротство – 1(брошенные дети -1)

Это террор – 1

Это техногенное происшествие -1

Всего было выделено 125 когнитивных признаков исследуемого концепта.

Сопоставим когнитивные признаки, выделенные в направленном ассоциативном эксперименте, опросе и свободном ассоциативном эксперименте.

Когнитивный признак	Свободный ассоциативный эксперимент	Направленный ассоциативный эксперимент	Свободный опрос
1. <i>Приводит к смерти</i>	26	63	20
2. <i>вызывает страх, ужас</i>	35	74	-
3. <i>Вызывает разрушения</i>	6	46	11
4. <i>Бывает глобальной</i>	5	44	-
5. <i>Наносит ущерб природе</i>	-	34	9
6. <i>Происходит на дороге</i>	-	3	36
7. <i>Беда</i>	18	37	-
8. <i>Происходит на земле</i>	6	7	20
9. <i>Это плохо</i>	4	23	-
10. <i>Горе, страдание</i>	7	21	-
11. <i>Трагедия</i>	3	21	-
12. <i>Может произойти повсюду</i>	-	-	20
13. <i>Происходит не в России</i>	-	-	20
14. <i>Происходит на АЭС</i>	-	-	18
15. <i>Происходит внезапно</i>	1	7	11
16. <i>Происходит на предприятии</i>	-	-	14
17. <i>Бывают разные</i>	-	-	13
18. <i>Происходит с автомобилями</i>	21	12	-
19. <i>Необратимая</i>	-	11	-
20. <i>Происходит в воздухе</i>	3	-	10
21. <i>Происходит на воде</i>	1	-	10
22. <i>Это событие</i>	-	9	-
23. <i>В Америке</i>	-	-	8
24. <i>В России</i>	-	-	8
25. <i>Приводит к краху</i>	-	8	-

26. Причиняет вред здоровью	3	1	7
27. Имеет последствия	2	-	7
28. Это конец	3	7	-
29. Влияет на психику	-	-	6
30. Вызывают болезни	-	-	6
31. Разбитая семья	-	-	6
32. В Астрахани	-		5
33. Могут иметь положительные следствия	-	-	5
34. Приводит к истреблению	-	-	5
35. Происходит в социуме	-	-	5
36. В стране	-	-	4
37. Может быть незначительной	-	4	-
38. Происходит в жизни	-	-	4
39. Требует серьёзности отношения	-	4	-
40. В Индонезии	-	-	3
41. вызывается ураганом	3	-	-
42. вызывается наводнением	3	-	-
43. Вызывает негативные чувства	-	-	3
44. Вызывает слёзы у людей	2	3	-
45. имеет космическое происхождение	3	-	-
46. Может затронуть разум	-	-	3
47. На улице	-	-	3
48. Несчастный случай	-	3	-
49. Приводит к ущербу	-	-	3
50. Приводят к мутациям	-	-	3
51. Происходит на планете	-	-	3
52. стихийное бедствие	3	-	-
53. Затрагивает многих людей	-	-	3
54. Это неудача	-	3	-
55. это война	3	-	-
56. В Австралии	-	-	2
57. В горах	-	-	2
58. В селе	-	-	2
59. Имеет виновника	-	-	2
60. имеет природное начало	2	-	-
61. Могут привести к радиации	-	-	2
62. Может быть опасной	1	2	-

63. неприятность	2	-	-
64. отнимает надежду	2	-	-
65. Безденежье	1	2	-
66. разрушает мирное существование	2	-	-
67. Связана со стихией	1	-	-
68. Неудача в учёбе	2	2	-
69. Это пожар	6	2	-
70. Это состояние кризиса	-	2	-
71. Это я	-	2	-
72. Ассоциируется с черным цветом	1	-	-
73. В АГУ	-	-	1
74. В Армении	-	-	1
75. В Афганистане	-	-	1
76. В Беслане	-	-	1
77. В Брунне	-	-	1
78. В городе	-	-	1
79. В доме ветеранов	-	-	1
80. В Европе	-	-	1
81. В Египте	-	-	1
82. В Индии	-	-	1
83. В Китае	-	-	1
84. В Милане	-	-	1
85. В Нью-Йорке	-	-	1
86. В Перми	-	-	1
87. В Помпее	-	-	1
88. В пустыне	-	-	1
89. В регионе	-	-	1
90. В сейсмических зонах	-	-	1
91. В Сеуле	-	-	1
92. В Японии	-	-	1
93. Вызвана утечкой	-	1	-
94. Вызывает восхищение	-	-	1
95. Вызывает интерес	-	-	1
96. Вызывает шок	-	-	1
97. Это землетрясение	8	1	-
98. Это извержение вулкана	-	1	-
99. Вызывают грусть	-	1	-
100. Её может и не быть	1	1	-
101. Затрагивает временные рамки	-	-	1
102. Лишение комфорта	-	-	1
103. Лучше её избежать	-	1	-
104. Может быть пагубной	-	1	-
105. Может длиться долго	-	1	-
106. Может привести к инвалидности	-	-	1

107.Может затрагивать душу	-	-	1
108.Может привести к завалу	-	-	1
109.1Может произойти дома	-	-	1
110.Может угрожать человечеству	-	1	-
111.Можно и не знать	-	-	1
112.Можно пережить	-	1	-
113.Можно попасть в больницу	-	-	1
114.На Украине	-	-	1
115.На электростанции	-	-	1
116.Над озером Баден	-	-	1
117.Непоправимая	-	1	-
118.ожидалась	1	-	-
119.О ней широко говорят	-	1	-
120.о ней рассказывают в фильмах	1	-	-
121.Политические	-	-	1
122.Последствие сбоя	-	-	1
123.Приводит к сумасшествию	-	-	1
124.Приводит к хаосу	-	-	1
125.происходит по глупости	1	-	-
126.Связана с климатом	-	1	-
127.Связана с ЧС/ЧП	-	1	-
128.случается со всеми	1	-	-
129.Требующая помощи	1	1	-
130.Характеризуется безвыходностью	-	1	-
131.Характеризуется масштабностью	-	1	-
132.Это глобальное потепление	-	1	-
133.Это драма	-	1	-
134.Это кошмар	-	1	-
135.Это неустроенность в жизни	-	1	-
136.это нищета	1	-	-
137.Это паника	1	1	-
138.Это поражение	-	1	-
139.это разгром	1	-	-
140.Это сиротство	-	1	-
141.Это террор	-	1	-
142.Это техногенное происшествие	-	1	-

По данной таблице можно сделать следующие выводы

1) Направленный эксперимент даёт возможность выделить большее количество когнитивных признаков, нежели свободный эксперимент, а метод свободного опроса может существенно дополнить и расширить проведённые эксперименты.

2) И тот и другой эксперимент выявляют самые яркие признаки, входящие в ядро, в остальных признаках наблюдается сдвиг в их акцентуации.

3) В направленном ассоциативном эксперименте не проявились следующие признаки: *вызывается ураганом, вызывается наводнением, имеет космическое происхождение, стихийное бедствие, это война, имеет природное начало, неприятность, отнимает надежду, разрушает мирное существование, ассоциируется с черным цветом, ожидаемая, о ней рассказывают в фильмах, происходит по глупости, случается со всеми, это нищета, это разгром.*

4) В свободном ассоциативном эксперименте не выявились следующие признаки: *необратимая, это событие, приводят к краху, может быть незначительной, требует серьёзности отношения, несчастный случай, характеризуется безвыходностью, характеризуется массовостью, это состояние кризиса, это я, вызвана утечкой, вызывается извержением вулкана, вызывают грусть, лучше её избежать, могут быть пагубными, могут длиться, может угрожать человечеству, можно пережить, негативная, непоправимая, о ней постоянно говорят, связана с климатом, характеризуется безвыходностью, характеризуется масштабностью, это глобальное потепление, это драма, это кошмар, это неустроенность в жизни, это поражение, это сиротство, это террор, это техногенное происшествие.*

5) Признаки, которые проявились только в свободном опросе: *может произойти повсюду, происходит не в России, происходит на АЭС, происходит на предприятии, бывают разные, в Америке, в России, влияет на психику, вызывают болезни, в Астрахани, могут носить положительный характер, приводит к истреблению, происходит в социуме, в стране, в Индонезии, вызывает негатив, может затронуть разум, на улице, приводят к мутациям, происходит на планете, в Австралии, в горах, в селе, имеет виновника, могут привести к радиации, в АГУ, в Армении, в Афганистане, в Беслане, в Бруннее, в городе, в доме ветеранов, в Европе, в Египте, в Индии, в Китае, в Милане, в Нью-Йорке, в Перми, в Помпее, в пустыне, в регионе, в сейсмических зонах, в Сеуле, в Японии, вызывает восхищение, вызывает интерес, вызывает шок, затрагивает временные рамки, лишение комфорта, могут привести к инвалидности, может затрагивать душу, может привести к завалу, может произойти дома, можно и не знать, можно попасть в больницу, на Украине, на электростанции, над озером Баден, политические, последствие сбоя, приводит к сумасшествию, приводит к хаосу.*

Исходя из проведённого исследования, можно сделать вывод, что для изучения концепта недостаточно руководствоваться данными лишь

какой-то одной избранной методики его исследования, необходимо применять совокупность методов.

Исследование показало, что направленный ассоциативный эксперимент выявляет более конкретные признаки концепта, нежели свободный эксперимент, но применённый на завершающем этапе исследования свободный опрос, во-первых, верифицирует полученные ранее результаты и, во-вторых, позволяет выявить новые признаки концепта, которые не обнаруживаются в ранее проведённых экспериментах.

Исследование показывает, что концепт *катастрофа* весьма актуален для языкового сознания носителей языка.

Михайлова Т.В. Динамика развития концепта «катастрофа» в русском сознании народа (на основе свободного ассоциативного эксперимента). – Лингвоконцептология.- Вып.2, Воронеж, «Истоки», 2009, 113-123.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико – когнитивный анализ языка. – Воронеж, 2007.- 226с.

Н.А. Неровная

Анкетирование как способ экспериментального исследования концепта «толерантность» в русском и английском языковом сознании

С целью описания содержания лексемы **«толерантность»** в русском и английском языковом сознании нами было проведено анкетирование носителей языка (русского и английского). Анкетирование предполагает, что участники должны выбрать из предложенного списка когнитивных признаков данного концепта те, которые, по их мнению, раскрывают его содержание.

Эксперименты проводились в период 2007-2008 гг. Испытуемыми выступили сотрудники Воронежского госуниверситета (педагогический и технический состав), сотрудники ФГНИИЦ РЭБ (Федеральный государственный научно-исследовательский испытательный центр радиоэлектронной борьбы), студенты 2-го и 5-го курсов филологического факультета Воронежского госуниверситета, студенты 2-го курса Воронежской технологической академии, сотрудники «Общества защиты прав потребителей» г. Воронежа, сотрудники компании «Бунге», учителя средней общеобразовательной школы с. Евстратовка Воронежской области, рабочие ОАО «Минудобрения», сотрудники магазина «Книжный мир семьи», сотрудники компании «Энкор».

Всего было опрошено 260 человек, получены ответы 221 человека – из них 141 женщина и 80 мужчин в возрасте от 18 до 60 лет.

Анкетирование проводилось в письменной форме. Респондентам предлагалась инструкция: «Просим вас внимательно прочитать список признаков, выделенных разными людьми в значении слова **«толерантность»**

и отметить галочкой те из них, которые, на ваш личный взгляд, входят в значение этого слова» (метод лингвистического интервьюирования).

Результаты анкетирования после их обработки методом когнитивной интерпретации представлены в Таблице 1. Индекс яркости рассчитывался как отношение количества респондентов, отметивших тот или иной признак, к общему количеству респондентов (221 чел.).

Таблица 1

Когнитивный признак	Все го	ИЯ	Жен.	ИЯ	Муж .	ИЯ
Снисходительность, мягкость по отношению к другому	180	0,81	121	0,85	53	0,72
Признание многообразия форм самовыражения	76	0,34	54	0,38	22	0,27
Дипломатичность	73	0,33	53	0,37	20	0,25
Отказ от вмешательства в личную жизнь кого-л.	41	0,18	26	0,18	15	0,19
Высокая нравственность	52	0,23	38	0,27	15	0,19
Доброта	40	0,18	30	0,21	10	0,12
Гостеприимство	19	0,08	11	0,08	8	0,10
Невраждебность	87	0,40	59	0,42	29	0,36
Сдержанность	102	0,46	69	0,49	34	0,42
Проявление эмпатии	30	0,13	23	0,16	7	0,09
Наличие коммуникативных умений и навыков	36	0,16	26	0,18	10	0,12
Деятельное участие в чём-л.	12	0,06	7	0,05	5	0,06
Примирение ссорящихся	27	0,12	19	0,13	10	0,12
Открытость	30	0,13	22	0,16	8	0,10
Бодрое и жизнерадостное мироощущение	16	0,07	10	0,07	6	0,07
Проявление умственной и духовной зрелости	52	0,23	36	0,25	15	0,19
Проявление любви	20	0,09	16	0,11	4	0,05
Человеколюбие	62	0,28	48	0,34	15	0,19
Вежливость	58	0,26	44	0,31	14	0,17
Почтительное отношение	112	0,51	79	0,56	33	0,41
Культура	59	0,26	43	0,30	16	0,20
Отсутствие надоедливости	18	0,08	13	0,09	7	0,09
Отсутствие предвзятости	53	0,24	39	0,28	14	0,17
Способность стойко и безропотно переносить что-л.	27	0,12	19	0,13	10	0,12
Признание значимости человеческой личности	56	0,25	44	0,31	12	0,15
Готовность мирно сосуществовать с другим	118	0,53	85	0,60	33	0,41
Обусловлена объединением стран мира	21	0,09	16	11,3	5	0,06
Обусловлена постоянством жизни	15	0,07	12	0,08	3	0,04
Обусловлена наличием независимости страны	18	0,08	15	0,11	3	0,04

Обусловлена наличием и соблюдением политических прав	65	0,29	49	0,35	16	0,20
Реализуется при отсутствии опасности	11	0,05	7	0,05	4	0,05
Реализуется при наличии плюрализма	32	0,14	24	0,17	9	0,11
Реализуется при наличии демократии	36	0,16	29	0,20	7	0,09
Проявляется по отношению к другому	101	0,45	73	0,52	28	0,35
Проявляется по отношению к чужому	58	0,26	41	0,29	16	0,20
Проявляется по отношению к личности	75	0,34	55	0,39	20	0,25
Проявляется по отношению к мысли, замыслу	30	0,13	22	0,16	9	0,11
Проявляется по отношению к явлениям действительности	32	0,14	25	0,18	7	0,09
Проявляется по отношению к отличительным качествам субъекта	34	0,15	25	0,18	12	0,15
Воспитывается с помощью разных педагогических приёмов	37	0,17	29	0,20	10	0,12
Проявляется в коммуникативных формах	51	0,23	39	0,28	12	0,15
Проявляется в социальных формах (таких как дружба, сотрудничество)	71	0,32	61	0,43	15	0,19
Способность прощать	38	0,17	30	0,21	8	0,10
Понимание	65	0,29	45	0,32	20	0,25
Приводит к взаимности	44	0,20	34	0,24	10	0,12
Способствует преодолению конфликтов	118	0,53	88	0,62	30	0,37
Приводит к единению	51	0,23	35	0,25	15	0,19

Таким образом, для подавляющего большинства анкетируемых наиболее актуальными оказались такие признаки как *снисходительность, мягкость по отношению к другому* 180 (0,81), *способствует преодолению конфликтов* 118 (0,53), *готовность мирно сосуществовать с другим* 118 (0,53), *почтительное отношение* 112 (0,50), *сдержанность* 102 (0,46). Причем для женщин наиболее актуальными оказались такие признаки, как *снисходительность, мягкость по отношению к другому* 121 (0,85), *способствует преодолению конфликтов* 88 (0,62), *готовность мирно сосуществовать с другим* 85 (0,60), *почтительное отношение* 79 (0,56), проявляется по отношению к другому 73 (0,51), *сдержанность* 69 (0,49).

Наибольшее количество мужчин акцентировало такие признаки, как *снисходительность, мягкость по отношению к другому* 53 (0,66), *сдержанность* 34 (0,42), *почтительное отношение* 33 (0,41), *готовность мирно сосуществовать с другим* 33 (0,41), *способствует преодолению конфликтов* 30 (0,37).

Наибольшее количество отказов от участия в анкетировании (85%) было среди людей среднего и старшего возраста, не имеющих высшего

образования, что говорит о том, что концепт **«толерантность»** преимущественно сформирован у молодой образованной части общества.

С носителями английского языка также был проведен подобный эксперимент. Респондентами выступили студенты и стажеры кафедры русского языка для иностранных учащихся основных факультетов ИМО ВГУ и их руководители из США и Великобритании.

В анкетировании принимало участие 40 человек – 20 мужчин и 20 женщин в возрасте от 18 до 65 лет. Эксперимент проводился в письменной форме. Испытуемым предлагалась следующая инструкция: «We ask you to take part in a psycholinguistic experiment. We are investigating how the English language native speakers understand the word TOLERANCE. Please, read a list of definitions given by the English language native speakers.

Please, tick those of the *common* definitions for the word TOLERANCE which you consider to be the most appropriate.

Thank you very much!».

Результаты анкетирования представлены в Таблице 2. Индекс яркости рассчитывался как процентное отношение количества испытуемых, отметивших тот или иной признак, к общему количеству испытуемых.

Таблица 2

Когнитивный признак	Все го	ИЯ	Муж	ИЯ	Жен	ИЯ
Respect for diversity	26	0,65	13	0,65	13	0,65
Acceptance of diversity of self-expression	30	0,75	14	0,70	16	0,80
Appreciation of diversity of self-expression	14	0,35	5	0,25	9	0,45
Indulgence for diversity of self-expression	11	0,27	8	0,40	3	0,15
Positive treatment of diversity	17	0,42	10	0,50	7	0,35
Allowance of diversity of self-expression	36	0,90	17	0,85	19	0,95
Recognizing diversity of self-expression	21	0,52	11	0,55	10	0,50
Interest in diversity of self-expression	5	0,12	4	0,20	1	0,05
Acknowledging of equality	21	0,52	12	0,60	9	0,45
Endurance	9	0,22	6	0,30	3	0,15
Putting up with something unpleasant	20	0,50	10	0,50	10	0,50
Understanding other people	19	0,47	8	0,40	11	0,55
Absence of preconception towards diversity	9	0,22	7	0,35	2	0,10
Freedom	9	0,22	5	0,25	4	0,20
The right to practice one's religion freely	16	0,40	10	0,50	6	0,30
Peaceful coexistence	24	0,60	11	0,55	13	0,65
A virtue	23	0,57	11	0,55	12	0,60
Prohibition of discrimination	16	0,40	8	0,40	8	0,40
Attitudes of openness	23	0,57	10	0,50	13	0,65

A duty of a person	10	0,25	6	0,30	4	0,20
Is expressed in love	10	0,25	5	0,25	5	0,25
Absence of coercion	7	0,17	4	0,20	3	0,15
The ability of an organism to survive in extreme conditions	13	0,32	10	0,50	3	0,15
The lack of immune response	2	0,05	1	0,05	1	0,05
Ability to remain unaffected with medicals	8	0,20	6	0,30	2	0,10
Resistance to something negative	16	0,40	10	0,50	6	0,30
Can be in democratic societies	19	0,47	10	0,50	9	0,45
A socially-political requirement	22	0,55	6	0,30	4	0,20
Is expressed towards other people	24	0,60	13	0,65	11	0,55
Is expressed towards a person	21	0,52	13	0,65	8	0,40
Is practiced towards thoughts and ideas	17	0,42	9	0,45	8	0,40
Endorsement of diversity	8	0,20	7	0,35	1	0,05
Can be expressed in kindness	16	0,40	10	0,50	6	0,30
Can be expressed in friendliness	18	0,45	12	0,60	6	0,30
Can be fostered	14	0,35	10	0,50	4	0,20

Таким образом, для женщин наиболее актуальными являются такие признаки, как «Allowance of diversity of self-expression» (95%), «Acceptance of diversity of self-expression» (80%), «Respect for diversity» (65%) и «Peaceful coexistence» (65%). Для мужчин наиболее актуальными являются такие признаки, как «Allowance of diversity of self-expression» (85%), «Acceptance of diversity of self-expression» (70%), «Respect for diversity» (65%), а также «Is expressed towards other people» (65%), «Is expressed towards a person» (65%).

В целом, наиболее актуальными признаками для носителей английского языка являются «Allowance of diversity of self-expression» (90%), «Acceptance of diversity of self-expression» (75%) и «Respect for diversity» (65%).

В результате исследования выяснилось, что для подавляющего большинства русскоязычных анкетируемых наиболее актуальными оказались такие признаки концепта **«толерантность»**, как *снисходительность, мягкость по отношению к другому 150 (67,8%)*, *способствует преодолению конфликтов 118 (53,3%)*, *готовность мирно сосуществовать с другим 118 (53,3%)*, *почтительное отношение 112 (50,6%)*, *сдержанность 102 (45,9%)*. Большинство англоязычных анкетируемых выделяют такие признаки концепта **«tolerance»**, как *allowance of diversity of self-expression (допущение многообразия самовыражения) (95%)*, *acceptance of diversity of self-expression (принятие многообразия самовыражения) (80%)*, *respect for diversity (почтительное отношение к многообразию) (65%)* и *peaceful coexistence (мирное сосуществование) (65%)*.

Таким образом, анкетирование свидетельствует о полном различии ядерных признаков данных концептов в русскоязычном и англоязычном языковом сознании.

Е.В.Никифорчук

Гендерные исследования и лингвистическая гендерология

В настоящее время все мировое сообщество переживает сложный процесс глобализации, трансформирования экономических, социально-политических, духовно-моральных отношений. Приоритетной задачей сегодня является обеспечение выживания человечества, и гендерные исследования играют в ее решении существенную роль.

Под влиянием глобализации во всех сферах общественной жизни происходят существенные изменения. К настоящему времени сложилось несколько гендерных моделей, и женщины в них играют разные роли. Споры о недостатках и преимуществах каждой из них продолжаются до настоящего времени. Социальная политика посредством различных механизмов социального, правового, психологического плана, через социальные гарантии, социальные права, практики обеспечения прав и свобод влияет на гендерное равенство. Особым направлением исследования является анализ современных гендерных отношений в России, где сильны биологизаторские, патриархальные представления о женщинах.

Проблеме «гендера» и современным гендерным отношениям в настоящее время уделяется большое внимание в философии, социологии, политологии, психологии, экономической науке.

В первую очередь следует назвать работы ученых Московского центра гендерных исследований Института социально-экономических проблем народонаселения РАН М.Ю. Арутюнян, М. Е. Баскаковой, О. А. Ворониной, Н.П. Космарской, М.М. Малышевой, Е.Б. Мезенцевой и др.

Большая работа в области гендерных проблем проведена такими исследователями, как С.Г. Айвазова, В.В. Бодрова, Е.В. Кириченко и др.

Значительное внимание вопросам пола и гендерных отношений уделено в психологических исследованиях современных гендерных теорий (Х. Гарфинкель, Э. Гидденс), современными специалистами в области исследования семьи (Т.А. Гурко, И.С. Кон, Н.Л. Пушкарева).

Гендерные исследования - обширное научное направление, разделяющиеся на гендерную социологию, гендерную психологию. Существует гендерный подход в философии, гендерную экономику, гендерную политологию, гендерное образование и гендерную лингвистику.

Рассмотрим более подробно гендерную лингвистику.

Гендерная лингвистика (лингвистическая гендерология) — научное направление в составе междисциплинарных гендерных исследований, при помощи лингвистического понятийного аппарата изучающее гендер (социокультурный пол, понимаемый как конвенциональный конструкт, относительно автономный от биологического пола).

Становление и интенсивное развитие гендерной лингвистики приходится на последние десятилетия XX века, что связано с развитием постмодернистской философии и сменой научной парадигмы в гуманитарных науках.

В самом общем плане гендерная лингвистика изучает две группы вопросов.

1. Отражение гендера в языке: номинативную систему, лексикон, синтаксис, категорию рода и ряд сходных объектов. Цель такого подхода состоит в описании и объяснении того, как манифестируется в языке наличие людей разного пола, какие оценки приписываются мужчинам и женщинам и в каких семантических областях они наиболее распространены, какие лингвистические механизмы лежат в основе этого процесса.

2. Речевое и в целом коммуникативное поведение мужчин и женщин: исследуется, при помощи каких средств и в каких контекстах конструируется гендер, как влияют на этот процесс социальные факторы и коммуникативная среда (например, Интернет). В этой области до настоящего времени конкурируют теория социокультурного детерминизма и теория биодетерминизма.

В последние годы наблюдается разнообразие методологических подходов к изучению гендера, восходящее к различному пониманию его сущности и дискуссиям сторонников био- и социодетерминизма. Особенности гендерного концепта в разных языках и культурах, их несовпадение, а также последствия этого несовпадения в межкультурной коммуникации также представляют интерес для ученых. Полученные в ряде исследований данные позволяют сделать вывод о неравной степени андроцентризма различных языков и культур и различной степени эксплицитности выражения гендера.

Современные гендерные исследования в лингвистике сконцентрированы на трех проблемных блоках: социальной природе мужских и женских языков, особенностях мужского и женского речевого поведения, исследовании концептов в гендерном аспекте. Прежде всего описанию подвергаются концепты «Мужчина» и «Женщина», как они представлены в разных культурах и языках.

Сегодня можно утверждать, что в российском языкоznании сложилось собственное, несколько отличное от западных течений, научное направление по изучению гендерных аспектов языка и коммуникации — лингвистическая гендерология, или гендерная лингвистика. Свидетельством тому может служить появление значительного количества публикаций по гендерной проблематике на материале не только западных,

но также русского и других языков, ранее не подвергавшихся анализу с гендерной точки зрения.

Особенность развития гендерных исследований последних лет — это специализация и применение гендерного подхода в области частнонаучных исследований. В лингвистике этот процесс проявляется в первую очередь в росте числа кандидатских и докторских диссертационных исследований по гендерной проблематике. Появились первые в отечественном языкознании монографии, посвященные лингвистическим аспектам гендера (например, Кирилина 2003).

Одним из признаков укрепления позиций лингвистической гендерологии как самостоятельного научного направления можно считать появление ряда работ методологического характера, в которых поставлен вопрос о применении гендерного подхода в обучении межкультурной коммуникации (Халеева 2001), рассматриваются проблемы разработки общенаучных подходов к изучению гендера в лингвистике, сформулированы частнонаучные задачи исследования гендерных аспектов языка и коммуникации и перспективы дальнейшего научного поиска. Освещаются терминологические проблемы лингвистической гендерологии: вышел первый «Словарь гендерных терминов» (2002); возрос интерес к лексикографической проблематике гендера, что свидетельствует о повышении уровня теоретической разработанности новой научной дисциплины. Вместе с тем отмечается недостаточная разработанность методологической базы, терминологической системы, специальных методик исследования гендера. Значительную сложность представляет и то обстоятельство, что традиционные гендерные стереотипы оказывают воздействие на сознание исследователя, в ряде случаев влияя на интерпретацию данных. Например, стандартное представление о том, что женщины более эмоциональны, чем мужчины, приводит к тому, что одни и те же формы речевого поведения у мужчин интерпретируются как нейтральные, а у женщин — как эмоциональные.

Воронина О.А. Теоретико-методологические основы гендерных исследований // Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций. - М., 2001. - С. 13-106.

Горошко Е.И. Языковое сознание: гендерная парадигма. - М., 2008.

Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. - М., 1993. - С. 90-136.

Каменская О.Л. Гендергетика – наука будущего // Гендер как интрига познания. - М., 2002. - С. 13-19.

Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. - М., 2003.

Малишевская Д. Концепты в свете гендерного подхода (на примере оппозиции мужчина/женщина) // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999.

Халеева И.И. Гендер в теории и практике обучения межъязыковой коммуникации // Гендер: язык, культура, коммуникация. - М., 2001. - С. 7–11.

Ярская-Смирнова Е.Р. Женские и гендерные исследования за рубежом // Словарь гендерных терминов. - М., 2008. - С.100-103.

Когнитивное исследование русской фразеологии

(на материале фразеологизмов с компонентом «числительное»)⁵

Когнитивный подход чрезвычайно плодотворно разрабатывается в современной отечественной лингвистике (Бабушкин 1996, Кубрякова 1996, Лихачев 1997, Степанов 1997, Арутюнова 1998, Алефиренко 2000, Попова, Стернин 2001 и др.). Он базируется на основе связи языка и мышления, отображающего разные структуры знаний, формы их существования в концептосфере и способы репрезентации в языке. Процессы категоризации и концептуализации познающим человеком окружающей действительности рассматривается когнитивистами как основа для осмыслиения человеком той или иной информации.

Многие авторы обращают внимание на необходимость разграничивать когнитивный (мыслительный) концепт, состоящий из компонентов (концептуальных признаков) и вербализованный (языковой) концепт, состоящий из набора сем. «Языковые концепты выступают как средство и способ репрезентации когнитивных процессов в лингвистических структурах, но не представляют концепт полностью» (Попова, Стернин, 2001).

Выделяются следующие разновидности концепта: конкретно-чувственный образ, представление, концептосхема, пропозициональная структура, гештальт, фрейм, сценарий (Бабушкин, 1996).

Когнитивная лингвистика позволяет исследовать не только лексику, но и другие языковые единицы, в частности, фразеологию. Этой проблемой занимаются многие лингвисты (Н.Ф. Алефиренко, Л.В. Ковалева, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.Н. Телия и др.)

В ряде работ по фразеологии и раньше уже изучался механизм образования ФЕ, процесс развития фразеологического значения (см., например, Гвоздарев, 1977). Когнитивный подход дал ученым инструмент, понятийный аппарат для изучения механизма фразеообразования.

Исследование фразеосочетаний в когнитивном аспекте позволяет анализировать процессы, которые протекают при развитии фразеологических значений из свободных словосочетаний, выявлять когнитивные процессы, связывающие свободные словосочетания с фразеологическими, выяснить основания этих связей. Так, в монографии Л.В. Ковалевой «Фразеологизация как когнитивный процесс» (Ковалева, 2003) развитие фразеологического значения у фразеосочетаний,

⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта НИЧ 9022 темплана ВГУ 2009-2010 гг. «Теоретические основы лингвокогнитивного описания языков и коммуникативных культур».

включающих названия бытовых реалий, осмысленно как формирование абстрактных концептов в ходе познания человеком окружающей действительности. В денотативной ситуации сознанием выделяются отдельные признаки, которые мотивируют развитие фразеологического значения. Процесс идет от наглядно-чувственного образа к абстрактному и входит в концептосферу в качестве целостной структуры – концепта, репрезентируемого фразеологизмом. Образование фразеологического концепта чаще всего характеризуется образно-метафорическим переходом, что обусловлено общечеловеческими формами мыслительной деятельности (Ковалева, 2003).

В работах Н.Ф. Алиференко, который ведет поиск сущности фразеологизма с точки зрения деятельностиной концепции Л.С. Выготского, основной категорией при определении когнитивной сущности фразеологизма также считается концепт – «когнитивная структура», способ представления знаний, их своеобразная упаковка в нашем сознании. «Универсальным упаковочным форматом для знаний, объективированных ФЕ, служит концепт – особым образом структурированное содержание акта сознания: воплощение в содержательной форме образа познаваемого предмета. В зависимости от типа фразеологической номинации концепт – инвариантная когнитивная структура – варьируется» (Алиференко, 2006, с. 280).

Ряд ученых говорит об особенностях фразеологического концепта. Фразеологизм имеет свои, отличные от слова, признаки. Прежде всего это идиоматичность, когда смысловое содержание ФЕ оказывается больше суммы составляющих ее слов. Как отмечают исследователи, некоторые из фразеологизмов соотносимы по информационному объему со свернутым текстом. Значит, и когнитивные механизмы их формирования имеют свою специфику. Е.Г. Беляевская считает, что процессу концептуализации в ходе формирования идиомы подвергается образное представление, служащее источником ее значения. Живой зрительный образ превращается в гештальт, если этот образ концептуализируется и в нем выделяется «концептуальный фокус» («вершинный признак» в концепции В.Н. Телии или мотивировочный признак» по З.Д. Поповой). Например, в английском *to be in low water* – быть без денег, концептуальным фокусом фразеологизации, превращающим хорошо известный из эмпирического опыта образ (ср. русское *быть на мели*) во фразеологический гештальт, является идея затрудненного движения при недостаточной для плывущего объекта глубине. Концептуальный фокус фразеологизации «задается» семантикой компонента *low* (Беляевская 2006, с.4). Автор высказывает интересную мысль о том, что слова-компоненты идиомы, наиболее близкие к концептуальному фокусу фразеологизации, могут выступать в качестве слова-компонента других идиом и при этом могут быть основой для формирования других фокусов фразеологизации.

Когнитивное понимание закономерностей формирования фразеологического значения – это понимание тех когнитивных процессов,

которые лежат в основе структурирования знаний в сознании человека. При этом нужно учесть, что фразеологическая номинация - это, как правило, номинация вторичная. То есть присутствует первичный и вторичный денотаты, знания о которых структурируются разными способами. Первоначально нужно выявить структуру знаний о первичном денотате (денотативной ситуации), объективированной в первичном значении фразеосочетания (Д1Д1). Затем – структуру знаний о вторичном денотате - коннотативной ситуации, объективированной фразеологизмом (К1К1), а также основания связей между фразеосочетанием и фразеологизмом: ассоциативные, психолингвистические, этнолингвистические, культурные и другие, а также специфику представления знаний во фразеологическом значении.

Как видно из сказанного выше, существуют разные подходы к выявлению когнитивной сущности фразеологизмов. Установить особенности когнитивных механизмов образования фразеологизмов и их употребления в речи – задача когнитивной фразеологии.

Рассмотрим механизм формирования фразеологического значения и те когнитивные процессы, которые этому сопутствуют, на примере русских фразеологизмов (далее – ФЕ), включающих в свой состав компонент «числительное».

Число - одно из основных понятий для выражения идеи количества. В качестве важнейшего математического понятия число зародилось в глубокой древности и постепенно подвергалось расширению и обобщению, идя от первобытного конкретного счета к осознанию числа вообще, независимо от свойств конкретных предметов. Постепенно в математике возникли целые и дробные числа, целые положительные и отрицательные, рациональные и иррациональные, мнимые, комплексные числа. Во фразеологии же материально представлены лишь целые числа (обычно, первого десятка).

При этом сама категория количества по-разному структурирована в математике и языке. На это обратил внимание еще А.И. Бодуэн де Куртенэ, который впервые стал рассматривать разного рода количественные явления в языке как нечто целое. Он отметил две существенные особенности языкового и математического выражения количества: с одной стороны, наблюдается известное дублирование соответствующих математических и языковых показателей и с другой – несомненная нетождественность математической и языковой категоризации идеи количества.

В языке количественные отношения, сама идея количественности (концепт количества) соотносится с целым рядом подчиненных ей понятий: порядковость, собирательность, многократность, интенсивность, множественность.

Рассмотрение различных языковых выражителей идеи количества в языке как некоего единства получило свое дальнейшее развитие в рамках функциональной грамматики. Среди разноуровневых средств языка,

входящих в функционально-семантическое поле количественности, исследователи выделяют два морфологических центра – число имен существительных и грамматический класс числительных. Периферию поля образуют разнообразные (в плане частеречной принадлежности) слова: *четверть, несколько, вдвоем, трижды, исписать, надышаться*; количественно-именные сочетания: *двоев детей, четыре раза, тринадцать штук и др.*

Нас интересует один из морфологических центров функционально-семантического поля «количество» – имена числительные и их роль во фразеообразовании. Они часто используются во фразеологизмах и позволяют нам проследить (хотя и фрагментарно), как развивалась система счета.

Вести счет люди научились не сразу. Это отразилось во фразеологизмах *нет счету, несть числа, без числа, не меряно, Бог (черт) знает сколько*. Первоначально люди обозначали только некоторое небольшое количество конкретных предметов.

Мы говорим «*две штуки*» только о неодушевленных предметах. Это остатки первобытного конкретного счета в нашем языке. То же можно сказать и о слове «*сорок*». Сорок было мерой числа шкурок пушного зверя, помещавшихся в одном мешке – сороке (по другой версии, необходимых для пошива одной шубы). Оно равнялось примерно четырем десяткам. Слово «*сорок*» как заменитель числа «четыредесят» вошло не сразу. *Сорок сороков* церквей, о которых говорится при описании Москвы в летописях, – не точное число, а мера множественности построек.

Современная система имен числительных русского языка базируется на десятеричной системе счисления: словами мы обозначаем только числа от одного до десяти, а одиннадцать уже один на десять, двенадцать – два на десять и т. д.

Однако в языке сохранились и более древние системы счисления, которыми пользовались наши предки. Так, в сказочном «*за тридевять земель в тридесятом царстве*», то есть очень далеко, мы встречаемся с остатками существовавшей ранее девятеричной системы счисления (счета на девятки). Тридевять – это 27, тридесять – это 30.

Во фразеологии есть и другие примеры древнего представления о том, что большое число – это очень много, больше не бывает. Слова *тьма* (*тьма тьмущая, тьма народа*), *легион* (*имя им – легион*) в прежние времена были наименованиями определенных чисел.

Числа представляли для наших предков область тайного, сакрального.

Они имели соответствие буквам алфавита, соотносились с другими числами, зашифровывались, были символами. Философ Сергей Волконский в книге «*Быт и бытие*» писал: «Чет – быт, нечет – бытие». Нечетность символизировала незавершенность, непрекращающийся процесс, постоянное продолжение. Это было положительной оценкой всего того, что не имеет конца, что относится к области вечного. Поэтому

у русских принято дарить на праздник нечетное количество цветов, а на похороны приносить четное.

Были у русских любимые и нелюбимые числа. К любимым относили числа «три» и «семь».

Еще одно народное поверье русских связано с числом «тринадцать». Его называют *чертовой дюжиной* (дюжина - 12). По народным поверьям число «тринадцать» считается несчастливым, приносящим несчастье.

Народные представления отразились в русских фразеологизмах с числительными, которые представляют собой достаточно многочисленную группу. В нашем материале собрано около 300 подобных единиц. Например: *абсолютный нуль, один как перст, два сапога – пара, в трех соснах заблудиться, (идти) на все четыре стороны, сделать на пять, улыбка – шесть на девять, семь (десять) шкур спустить (содрать), восьмое (седьмое) чудо света, ехать на одиннадцатом номере, тридцать три несчастья, сорок сороков, сто лет в обед, тысяча чертей и др.*

С точки зрения участия во фразеологических номинациях, все числительные делятся на следующие группы: 1) числительные, отличающиеся богатой фразеообразовательной активностью, 2) числительные, ограниченно употребляющиеся во фразеологизмах, 3) числительные, фразеологизмы с которыми отсутствуют.

К первой группе - числительные, отличающиеся богатой фразеообразовательной активностью (с ними обнаружено не менее 10 ФЕ) можно отнести числительные *один (первый), два (второй, оба), три (третий), пять (пятый), семь (седьмой)*.

Ко второй группе - числительные, ограниченно употребляющиеся во фразеологизмах (с ними в нашем материале обнаружено до пяти, а обычно 1-2 ФЕ) относятся числительные *четыре (четвертый), шесть (шестой), восемь (восьмой), девять (девятый), десять (десятый), сорок (сороковой), сто (сотый), тысяча (тысячный)*.

Остальные русские числительные относятся к третьей группе - числительные, фразеологизмы с которыми отсутствуют. Таких числительных достаточно много, но среди наиболее нагруженных числительных первого десятка во фразеообразовании не все из них в одинаковой степени активны. Единичны фразеологизмы с лексемами *четыре, шесть, восемь, девять*. То есть в обыденной жизни русского человека и общества не все числительные востребованы, не все важны для человека.

Больше всего ФЕ с числительными *один (первый), два (второй, три (третий), пять (пятый), семь (седьмой), а также с числительным сто (сотый) и тысяча (тысячный)*.

Рассмотрим одну из фразеологических групп – обороты, включающие количественное числительное «один» и соответствующее ему порядковое числительное «первый». Это самое активное во фразеообразовании числительное, оно употребляется в большом количестве фразеологизмов.

Семантическая структура числительного *один* достаточно сложна. Семантина этого многозначного слова включает 9 семем. Причем количество и число оно обозначает только в прямом номинативном значении Д1 (по терминологии З.Д. Поповой и М. М. Копыленко), где и выступает в значении числительного, а остальные семемы лексемы «один» » выполняют функции прилагательного и местоимения.

Основное значение числительного «один» во фразеологизмах с ним – тот же самый, тождественный, **одинаковый**. Этот концептуальный признак лежит в основе большой группы фразеологизмов:

Одного поля ягода (ягоды), одного дуба желуди, одной масти (шерсти), под одну масть (шерсть), одного помету, одной породы, одной стати, на одно лицо, одна шатия, на один покрой, на одну колодку, одним лыком шиты, из одного материала (скроены), одного сукна епанча, из одного теста (сделаны), в одной каше вариться, в одном котле вариться, жить под одной крышей, один к одному, на один лад, на один салтык, под одну гребенку стричь, одним миром мазаны, один черт, одна сатана, ставить на одну доску с кем, привести к одному знаменателю, все как один, одной веревочкой связаны, звенья одной цепи, две стороны одной медали. (Этот же признак есть одинаковости есть и во ФЕ с лексемой «два»: *два сапога – пара, похожи как две капли, два брата акробата*).

Разнообразные жизненные ситуации, описанные во фразеологизмах, имеют общую мотивированную идею - идею одинаковости людей. По мысли создателей фразеологизмов, разные люди, если они принадлежат к одному роду, кругу, сообществу, обладают одними и теми же качествами, чаще всего одинаковыми недостатками. Предполагается, что лица чем-то связанные между собой: родством, сходной судьбой, религией, условиями жизни, жизненным опытом и т. д., имеют похожие взгляды на жизнь, сходное поведение, характер, а иногда даже и внешнее сходство. Чаще всего у них общие негативные проявления, общие слабости, недостатки.

Метафорически люди уподобляются, например, плодам, выросшим на одной земле или на одном дереве, пище, приготовленной одним способом из одинаковых продуктов, одежде и обуви, сделанным из одинакового материала и по одному образцу и т. д.

Так, во ФЕ *из одного теста (сделаны)* в основе создания образа лежит метафора - человек сравнивается с пищевым продуктом. В древности совместный акт приема пищи был ритуалом, знаком приобщения человека к роду, что должно было привести людей одного рода к гармонии и единству. Продукты из теста (хлеб, каравай, блины и т. д.) использовались как обрядовая пища на праздниках (масленицы, Святок, Пасхи, свадьбы.) Они символизировали зачатие, вынашивание и рождение. Была старая русская традиция: при замешивании опары для хлеба в нее добавляли немного старого кислого теста, оставленного от предыдущего замеса и сохраняемого в воде. Это заквашивало тесто, то есть воздействовало на него, придавая ему сходство с предыдущим замесом.

Прототипическая ситуация такова: человек, готовя, пищу по одному рецепту и используя одинаковые продукты, получал одинаковые изделия. Эта ситуация получила наименование в виде фразеосочетания «*из одного теста (сделаны)*» (Д1Д1). Затем тесто персонифицировалось, отождествлялось с человеком. Закваска же могла быть символически осмысlena как воздействие, влияние на кого – либо как в плохом, так и в хорошем смысле. В результате метафоры выражение *из одного теста сделаны* стало относиться уже не к кулинарным изделиям, а к людям, сначала – общего происхождения, имеющим семейное сходство. Затем в результате обобщения, абстрагирования – просто к людям одной социальной, политической, профессиональной сферы, объединенных общей идеологией, деятельность, общностью пола, места проживания, общественного статуса, общностью возможностей и вообще к людям, имеющим сходство в поступках и характерах. Возник фразеологизм «*из одного теста (сделаны, созданы, вылеплены)*» (К1К1).

Мои отношения с «агентами» сложились самым наилучшим образом. Как-никак мы вылеплены из одного теста: все биты – ломанные, выброшенные на обочину (Л. Пучков, Кровные-2).

Компонент «один» выступает здесь как символ одинаковости, целостности. Такова же его функция и во фразеологизме *одним миром мазаны*, то есть одинаковы, один не лучше другого. Этот оборот восходит к христианскому таинству миропомазания, во время которого участников, людей одной веры, мажут миром (мирром) – специальным освященным благовонным маслом. В основе образа лежит представление о разных людях как об одном целом. Согласно религиозным взглядам, все люди грешны и поэтому равны между собой. В церкви, в дороге, в бане – в местах объединения людей, где теряется их индивидуальность, человек ведет себя так же, как все, как один мировой человек. Принадлежность людей к одному кругу, одной религии переосмысливается как их сходство (обычно, в негативных проявлениях).

Таким образом, первоначально человек увидел и обозначил фразеосочетанием *одним миром мазаны* (Д1Д1Д1) следующее явление: в церкви всех верующих мажут одним мирром. Это знак того, что собравшиеся – люди одной веры. Затем эта прототипическая ситуация была осмысlena и ей были приписаны следующие признаки: в церкви все люди ведут себя одинаково и с ними обращаются одинаково, все они равны, одинаковы, потому что грешны. И, наконец, идет абстрагирование от конкретной ситуации – миропомазания в церкви, обобщение ее: все люди одинаковы, один не лучше другого. Возникает вторичная номинация – фразеологизм *одним миром мазаны* (К1К1К1) – все одинаковы, один не лучше другого.

Например: Ноне все грешные, так что судить некого. Нету таперича ни одного правильного человека – *все одним миром мазаны* (Учительская газета, 2003).

Образы, лежащие в основе этой группы фразеологизмов, различны, но все они связаны с представлением о разных людях как о едином целом. Это и есть концептуальный фокус фразеологизации (Беляевская), который задается семантикой компонента «один». Этот концептуальный фокус лежит в основании концепта «одинаковое поведение разных людей», репрезентируемого данными фразеологизмами. То есть количественную сему, присутствовавшую у компонента «один» изначально, сменила сема качественной оценки.

Коннотативная сфера, репрезентируемая данными фразеологизмами, сходна: дается **оценка** (чаще неодобрительная) **людей**, имеющих какие-либо одинаковые качества, а денотативные сферы, на основе которых осмысляется и категоризуется сфера коннотативная, разнообразны. Это наблюдения над жизнью **природы** (*одного поля ягода (ягоды), одного дуба желуди*), опыт содержания **домашних животных** (*одной масти (шерсти), под одну масть (шерсть), одного помету, одной породы*), приготовление **пищи** (*из одного теста (сделаны), в одной каше вариться, в одном котле вариться, шитье одежду*) (*из одного материала (скроены), одного сукна епанча*), шитье **обуви** (*на одну колодку, одним лыком шиты*), наблюдения над **внешним видом и поведением людей** (*под одну гребенку стричь, одной стати, на одно лицо, одна шатия*), посещение **церкви** (*одним миром мазаны*), свадебные обряды (*ставить на одну доску с кем*), а позднее – сфера **науки** (*привести к одному знаменателю*). Эти денотативные ситуации оказались важны для русского человека, были зафиксированы его сознанием, обобщены, переосмыслены и репрезентированы в языке.

Следующий логический шаг – движение мысли от одинакового к единому: имеют в чем-то сходство – значит, они друг с другом заодно, едины. Если люди похожи, одинаковы, то, скорее всего, они будут заодно в различных ситуациях жизни. Во фразеологизмах: *в одну дуду дудеть, петь в один голос, говорить на одном языке, быть в одной упряжке, быть в одной связке, быть в одной лодке, все как один, быть в одну точку*, лексема «один» несет идею **единения, единства**, одного целого.

Например: *Хижняк и Алехин закричали из кабинки в один голос – женищина обернулась. В. Богомолов. В августе сорок четвертого.*

Другое остановило меня в старых газетах: все они в один голос утверждали, что ихууну ждет неизбежная гибель. В. Каверин. Два капитана.

Здесь мы наблюдаем две ступени фразеологизации: от первоначального пения в один голос, то есть в унисон через метонимическое отождествление голоса по смежности с высказыванием, суждением, мнением и с обладателем голоса – человеком, а затем – любого (в том числе и неодушевленного) выражителя общего мнения. Единство, единодушие говорящих здесь символизирует компонент «один». Это и есть мотивировочный признак фразеологизма.

Выделяющийся из группы человек одинок, ему трудно и плохо одному: (*один как перст, один-одинешенек, один как сыр*). Здесь компонент «один» символизирует непохожесть, инаковость.

Таким образом, в основе группы фразеологизмов с лексемой «один» лежат древнейшие архетипические оппозиции «**свой**» - «**чужой**», «**одинаковость**» - «**инаковость**».

И, наконец, еще одна значительная группа фразеологизмов с числительным «один» реализует у числительного сему «**мало**». Таковы фразеологические обороты: (*еды*) *на один зуб*, (*победить*) *одной левой, хоть одним глазком увидеть, одним словом, одно слово – дрянь, одно звание, ни одна собака (не узнает), ни в одном глазу (сна, выпивки), (съесть) за один присест, одну минутку (секунду), в один миг (минуту), в одно мгновенье, одним духом, одна нога здесь - другая там, одни кости, семеро одного не ждут, один с сошкой, а семеро с ложкой, как одна копейка и др.*

Первоначальное значение описываемых ситуаций связано с положением числительного один в ряду других чисел первого десятка: оно начинает ряд чисел и является самым меньшим из них (о значении цифры ноль здесь мы не говорим). Во фразеологизмах лексема «один» употребляется для обозначения маленького количества какого-либо конкретного (неодушевленного или одушевленного) предмета: (*еды*) *на один зуб, одни кости (тела), как одну копейку (денег), хоть одним глазком увидеть, ни в одном глазу (сна, выпивки) (часть лица – глаза,)* (*семеро одного не ждут, один с сошкой, а семеро с ложкой (человек)*). Затем речь начинает идти о маленьком количестве времени – быстро: (*съесть*) *за один присест, одну минутку (секунду), в один миг (минуту), в одно мгновенье, одним духом, одна нога здесь - другая там*. И, наконец, развивается значение «мало слов, коротко»: *одним словом, с первого слова, одно слово – дрянь*.

Порядковое числительное «первый», соответствующее количественному «один», как уже было отмечено выше, соотносится с архетипической идеей начала. С числительного «один» начинается счет. Значит, это начало отсчета однородных предметов или явлений. Но во фразеологизмах с числительным «один» идея начала не реализуется. Она передается числительному «первый». Так, во фразеологизмах: *с первого взгляда, с первых слов, первая ласточка, первый блин комом, первым делом, перво-наперво, первым долгом, в первую голову, на первых порах, на первое время, по первому разу, первый звоночек, и др.* реализуется идея начала какого-либо события, явления, действия. (Сравним: *стоять одной ногой в могиле* – начало конца. Многим из этих фразеологизмов противостоят обороты с прилагательным «последний», например, *в последнюю очередь, последний крик моды, до последнего издохания*.

Активное использование лексемы «первый» во фразеологии объясняется древними представлениями, когда все первое так или иначе связывалось с жертвой, в качестве которой использовались первые плоды, первые животные в приплоде, первые самостоятельные изделия ребенка.

Отсюда представление о том, что все первое – дела, поступки, встречи, слова, вещи - имеет сакральный характер, мистическую значимость. В зависимости от того, как они прошли, складывался дальнейший ход событий.

Так, у славян был обычай совершать различные магические обряды при встрече первой ласточки весной. В. Даль пишет: «Кто при первой ласточке умоется молоком, бел будет». Во фразеологии отразилось представление о ласточке как о птице, прилет которой связан с началом весны. Были и другие птицы, прилетавшие весной (грачи, скворцы), но сознание народа сделало символом начала весны именно ласточку – птицу красивую, нарядную, живущую недалеко от человека. Фразеологизм «первая ласточка» получил значение «первое проявление чего-либо, предвестник». И как в ряду чисел, где за небольшим следует большее, так и значение фразеологизма предполагает за этим первым событием ряд последующих, в которых новое явление получит широкое распространение. Например: *Пушкинский театр был первой ласточкой в области организации частных театральных предприятий. Ю. Юрьев. Записки.*

Первое событие не всегда оказывалось совершенным, это и понятно: человек еще не имел опыта в такого рода дела. Если же неудача случалась, то в качестве утешения могли сказать: «*Первый блин комом*», – то есть первые результаты самостоятельной работы не всегда удачны. Денотативная ситуация берется из бытовой сферы – приготовления пищи, а коннотативная описывает поведение человека.

Еще один мотивировочный признак порядкового числительного «первый» во фразеологизмах – «лучший, главный». Это наглядно проявляется во фразеологизмах: *слышать из первых уст, получить из первых рук, звезда первой величины, быть на первых ролях, на первом плане, первый сорт, первый номер, в первую голову, первый парень на деревне, первый среди равных, первая леди, играть первую скрипку, право первой ночи и т. д.* Рассмотрим появление фразеологического значения у фразеосочетания «из первых рук». Денотативная ситуация, которая переосмысливается в процессе мыслительной деятельности, связана с торговлей: товары удобнее было покупать у тех, кто их произвел, так как, проходя через руки перекупщиков, товары дорожали и при этом теряли в качестве. Сфера торговли, на базе которой возникло фразеосочетание, заменилась на сферу «интеллектуальная деятельность», когда материальным продуктам деятельности человека (товару) стали уподобляться продукты его интеллектуальной деятельности: информация, сведения, новости и т. д. Образ, номинирующий коннотативную ситуацию, метафоричен и содержит противопоставление: первый (надежный, качественный, лучший) – непервый (потерявший в качестве, не такой хороший). Получить из вторых, третьих рук – значит получить нечто из источника, который может оказаться недостоверным или даже не может быть признанным достоверным.

Таким образом, числительное «один»/ «первый» во фразеологизмах является носителем следующих архетипических идей: **начало, лучший, одинаковый, единый, малый**.

К числительным, которые во фразеологизмах называют **малое количество** (и как следствие этого - простоту и легкость), примыкают и обороты с числительным «два»: *как дважды два* (эталонная мера ясности, простоты и доказательности чего-либо, просто, легко), *в два счета* (очень быстро), *в двух шагах* (рядом), *в двух словах* (коротко), *раз, два и обчелся* (мало), *двух слов связать не может* (плохо говорит). Например: *Перелома у тебя нет. Не бойся. Простой вывих. Вправят в два счета.* С. Антонов. *Дело было в Пенькове.* В данных ФЕ мотивирующий признак - немного, а потому легко и просто – связан с представлением об элементарности и легкости самого простого счета – до двух, являющегося мерой простоты, отсутствия затруднений при выполнении какого-либо действия, пространственной и времененной близости.

Однако лексема «два» во ФЕ приобретает и прямо противоположное значение - **много**, например, во фразеологизме *убивать сразу двух зайцев* – то есть одновременно выполнять два нужных, важных дела. Здесь описывается коннотативная ситуация, когда для двух, обычно разных, дел используется одно средство.

Следовательно, основная идея, которую передает лексема «два» во фразеологии – **мало**, но у этого числительного уже появляется и противоположная идея - **много**. Этот же переход мы наблюдаем и в случаях, когда во ФЕ используется числительное «три», но крен здесь уже в сторону идеи много.

Три - совершенное число, образ динамической целостности, основной константы социальной организации. Ср., например, три сферы Вселенной, Божественная Троица, три кита, на которых, по поверью стояла земля, троекратный повтор в народных сказках (три героя, три дороги и т. д.). Во фразеологизмах «три» иногда выступает как вариант лексемы «два»: *двух/трех слов связать не может, в двух/трех шагах*, но чаще она рассматривается как символ не маленького (*в трех соснах заблудился*), а большого количества: *видеть на три метра в землю, драть три шкуры, (наврать, наговорить, наобещать) с три короба, плакать в три ручья, ругаться в три этажа, выталкивать в три шеи, есть в три горла, видеть на три метра в землю, согнуться в три погибели, аллюр три креста.*

Например: *Много он на себя не берет, но он хозяин своему слову. Не то, что некоторые. Наврут с три короба, наобещают, а на самом деле только трепаться умеют.* Вампилов. *Старший брат.*

Компонент «три» издавна воспринимается как средство магически-ритуального усиления, придания фразеологизму особой экспрессии, образности. При этом часто возникает образ какого-либо действия, которое невозможно совершить. Так, денотативная ситуация, которая называется фразеосочетанием *содрать три шкуры*, заключается в следующем: после охоты с убитых зверей сдирали шкуры, они были ценным товаром, и

охотникам, конечно, хотелось получить шкур побольше. В коннотативной ситуации, названной фразеологизмом *содрать три шкуры*, на первый план выходят семы «получить нечто ценное в большом количестве». Значение этой ФЕ – безжалостно обирать, притеснять кого-либо, брать больше того, что человек может дать.

Таким образом, мотивировкой к возникновению оборотов с числительным «три» чаще всего является идея множественности.

Это же значение – **много** – развивает во фразеосочетаниях и числительное «семь»: *семь шкур драть, семь потов сошло, семи пядей во лбу, быть на седьмом небе от счастья, на семи ветрах, работать до седьмого пота, (наговорить) семь верст до небес (и все лесом), город на семи холмах, семь пятниц на неделе, за семью замками, книга за семью печатям, за семь верст киселя хлебать, (для бешеной собаки) семь верст не крюк, (для милого дружка) семь верст не околица седьмая вода на киселе, семеро по лавкам, семь бед – один ответ.*

Семь тут не является точным числом, а лишь обозначает неопределенно большое количество. Люди издавна заметили особое положение числа семь среди остальных чисел. Семь дней недели, семь нот, семь основных цветов, семь смертных грехов. Семь предметов невозможно ухватить одним взглядом – это уже много, их необходимо считать. Число семь, по данным современной науки, есть некий максимум запоминания человеком знаков. Семь – это пропускная способность нервной системы человека. Семь – самое маленькое из больших чисел. Магическая семерка в культуре разных народов мира имела значение максимума, предела, полноты, ограничения.

Лексема «семь» достаточно часто встречается во фразеологизмах и относится, как правило, к единицам времени или к человеку и его характеристикам.

Обращает на себя внимание тот факт, что в словарях даются варианты многих из названных фразеологизмов, где наряду с лексемой «семь» употребляются и другие лексемы со значением «большое количество»: *семь потов сошло – сто потов сошло, семь шкур драть – три, десять шкур содрать, быть на седьмом небе (от счастья) - быть на десятом небе (от счастья) и др.*

Видимо, многие из названных оборотов, отрываясь от реальности, гиперболизируют количество и в дальнейшем не важно семь или десять шкур содрать с человека, так как на самом деле шкура у него одна.

Иное основание для фразеологизмов дают числительные «четыре» и «пять».

Число «четыре» – образ статической целостности, идеально устойчивой структуры. Таковы, например, квадрат, четыре стороны света, четыре времена года.

Во фразеологизмах числительное «четыре» встречается исключительно редко, оно не релевантно для русского бытового сознания, несмотря на то, что В.Н.Топоров справедливо считает мотив четверичности числовой

константой структуры мира по вертикали и горизонтали (В. Топоров, 1998, с.111). Фразеологизм «на все четыре стороны (отпускать, уходить, идти» означает идти куда угодно, в любом направлении. Например: *Убийцу отпустили на все четыре стороны, и ни одна душа не упрекнула судей в несправедливости* А. Чехов. *Рассказ старшего садовника*.

В этом фразеологизме отразились наиболее древние формы представлений о мире, горизонтально разделенном на четыре стороны света. Если человек покидает свой мир – дом, то в чужом мире безразлично конкретное направление движения, он уходит в никуда, что равносильно движению по всем четырем направлениям. То есть основная идея, ставшая основой для ФЕ, - идея **множественности**.

Числительное «пять» в ряде ФЕ отталкивается от идеи устойчивости, которую дает вещам число «четыре» (квадрат). Так, ФЕ: *пятое колесо в телеге, пятая спица в колеснице, (нужен) как собаке пятая нога* имеют значение «ненужное, лишнее», так как четырех (колес, ног) уже достаточно для устойчивости.

Таким образом, с помощью чисел во фразеологизмах описывается количество, но оно носит не конкретный, а обобщенный характер, называется не точное, как в математике, число, а обобщенный количественный параметр: «много» - «мало». Вторичное, косвенное наименование во фразеологизмах с числительными опирается на метафору и метонимию, ассоциируется с означаемым первичной номинации по признаку сходства и смежности означаемых объектов. При этом признаки, бывшие важными при первичном наименовании, уходят на второй план, на периферию сознания. А признаки, периферийные при вторичной номинации, рассматриваются как основные.

При этой транспозиции «работает» чувственный опыт человека, опыт его предметно-практической деятельности, его знания о мире, культурные традиции, социальная значимость и типичность жизненных ситуаций.

Так, на начальном этапе познания, когда только формировалась сама категория числа и осуществлялась первичная категоризация, человек, соотнося предметы друг с другом в их количественном плане, сделал вывод о том, что предметов может быть один (мало) и много. Первоначально для обыденной жизни этого хватало. Затем он стал задаваться вопросом: «А сколько это, много»? В результате дальнейшего познания шла детализация и систематизация знаний и возникали числа. В языке им соответствовали первичные номинативные знаки – числительные (сначала количественные, затем порядковые) и другие слова с количественным значением. Сочетаясь с другими словами, они использовались в денотативном значении. В ходе дальнейшего познания человеком своего внешнего и внутреннего мира числительные расширяли свое значение, вступали в синтагматические связи. Шел второй этап познания, когда первоначально сложившаяся система концептов преобразовывалась. Составляющие ее перераспределялись с точки зрения важности для обозначаемого, среди компонентов первичного концепта

возникали новые связи и обобщения. К ним могли подключаться дополнительные знания (например, культурологического характера), характеризующие коннотативную ситуацию. В результате этих процессов возникал вторичный концепта и его объективация – фразеологическое значение.

Интересно, что числительные в составе фразеологизмов уходят от научной строгости и детализации. Мы наблюдаем, во-первых, невостребованность многих из них для формирования фразеологизмов (то есть математическая система числительных отсутствует во фразеологии), а во-вторых, обращение к более общим семам «много - мало», «единичный - общий», что характерно для первого этапа познания. То есть это снова уровень обыденного сознания. Но мы находимся на качественно новой его ступени. Прежде всего, числительное во фразеологизме, кроме количественной, приобретает и другие обобщенные семы: качественные, временные, пространственные.

И самое главное – они получают положительную или отрицательную оценку. Эти концепты - концепты второго уровня (по терминологии Алефиренко, «ономатопоэтические») - опосредуются фразеологизмами. Фразеологические концепты отражают лишь отдельные, не обязательно существенные признаки предмета, на первый план выходит их субъективное восприятие. В этом и заключается, на наш взгляд, специфика когнитивных механизмов формирования фразеологических концептов: они идут от частного к общему и включают субъективный подход как важнейшее средство концептуализации.

Фразеологические образы соотносятся с метрически - числовым кодом культуры, то есть с совокупностью имен, обозначающих числа, производимые с их помощью операции и измерения, специфические для них качественные, временные характеристики, которые выступают в роли знаков языка культуры. В данном коде числа предстают как элементы, с помощью которых описывается мир и человек. Они служат средством упорядочения и моделирования Вселенной. То есть числа окультурены человеком.

В составе фразеологизма они приобретают символический смысл.

Наличие во фразеологизмах числового кода позволяет, описывая мир и человека, давать ему самому, его словам, его действиям не только количественную, но и качественную характеристику. Образы фразеологизмов могут возникать из представления о числе как о способе отражения каких-то реальных свойств вещей, действительного, материального, существующего независимо от нашего сознания мира.

Часто во ФЕ с числительным мы встречаемся и с древнейшей мифопоэтической формой осознания мира, когда объекты предметного мира олицетворяются.

Включение числительных «один» /«первый», два /второй, три /третий, семь /седьмой в многочисленные фразеологизмы, во-первых, свидетельство их высокой моделирующей способности, а во-вторых,

семиотической (знаковой) нужды в них. Семантика этих компонентов задает концептуальный фокус фразеологизации и формирует целый ряд репрезентаций концептов «одинаковость», «единство», «начало», «лучший», «много» - «мало», «ненужный». Так, числа, преломленные в сознании человека, служат источником осмыслиения мира.

Алефиренко Н.Ф. Фразеологическое значение в свете когнитивной фразеологии // Проблема семантики языковых единиц в контексте культуры. Москва-Кострома, 2006. С. 8-12

Беляевская Е.Г. Проблема сложения смыслов при формировании семантики идиом (процесс фразеологизации в когнитивном аспекте) // Композиционная семантика Часть 2, Тамбов, 2002. С.4-6.

Ковалева Л.В. Фразеологизация как когнитивный процесс. Воронеж, 2004.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.

Топоров В.Н. Предыстория литературы у славян: опыт реконструкции. М., 1998.

Большой фразеологический словарь русского языка. Значение, Употребление. Культурологический комментарий. /Отв. Ред. В.Н. Телия. М. 2006.

Ю.В.Терновых

Концепт филолог по данным экспериментального исследования

Нами было проведено экспериментальное исследование концепта филолог в обыденном языковом сознании.

Испытуемым было предложено задание закончить фразу «Филолог – это...» (направленный ассоциативный эксперимент.) и вопрос «Чем занимается филолог», на который ИИ должны были ответить письменно в свободной форме.

Испытуемыми были нефилологи, люди разного пола и возраста, всего было опрошено 232 человека.

Полученные результаты были обобщены и обработаны методом когнитивной интерпретации (Попова, Стернин 2007).

**Обобщенные когнитивные признаки по убыванию частотности их
актуализации в экспериментах**

№№	Признак	Всего 232 ИИ
1.	Изучает языки, литературу; специалист в сфере изучения русского языка и литературы, языкоznания	59

2.	Преподаватель русского языка и литературы	32
3.	Обладает широкими знаниями в области русского языка	17
4.	Занимается русским языком и литературой	17
5.	Ученый	13
6.	Занимается изучением правописания слов	8
7.	Изучает фольклор	7
8.	Обучает других правильной речи и умению выражать свои мысли	7
9.	Изучает разговорную и письменную речь	6
10.	Изучает культуру нашего народа на основе языка и литературного творчества	6
11.	Получил образование на филологическом факультете	5
12.	Знаток русского языка и литературы	5
13.	Профессиональный литератор	4
14.	Обладает определенными философскими знаниями	4
15.	Пишет учебники по русскому языку	3
16.	Разбирается во всех тонкостях русского языка	3
17.	Посвящает языку всю свою жизнь	2
18.	Языковед	2
19.	Искусствовед	2
20.	Лингвист	2
21.	Занимается переводами	2
22.	Работает редактором, корректором	2
23.	Стремится преобразовать наш русский язык в самый красивый, выразительный и богатый язык	2
24.	Не дает погибнуть русскому языку	1
25.	Сохраняет языковые традиции	1
26.	Творческая натура	1
27.	Учит грамоте русского языка	1
28.	Может что-то большее	1
29.	Преподает филологию	1
30.	Деятель нации	1
31.	Учитель	1
32.	Собирает марки, коллекционирует	1
33.	Познает язык	1
34.	Изучает проблемы, которые интересуют население	1
35.	Врач	1

36.	Собирает сведения и отвечает на поставленные вопросы	1
37.	Проводит филологические семинары	1
38.	Готовит документацию в бизнесе	1
39.	Изучает происхождение слов	1
40.	Грамотно пишет и говорит	1
41.	Знает хорошо литературу	1
42.	Лингвист и филолог-отдельные специальности	1
43.	Изучает тексты древности и средневековья	1
44.	Изучает произношение, звучание, значение слов	1
45.	Учит правильно жить людей	1

Ядро концепта *филолог* в языковом сознании нефилологов составляют признаки (из 232 опрошенных):

Изучает языки, литературу; специалист в сфере изучения русского языка и литературы, языкоznания **59**

Преподаватель русского языка и литературы **32**

Ближняя периферия:

Обладает широкими знаниями в области русского языка **17**

Занимается русским языком и литературой **17**

Ученый **13**

Дальняя периферия

Занимается изучением правописания слов **8**

Изучает фольклор **7**

Обучает других правильной речи и умению выражать свои мысли **7**

Изучает разговорную и письменную речь **6**

Изучает культуру нашего народа на основе языка и литературного творчества **6**

Получил образование на филологическом факультете **5**

Знаток русского языка и литературы **5**

Профessionальный литератор **4**

Обладает определенными философскими знаниями **4**

Пишет учебники по русскому языку **3**

Разбирается во всех тонкостях русского языка **3**

Посвящает языку всю свою жизнь **2**

Языковед **2**

Искусствовед **2**

Лингвист **2**

Занимается переводами **2**

Работает редактором, корректором **2**

Стремится преобразовать наш русский язык в самый красивый, выразительный и богатый язык **2**

Крайняя периферия

Не дает погибнуть русскому языку	1
Сохраняет языковые традиции	1
Творческая натура	1
Учит грамоте русского языка	1
Может что-то большее	1
Преподает филологию	1
Деятель нации	1
Учитель	1
Собирает марки, коллекционирует	1
Познает язык	1
Изучает проблемы, которые интересуют население	1
Врач	1
Собирает сведения и отвечает на поставленные вопросы	1
Проводит филологические семинары	1
Готовит документацию в бизнесе	1
Изучает происхождение слов	1
Грамотно пишет и говорит	1
Знает хорошо литературу	1
Лингвист и филолог- отдельные специальности	1
Изучает тексты древности и средневековья	1
Изучает произношение, звучание, значение слов	1
Учит правильно жить людей	1

Таким образом, филолога обыденное языковое сознание преимущественно воспринимает как специалиста по русской литературе и языку, но также и как специалиста по литературе и языку вообще.

Филолог также преподаватель: преподает русский язык и литературу; обучает других правильной речи и умению выражать свои мысли .

Филолог – это знаток русского языка и литературы: он в совершенстве знает русский язык и литературу, разбирается во всех тонкостях русского языка, кроме того, он ученый - исследователь в области устной и письменной речи, исследует фольклор изучает культуру нашего народа на основе языка и литературного творчества, изучает тексты древности и средневековья , проводит филологические семинары.

Филолог получил образование на филологическом факультете и заботится о русском языке : посвящает языку долгие годы своей жизни , стремится преобразовать наш русский язык в самый красивый, выразительный и богатый от природы ; не дает погибнуть русскому языку, сохраняет языковые традиции .

Остальные когнитивные признаки исследуемого концепта обладают незначительной яркостью в обыденном языковом сознании.

Обращает на себя внимание наличие многих ложных когнитивных признаков:

Профессиональный литератор	4
Обладает определенными философскими знаниями	4
Искусствовед	2
Занимается переводами	2
Творческая натура	1
Может что-то большее	1
Деятель нации	1
Собирает марки, коллекционирует	1
Изучает проблемы, которые интересуют население	1
Врач	1
Собирает сведения и отвечает на поставленные вопросы	1
Учит правильно жить людей	1

При этом из 232 опрошенных понимают значение слова «филолог» хорошо и удовлетворительно 89%, и 11% дают неправильную трактовку.

Таким образом, концепт *филолог* актуален для языкового сознания носителей русского языка, но его содержание каждым десятым носителем языка воспринимается неадекватно.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М., Восток-Запад, 2007.

Т.В. Тимошина

Индивидуально-авторская концептосфера С.Довлатова и Д.Рубиной (концепт *работа*)

Концепт *работа* отечественными лингвистами не исследовался, в то же время неоднократно рассматривался смежный концепт *труд* (см: Банкова Л.Л. из Нижнего Новгорода, Гоннова Т.В. из Волгограда, Мирошниченко Л.Н. из Краснодара, Чернова О.Е. из Екатеринбурга), частично совпадающий с концептом *работа*. На материале индивидуальной художественной концептосферы исследований этих концептов до настоящего времени нет.

Нашей задачей является описание концепта *работа* в индивидуальной художественной концептосфере С.Довлатова и Д.Рубиной в сопоставлении с этим концептом в национальной концептосфере. Таким образом, мы ставим задачу выявить специфику индивидуально-авторского концепта в творчестве писателей относительно друг друга и относительно концептосферы в целом.

Материалом исследования индивидуальных концептов явились художественные и публицистические тексты С.Довлатова и Д.Рубиной;

для описания концепта *работа* в национальной концептосфере использовались данные толковых и энциклопедических словарей, словаря синонимов, частотных и ассоциативного словарей, а также анализ фразеологизмов и паремий (см. список словарей). По данным «Частотного словаря» С.А.Шарова (2002), в современных художественных, газетных и научно-популярных текстах на 1 000 000 словоупотреблений частота употреблений слова «свобода» составляет 675 (<http://www.gramota.ru>), что является высоким показателем.

Концепт *работа* представлен в русском языке целостной (холистической) номинацией – когда обозначается концепт в целом, и признаковой номинацией – когда в тексте или словаре развернуто вербализуются (называются) отдельные признаки концепта.

В индивидуальной художественной концептосфере концепт *работа* анализировался на материале художественных и публицистических текстов С.Довлатова и Д.Рубиной, во многом мировоззренческих близких, что определяет сходство в содержании ряда концептов. Выявлены следующие языковые объективации исследуемого концепта в текстах указанных авторов:

Потом моя жена довольно быстро нашла работу. Устроилась машинисткой в русскую газету « Слово и дело ». (СД 1, 50)⁶; Почему-то жены легче находили работу. Может, у наших жен сильнее чувство ответственности? (СД 1, 51); Газетная работа поныне является для меня источником существования. (СД 4,17); Позиция «чего изволите» устраивает любое начальство. И работенка этим людям всюду найдется. (СД 1, 152) – *средство к существованию 4.*

Я знал, что литература меня не прокормит... что работы для гуманитариев с амбициями - нет (СД 1, 138) ; Я знал, что литература в Америке источником существования не является... Что людям моего склада очень трудно найти работу. (СД 1, 287) – *в Америке литератору трудно найти работу 2.*

Всех нас объединяли поиски работы. Вернее - хотя бы какого - то заработка. (СД 1, 59); Надо было искать работу. (СД 4, 17) – *работу приходится искать 2.*

В Союзе тех, кто был «неправ», - убивали. Ссылали в лагеря, выгоняли с работы. (СД 1, 194) – *с работы могут выгнать.*

Вчера я спешил на работу. Спустился в метро... (СД 1, 349) - *на работу приходится спешить.*

...я ...около года пролежал на диване в раздумьях о судьбах интеллигенции, в то время как моя жена каждое утро отправлялась на тяжелую работу. (СД 2, 291) – *работа бывает тяжелой.*

⁶ Сноски на источники даются с указанием номера произведения в списке, приводимом после статьи. СД - Сергей Довлатов, ДР – Дина Рубина.

Организаторы конференции проделали нелегкую работу. Изыскали значительные средства. Обеспечили высокий уровень дискуссий. (СД 1, 203) - *работа организаторов тяжелая*.

Хотя должен предупредить, что работа в госпитале - не из легких. (СД 1, 54) – *работа в госпитале тяжелая*.

Вам повезло, что напротив бордель. Девицы работают круглые сутки... Могли ведь и не позвонить. Работа у девчат тяжелая, однообразная. А пожар все-таки развлечение... (СД 1,118) - *работа в публичном доме тяжелая и однообразная*.

Работа его не удовлетворяла. Он назойливо заговаривал с пассажирами в лифте. Делился планами создания новой газеты. (СД 1, 192) - *работа может не удовлетворять*.

Но вне работы он - пустое место. Черств, эгоистичен, занят исключительно собой. Живем мы скучно, замкнуто, однообразно. (СД 1, 307) – *человек вне работы теряет индивидуальность*.

Контролировать их [почтовых служащих] работу невозможно... Как же уследить за их работой на всех этапах?.. (СД 1, 346) - *работу служащих трудно контролировать*.

С первых дней мы уяснили - в Америке надо работать. И большинство с этим примирилось... Тем более, что всякая работа здесь хорошо оплачивается. (СД 1, 156) - *всякая работа в Америке хорошо оплачивается*.

Многие довольно быстро устроились на тяжелую, хорошо оплачиваемую работу. Сели, например, за барабанку такси. (СД 1,70) - *в эмиграции быстро находят работу*.

Я слышал, есть место на питомнике лекарственных змей. Работа несложная. Главное - кормить их четыре раза в сутки (СД 1, 59) – *работа в питомнике несложная*.

Дроздов между тем нашел себе временную работу. Устроился на базу перетаскивать свиные туши и рыбу. (СД 1, 74) – *работа бывает временной*.

Заказы мы надеялись получать у русских издателей. Например, у Карла Проффера... И он действительно сразу прислал моей жене выгодную работу. (СД 1, 105) - *работа может быть выгодной*.

Работа для нее была важнее любви. (СД 2, 17) – *работа бывает важнее любви*.

Будущее для нее определялось работой. (СД 2, 171) - *работа может определять будущее*.

Двадцать лет армейской жизни научили его элементарным, ясным представлениям о мужестве как о физическом совершенстве. То есть о готовности к войне, любви или работе... (СД 2, 181) - *работа требует мужества*.

Мы живем в другом мире... Одни и те же понятия – семья, любовь, работа, деньги, творчество и так далее – наполнены абсолютно другим,

иногда чуждым и малопонятным содержанием. (СД 2, 318) - *работа в СССР и в США понимается по-разному*.

... в Америке потеря работы очень много значит, человек успевает нахапать в кредит всякого барахла, и что потом делать – неясно. (СД 2, 320) - *терять работу в Америке очень тяжело*.

Мою работу в частном порядке хвалили уважаемые люди. (СД 4, 31) – *работу могут хвалить*.

Так началась история книги... после целого года тяжелой работы над новым романом, - ежедневной каторги, не оставляющей сил ни на что другое. (Дина Рубина 5, 5); Нелегкая работка, между прочим - написать, скажем, текст страниц на тридцать. (ДР5, 50); ...ведь профессия литератора – это ... тяжелый многочасовой труд, подчас изнуряющий, огромная психофизическая нагрузка...(ДР 8,471) - *работа писателя тяжелая 3*.

Когда все хорошо, - то есть, идет работа, и всех с утра удалось выгнать из дома по делам-мастерским-работам-учебам, - тогда быстро сварить кофе, к черту душ-прическу-кремы, - жаль утреннего времени. (ДР5, 333); На переодевание времени тоже жаль, потому что работа идет. (ДР5, 333) – *когда работа делается 2*.

А существовать без этого уже невозможно. Ты становишься работой работы. (ДР5, 70); Я, например, очень завишу от моей работы: когда она идет день за днем и что-то получается, - я совершенно довольна жизнью и даже счастлива. Если нет – что угодно может произойти замечательного во всех других плоскостях жизни ...мне свет не мил... (ДР7, 322) – *работа делает человека зависимым 2*.

Вообще, известная писательница была крепкой неизнеженной женщиной, спокойно и незаметно перемалывающей всю тяжелую домашнюю работу. (ДР8, 266); Она сразу взвалила на себя всю работу по дому. Скребла, стирала, кипятила, варила, возилась с малышкой – самозабвенно. (ДР7, 211) – *домашняя работа тяжелая 2*.

Конечно, моя работа в Москве была не только «хлебом», хотя и хлебом тоже. (ДР 7, 319) – *средство к существованию*.

Его уже успели уволить с работы, на которую три месяца назад его устроил Юрик. (ДР8, 352) – *с работы могут выгнать*.

Ну, родственники его – люди занятые, проглотив свой ранний завтрак, уже убегая на работу, объяснили гостю... (ДР6, 225) – *на работу приходится спешить*.

Как вы выходите из состояния отчаяния, стрессов...? – Да все тот же старый способ: матушка-работа...(ДР5, 332) – *работа помогает выйти из душевного кризиса*.

Прозаику нужна тишина, покой и много часов невылазной работы. (ДР 5,70) – *прозаику необходима многочасовая работа*.

...писателю вообще негоже показываться публике на глаза. Не в том смысле, что – «ты царь, живи один», а в том, что для работы это ничего не

дает. Только вредит. (ДР6, 15) – *работе писателя мешают публичные выступления.*

Встать, принять душ, вылакать свой кофе и сесть за работу – инстинкт, условный рефлекс, привычка цирковой лошади, бегающей по кругу под щелканье бича... (ДР8, 56) – *привычка к работе подобна условному рефлексу.*

В сущности, она не боялась никакой физической работы и умела делать все. (ДР8, 266) – *любой физической работе можно научиться.*

Да-да, это легче, какая-нибудь незамысловатая физическая работка в вечернее время - мытье полов в каком-нибудь уютном офисе. (ДР8, 267) – *физическая работа примитивна.*

Забавно, что друзья и милые знакомые... в ужасе закатывали глаза и разводили руками: известная писательница и грязная работа? (ДР8, 267) – *грязная работа не подходит писательнице.*

Сегодня утром, как обычно и как назло, едва пошла работа... как раз тогда раздался очередной телефонный звонок. (ДР8, 208) – *работе мешают телефонные звонки.*

Признаки, полученные путем интерпретации употреблений номинаций концепта в газетно-публицистической и художественной речи, отражают индивидуально-авторскую концептосферу; признаки, полученные в ходе когнитивной интерпретации значений целостных номинаций ассоциативного поля слова *работа* отражают национальную концептосферу.

Для каждого признака вычислен индекс яркости как отношение количества объективаций данного когнитивного признака к общему количеству объективаций концепта. Содержание концепта «работа» в рассмотренных источниках включает 98 когнитивных признаков.

Таким образом, проведенное сопоставление показывает, что национальная концептосфера и индивидуальная концептосфера С.Довлатова имеют единичные сходства. Совпадают следующие когнитивные признаки (имея разную яркость):

	общенац.	Довлатов
<i>источник заработка</i>	0,33	0,13
<i>вид деятельности, труда</i>	0,10	0,03
<i>трудная</i>	0,28	0,03

Остальные признаки в исследуемых концептосферах различаются.

Примеры национальных когнитивных признаков, не актуализируемых в текстах С.Довлатова и Д.Рубиной:

<i>интересная</i>	0,10
<i>представляет собой занятие</i>	0,08
<i>ее лучшие избежать</i>	0,06
<i>учебная</i>	0,05
<i>любимая</i>	0,04
<i>неинтересная</i>	0,04

<i>хорошая</i>	0,04
<i>плохая</i>	0,03
<i>суждена на всю жизнь</i>	0,01
<i>это счастье</i>	0,01
<i>это тяжелая судьба</i>	0,01
<i>работа всегда найдется</i>	0,12
<i>человека ценят по работе</i>	0,05
<i>работа доставляет радость</i>	0,05
<i>нельзя отвлекаться от работы из-за разговоров</i>	0,05
<i>плохо, когда работы нет</i>	0,02
<i>хорошая работа вызывает уважение к человеку независимо от должности</i>	0,02
<i>настоящий человек любит работать</i>	0,02
<i>работа не нужна сытому человеку</i>	0,02
<i>работа тяжела, но она кормит человека</i>	0,02
<i>работа делает человека лучше</i>	0,02
<i>работы не надо бояться</i>	0,02
<i>работой богатства не наживешь</i>	0,02

Специфику индивидуальной концептосферы в текстах С.Довлатова составляют следующие чисто «довлатовские» когнитивные признаки:

<i>в Америке литератору трудно найти работу</i>	0,06
<i>всякая работа в Америке хорошо оплачивается</i>	0,03
<i>в эмиграции быстро находят работу</i>	0,03
<i>терять работу в Америке очень тяжело</i>	0,03
<i>работа в СССР и в США понимается по-разному</i>	0,03
<i>человек вне работы теряет индивидуальность</i>	0,03
<i>работа может не удовлетворять</i>	0,03
<i>работа требует мужества</i>	0,03
<i>работа бывает важнее любви</i>	0,03

Тем самым С.Довлатов подчеркивает *специфику работы в США*: она тяжелая, но хорошо оплачивается; работу в Америке тяжело терять; в Америке эмигранты быстро находят работу, но литератору найти работу трудно. Автор отмечает также *универсальную* закономерность: работа может не удовлетворять, в то же время вне работы человек теряет индивидуальность.

Специфику индивидуальной концептосферы в текстах Д.Рубиной составляют следующие актуализируемые только в ее текстах когнитивные признаки:

<i>работа писателя тяжелая</i>	0,14
<i>домашняя работа тяжелая</i>	0,10
<i>работа увлекает, когда работа делается</i>	0,10
<i>работа делает человека зависимым</i>	0,10
<i>работа помогает выйти из душевного кризиса</i>	0,05
<i>многочасовая работа необходима прозаику</i>	0,05
<i>работе писателя не полезны публичные выступления</i>	0,05
<i>привычка к работе подобна условному рефлексу</i>	0,05
<i>работе мешают телефонные звонки</i>	0,05
<i>работа – это главное в жизни</i>	0,05

Тем самым Д.Рубина подчеркивает *противоречивую сущность* понятия *работа*: писательская работа *тяжела*, но *необходима* автору и подобна условному рефлексу; работа делает человека зависимым, но и помогает выйти из душевного кризиса. По утверждению автора, работа – *это главное в жизни* (многочасовая работа необходима прозаику).

Таким образом, проведенное сопоставление показывает, что национальная и индивидуальная концептосфера для концепта *работа* имеют незначительное сходство. Совпадают лишь отдельные когнитивные признаки: вид деятельности, труда; трудная; источник заработка.

Индивидуально-авторскими (не зафиксированными в общенациональной концептосфере) оказались **35** (из 98) когнитивных признаков концепта *работа*.

Может быть вычислен *индекс индивидуальной маркированности концепта* как отношение количества индивидуально – авторских признаков в содержании концепта к общему количеству когнитивных признаков концепта.

Индекс индивидуальной маркированности для концепта *работа* у С.Довлатова составляет 0,25, что свидетельствует о достаточно высокой степени индивидуализации концепта в сознании автора, которого интересует сущность этого понятия в условиях жизни в США, где работа тяжелая, но хорошо оплачивается; где эмигранты быстро находят работу, но литератору найти работу трудно; где работу очень тяжело терять. Автор отмечает также *универсальную закономерность*: работа может не удовлетворять, в то же время вне работы человек теряет индивидуальность.

В творчестве Д.Рубиной концепт *работа* актуализируется менее активно. Автор акцентирует внимание на психологической составляющей понятия *работа*: работа писателя тяжела, но необходима и подобна условному рефлексу; работа делает человека зависимым, но и помогает выйти из душевного кризиса. Д.Рубина утверждает *главенствующее место работы* в жизни писателя (многочасовая работа необходима прозаику). *Индекс индивидуальной маркированности* для концепта *свобода* у Д.Рубиной составляет 0,16, что является более низким показателем по сравнению с соответствующим показателем в текстах С.Довлатова и свидетельствует о большей близости авторского концепта Д.Рубиной к общенациональному концепту.

-
1. Довлатов С. Речь без повода... или Колонки редактора. (Ранее неизданные материалы). – М., 2006. – 432 с.
 2. Довлатов С. Малоизвестный Довлатов. Сборник – СПб.: АОЗТ «Журнал «Звезда» », 1999. – 512 с.
 3. Довлатов С. Собрание прозы в 3т. – т.1.- СПб: Лимбус-пресс, 1995. – 416 с.
 4. Довлатов С. Собрание прозы в 3т. – т.2.- СПб: Лимбус-пресс, 1995. – 384 с.
 5. Рубина Д. Больно только когда смеюсь. М.: Эксмо, 2008. - 336 с.

6. Рубина Д. «Их бин нервосо...»! – М: Эксмо, 2005. – 256 с.
7. Рубина Д. На Верхней Масловке: Повести и рассказы. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 336 с.
8. Рубина Д. Наш китайский бизнес: роман и рассказы. – М.: Эксмо, 2004.
9. Рубина Д. Холодная весна в Провансе. – М.: Эксмо, 2005- 336 с. – 496 с.

СЛОВАРИ

1. Александрова З.Е.Словарь синонимов русского языка: Практ.справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов.- 11-е изд.. перераб. И доп.- М.: Рус. Яз., 2001.
2. Большой Российский энциклопедический словарь. – М.:Большая Российская энциклопедия, 2003.
3. В.П.Жуков, А.В.Жуков. Школьный фразеологический словарь русского языка. - М.,1989.
4. Толковый словарь русского языка начала ХХI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н.Скляревской. – М.:Эксмо, 2007.
5. Пословицы русского народа: Сб. В.Даля. – М., 1957. – 992 с.
6. Русские народные пословицы и поговорки /Сост. А.М.Жигулов. – М., 1965.
7. Русский ассоциативный словарь» Ю.Н.Караурова, Т.А.Черкасовой и др. в 2 тт.,1986.
8. Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В.Н.Телии. – М., 1995.
9. Словарь синонимов /Под ред. И.Писарева.- М.: ТОМ, 1997.
10. Словарь синонимов русского языка/ Под ред. Л.А.Чешко. – М., 1968.
- 11.Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь.- 2-е изд., испр. и доп.- М.: Рус. яз., 1988.
12. Философский словарь \ Под ред. И.Т.Фролова. – Изд.7-е. – М., 2001.
13. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И.Молоткова. – М., 1967.
- 14.Частотный словарь русского языка \Под ред. Л.Н.Засориной.- М.,1977.
15. Частотный словарь С.А.Шарова. - 2002 (<http://www.gramota.ru>).

Е. Б. Чернышова

Категориальная структура концепта *школа* в языковом сознании подростков 11-14 лет

Моделирование концепта, предполагает описание его категориальной структуры. Эта процедура состоит в «выявлении иерархии когнитивных классификационных признаков, концептуализирующих соответствующий предмет или явление, и описание концепта как их иерархии по актуальности для концептуализации денотата концепта» (Попова, Стернин 2007, с. 211).

Когнитивные классификационные признаки концепта (когнитивные классификаторы) выявляются на втором этапе когнитивной интерпретации, когда выявленные дифференциальные когнитивные признаки обобщаются и интерпретируются как презентации отдельных когнитивных квалификационных признаков. Далее определяется индекс яркости каждого классификационного признака, представляющий собой отношение суммарного количества составляющих его когнитивных

признаков к общему количеству когнитивных признаков концепта, и выстраивается их иерархия.

К примеру, комплекс экспериментов со словом *школа* (свободный и направленный ассоциативные эксперименты, метод субъективных дефиниций, метод письменной рефлексии, метод графической объективации) в возрастной группе (11-14 лет) и последующая когнитивная интерпретация результатов экспериментов позволил выявить 517 когнитивных признаков, образующих содержание концепта *школа*.

Полученные когнитивные признаки в структуре концепта были объединены следующими классификационными признаками:

- дополнительные функции (0,07);
- формируемые социальные отношения (0,06);
- вызываемые эмоции (0,06);
- идеальное представление (0,06);
- внешние конструктивные элементы (0,04);
- общая оценка (0,04);
- преподаваемые дисциплины (0,04);
- степень психологического комфорта (0,04);
- виды деятельности учащихся (0,03);
- наличие установленного порядка (0,03);
- школьный инвентарь (0,03);
- основные функции (0,03);
- степень бытового комфорта (0,03);
- уровень затрачиваемых усилий (0,03);
- характеристика педагогического персонала (0,03);
- конечные результаты деятельности (0,02);
- окружающие предметы (0,02);
- типы (0,02);
- характер воздействия (0,02);
- характеристика учащихся (0,02);
- цвет (0,02);
- характер учебного процесса (0,01);
- внешние атрибуты (0,01);
- внешние очертания (0,01);
- внутренние конструктивные элементы (0,01);
- возрастные категории учащихся (0,01);
- высота (0,01);
- длительность пребывания (0,01);
- качество предоставляемого образования (0,01);
- материалы, используемые для постройки (0,01);
- наличие специализированных помещений (0,01);
- определение уровня успеваемости учащихся (0,01);
- периоды обучения и отдыха (0,01);
- проводимые мероприятия (0,01);
- степень вызываемого интереса (0,01);

степень необходимости (0,01);
 степень объективности отношения к учащимся (0,01);
 степень престижности (общепризнанности) (0,01);
 степень проявления заботы (0,01);
 степень уникальности (0,01);
 типичный представитель (0,01);
 уровень материальной обеспеченности (0,01);
 уровень рабочего состояния (0,01);
 участники учебно-воспитательного процесса (0,01);
 место в системе образования (0,01)

и другие классификационные признаки с индексом яркости менее 0,01.

Таким образом, школа концептуализируется сознанием детей 11-14 лет преимущественно не через основные, а через ее дополнительные функции. Школа готовит к жизни, там можно найти интересных людей, там можно повеселиться, она организует досуг детей и т.д. Полифункциональность школы связана с ее важной ролью в жизни учащихся, т.к. занимает большую часть их времени, требует ежедневного посещения, приложения определенных усилий и постоянного внимания к различным сферам школьной жизни. Важными для сознания подростков являются отношения с друзьями, одноклассниками и учителями. Одним из ярких классификационных признаков выделен признак «вызываемые эмоции». Это говорит о том, что дети неравнодушны к тому, что происходит в школе. Данный факт подтверждается и высокой яркостью такого признака, как «идеальное представление», который объединяет дифференциальные признаки, несущие информацию о том, какой бы хотели видеть подростки свою школу. *Она должна стать еще лучше; должна обучать астрономии; там уроки должны быть короче; должна быть с пятидневной учебной неделей; должна иметь обустроенную территорию; там должны уважать учеников; там не должны учиться плохие ученики; там перемены должны быть длиннее и т.д.*

На периферии когнитивного сознания учащихся 11-14 лет остаются участники учебно-воспитательного процесса; проводимые мероприятия; уровень соответствия современным требованиям; характеристика учебного процесса; наличие поощрительной системы и проч.

Содержание

От редакции	3
Вопросы теории	
Бабушкин А.П. Методика выявления концептов разных типов	4
Влавацкая М.В. (Новосибирск) Типы контекста и понятие сочетаемости	14
Дворникова Л. В. О содержании лингвистического термина «локализованное движение»	27
Лысенко С.А. Некоторые вопросы соотношения устной и письменной форм речи в современном обществе	30
Попова З.Д. Вербализация смыслов как ономасиологический процесс	36
Топорова В.М. Методика исследования концептуальных блоков	40
Стернин И.А. Мифологические компоненты обыденного языкового сознания	48
Чарыкова О.Н. Лингвокогнитивные основы описания национальной метафорической картины мира	59
Когнитивное сознание	
Бейлинсон Л.С. (Волгоград) Концептуализация ошибок в обиходном и профессиональном языковом сознании	67
Вовк Е.В. (Борисоглебск) Концепт <i>идеальный собеседник</i> в русском коммуникативном сознании	76
Дюжакова С.Г. Динамика концепта <i>эмоциональная привязанность</i> в сознании литературного героя (на материале трилогии Л. Н. Толстого «Детство», «Отрочество», «Юность»)	80
Карасик В.И. (Волгоград) Лингвокультурный концепт <i>сознательность</i> как индикатор советской эпохи	83
Литвинова Л.А. Динамика развития концепта «деревня» в русском языковом сознании	92
Литвинова Л.А. Полевая структура концепта «деревня» в русском языке	98
Литвинова Ю.А. Полевая структура концепта «город» по данным экспериментов, художественной литературы, публицистики, пословиц, поговорок и фразеологизмов	104
Мещеряков А. Н. Структура концепта <i>Glück</i> (на материале немецкого языка)	109
Михайлова Т.В. (Астрахань) Концепта «катастрофа» в русском языковом сознании (по результатам экспериментов)	113
Неровная Н.А. Анкетирование как способ экспериментального исследования концепта «толерантность» в русском и английском языковом сознании	130
Никифорчук Е.В. Гендерные исследования и лингвистическая гендерология	135
Селезнева Г.Я. Когнитивное исследование русской фразеологии (на материале фразеологизмов с компонентом «числительное»)	138
Терновых Ю.В. Концепт <i>филолог</i> по данным экспериментального исследования	152
Тимошина Т.В. Индивидуально-авторская концептосфера С.Довлатова и Д.Рубиной (концепт <i>работа</i>)	156

Чернышова Е. Б. (Борисоглебск) Категориальная структура концепта <i>школа</i>	163
в языковом сознании подростков 11-14 лет	
Содержание	166